

Н.Н. Ступницкая

Расколотый мир

**(о романе А.И. Солженицына
«В круге первом»)**

А.И. Солженицын

Рекомендовано к печати Ученым советом
Харьковского национального
автомобильно-дорожного университета
(протокол № 3/1153 от 04.11.2011 г.)

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор
Л.Г. Фризман

доктор филологических наук
И.Я. Лосиевский

Ступницкая Н.Н.

Расколотый мир (о романе А.И. Солженицына «В круге первом») :
монография / Наталия Николаевна Ступницкая. – Харьков : Планета-Принт,
2011. – 173 с.

В монографии предпринимается попытка осмыслить идейно-художественную семантику и структуру образной системы романа А.И. Солженицына «В круге первом». В этой книге, с учетом сделанного предшественниками, представлен взгляд на образную систему «В круге первом», опирающийся на типологию, которая, по нашему мнению, лучше и вернее поможет осмыслить идейные и эстетические позиции А.И. Солженицына.

Для ученых-литературоведов, преподавателей, аспирантов и студентов-филологов, историков, культурологов и представителей других гуманитарных специальностей, всех, кто интересуется творчеством А.И. Солженицына.

Введение

Творчество А.И. Солженицына стало выдающимся явлением русской литературы XX века. Зачастую полемически заостренные и неоднозначные, его произведения проникнуты глубоко гуманистическим содержанием. Несмотря на то, что творчество Солженицына изучается отечественным и зарубежным литературоведением, о нем написаны множество статей и десятки книг, не раз предпринимались попытки осмыслить особенности его таланта, по сей день специфика его произведений остается недостаточно исследованной. Роман «В круге первом» – одно из выдающихся произведений писателя – до сих пор вызывает интерес историков, культурологов, историков литературы. Сложился широкий диапазон мнений как о идейно-художественном своеобразии романа, его исторической достоверности, так и об отдельных его персонажах. Тем не менее, на наш взгляд, особенности образной системы этого многогранного произведения и до сегодняшнего дня недостаточно изучены в трудах исследователей. Потому в этой книге предпринимается попытка осмыслить идейно-художественную семантику и структуру образной системы романа А.И. Солженицына «В круге первом».

С учетом сделанного нашими предшественниками представлен взгляд на образную систему «В круге первом», опирающийся на типологию, которая поможет лучше и вернее понять идейные и эстетические позиции А.И. Солженицына.

Из истории изучения романа «В круге первом»

История изучения романа насчитывает немало ценных исследований, позволяющих сделать выводы о своеобразии этого произведения. Условно ее можно разделить на три этапа. Первый этап, без сомнения, начинается с оценки, данной Твардовским. Он «хвалил роман с разных сторон и в усиленных выражениях. Там были суждения художника, очень лестные мне. “Энергия изложения от Достоевского... Крепкая композиция, настоящий роман... Великий роман... Нет лишних страниц и даже строк... Хороша ирония в автопортрете, при самолюбовании себя написать нельзя... Вы опираетесь только на самых главных (то есть классиков) да и то за них не цепляетесь, а своим путем... Такой роман – целый мир, 40-70 человек, целиком уходишь в их жизнь, и что за люди!..”, хвалил краткие, без размазанности, описания природы и погоды» [87, с. 97].

Не столь восторженное восприятие романа было у М.А. Лифшица, которого в 1961 году А.Т. Твардовский попросил дать внутреннюю рецензию. М.А. Лифшиц излагает свои соображения по поводу некоторых образов и повествовательной манеры писателя: «В глазах читателя романа А.И. Солженицына личные качества Сталина, его тщеславие, властолюбие, беззастенчивость не должны играть главную роль – это было бы повторением культа личности наизнанку. Мне кажется, что в изображении этой фигуры необходимо воздержаться от малейшего журнализма... бог с ними, с тайнами мадридского двора, с темными закоулками и тупиками этой души, в свете сегодняшней и особенно завтрашней сенсационности такому писателю, как А.И. Солженицын, лучше сохранять сдержанность, не пускаясь в психологические, т.е. сугубо личные объяснения» [58, с. 81].

Противоположное мнение о сталинских главах высказал А.Т. Твардовский: «их можно было бы и изъять, но отсутствие их в романе могло бы быть воспринято как «испугался», «побоялся не справиться». Спиридон же «показался ему слишком коварен, хитер, нарисован “несколько с горожанскими представлениями”» [87 с. 98]. М.А. Лифшиц полагает, что «по содержанию своих речей и поступков, не говоря уже о манере держаться, – Рубин ничтожен.

Чувствуется, что реальный прототип скорее таков, а все остальное – от желания поднять его на известную высоту» [58, с. 76], а «трагедия идейного коммуниста в сталинскую эру заслуживает другого изображения. Ведь перед нами проблема оценки всей нашей революции, ее исторического значения. Более того – здесь речь идет о вековом развитии революционных идей в России и во всем мире накануне русской революции. Нет, Рубин не та фигура, которая может выдержать такую нагрузку» [58, с. 77]. Некоторые выводы М.А. Лифшица представляются спорными. Признавая психологическую верность образов, критик полагает, что писателю необходимо объективизировать повествование, дистанцировав персонажей от читателя, и предоставив ему возможность самостоятельно сделать выводы. Однако исследователь не обратил внимания на специфику солженицынского повествования, давшую возможность выразить разнообразные мнения: герои-антагонисты свободно выражают свои мысли на страницах романа.

Не будучи подвержены идеологическим ограничениям, зарубежные исследователи сделали первые ценные наблюдения, ставшие основой непредвзятого осмысления романа Солженицына. Достаточно характерна для этого периода работа Л. Келер, основное внимание которой сосредоточено на исследовании идейно-тематического аспекта произведения. Однако существенное отличие этой статьи состоит в том, что тематическая и идейная насыщенность произведения, по мнению исследователя, обусловлена тесной взаимосвязью романа с мировой этико-философской мыслью: «Темы-то, темы какие, не какая-нибудь обывательская трепня о житейских неполадках, а вечные вопросы. Чего только не обсуждают заключенные, какие только глубокие, бережно-выношенные и выстраданные мысли не высказываются в стенах спецтюрьмы!» [46, с. 81]. Подобное утверждение положило начало рассмотрению произведения с общечеловеческих позиций. Сходное мнение высказал и Л.Д. Ржевский, полагавший, что Солженицын показал процесс пробуждения совести даже и в условиях тотального обесчеловечивания: «Тема совести – этой, фигурально выражаясь, спящей красавицы послеоктябрьской литературы – зазвучала в его творениях щедро и многоголосо» [80, с. 12].

Дальнейшее изучение романа ознаменовалось смещением акцентов с исследования идейно-тематических особенностей

произведения на своеобразии образов. В.И. Гребенщиков [113] выдвинул достаточно интересную концепцию, сравнивая солженицынский роман с «Божественной комедией». Проводя ряд параллелей, исследователь не только прослеживает преемственность образов и идей, но и свидетельствует об их непреходящем значении для всего человечества. Характеризуя образы сквозь призму дантовского эпоса, Гребенщиков сделал попытку раскрыть потаенный внутренний мир персонажей романа. Тем не менее, исследователь оставил без внимания значительную часть образов, лишь наметив аспекты дальнейшего изучения творчества Солженицына.

Сопоставление этого произведения с дантовской «Божественной комедией» позволило Л.Д. Ржевскому [80] сделать первую попытку классификации образов «В круге первом» и сгруппировать их на основе социальной детерминированности в советское общество. При всей односторонности подобной классификации она является несомненным шагом вперед в исследовании произведения. О преодолении героями нечеловеческих лагерных условий и достижении определенного уровня духовного развития свидетельствует К. Померанцев: «Все они, пережив “пограничное состояние”, получают посвящение в мистерии добра и зла. Все они переживают катарсис» [76, с. 156]. Исследователь отмечает солженицынскую веру в человека, полагая, что духовное всегда присутствует в материальном мире и настоящий реализм выявляет внутреннюю сущность столь же явно, как и видимую.

Одной из первых попыток осмысления фигуры Сталина является работа А.В. Белинкова, выявляющая особенности восприятия этого исторического деятеля: «Одной из наиболее дискуссионных, а для некоторых и сомнительной в романе Солженицына, является фигура Сталина. Дискуссии и сомнения возникают в связи с тем, что такой Сталин не мог бы сделать таких дел (такой истории)» [11, с. 429]. Оценка Сталина с общечеловеческих позиций была неожиданна для многих и породила волну непонимания, однако Белинков верно полагает, что Сталин в романе Солженицына «В круге первом» «существует не как портрет, отделенный рамочкой от других фактов произведения, а как элемент в системе его образов» [11, с. 430]. Многообразие суждений о различных этико-философских категориях выражаются

посредством образов романа, система которых соотносится не только и не столько с историей, сколько с доминирующей художественной концепцией романа о тесной взаимосвязи и взаимовлиянии внешнего мира и внутреннего самосознания персонажа, что и привело исследователя к мысли, что Сталин «безумен, гибелен и противоестественен» [11, с. 430].

Годом позже П.С. Одабашьян классифицировал персонажей, расположив их относительно полюсов добра и зла. Исследователь утверждает, что подобная поляризация героев и есть «основной мотив всех его произведений» [71, с. 247]. Однако такая классификация представляется нам несколько односторонней, так как не учитывает ряд персонажей, которых нельзя считать только воплощением добра или зла. Основываясь на исследованиях предшествующего периода, В. Краснов [50] выявил характерную черту романа, состоящую в отсутствии доминирующего мировоззрения, что обусловило возможность сосуществования различных точек зрения. Верной представляется мысль о сходстве образов Нержина и Володина, проявляющемся в неспособности к компромиссу и в готовности к самопожертвованию. Однако выделение в качестве основного идейного конфликта романа нетерпимости Сталина к оппонентам, его предельного гомофонизма свидетельствует о недостаточно глубоком осмыслении исследователем солженицынского произведения.

Второй период изучения романа начался в связи с публикацией новой редакции «В круге первом», что вызвало выход в свет работ, в которых сопоставляются две редакции. Наиболее значимой в этом отношении представляется работа Н. Рутыч [83], содержащая попытку осмысления образа Сталина, основываясь на сравнении двух вариантов романа. По мнению исследователя, первый достаточно полный литературный портрет Сталина появился именно в Круге – 96, когда писатель ввел новые главы: «Этюд о великой жизни» и «Император земли». Ссылаясь на работы историков, критик подтверждает предположение Солженицына о возможной службе Сталина в царской охранке. Однако, с нашей точки зрения, подобное утверждение нужно писателю не для выяснения исторической правды, а для выявления психологических особенностей персонажа и соответствующего его позиционирования в системе других персонажей.

Пожалуй, наибольший интерес может вызвать монографическое исследование Ж. Нива [70]. Его книга была опубликована в Париже в 1980 г., в переводе на русский язык появилась в Лондоне в 1984 году. Книга Ж. Нива построена преимущественно как критико-биографический очерк, в котором за хронологией жизни писателя следуют главы, посвященные анализу отдельных этапов жизни и творчества Солженицына. Последовательно рассматривая произведения, Ж. Нива выделяет роман «В круге первом» как знаковое произведение в творчестве писателя, в основе которого лежит выявление внутренней сущности человека. Пережитое в Марфино определило содержание романа и обусловило понимание того, что человек может спастись даже в условиях лагеря только человеческим достоинством. С точки зрения исследователя, немаловажную роль в произведении играет ирония, смех, присутствующие во многих главах романа. Стремление Солженицына к временному сжатию обусловлено, с точки зрения Ж. Нива, отсутствием интриги в его произведениях. Исследователь полагает, что предыстория героя не играет существенной роли. Книга остается актуальной, поскольку опирается на факты литературного творчества Солженицына и дистанцирована от постоянно меняющихся политических симпатий и антипатий. Отдавая должное анализу Ж. Нива, следует отметить, что в монографии не содержится сколько-нибудь полного анализа образов романа «В круге первом».

Э. Коган в опубликованной в Париже в 1982 году книге пытается объяснить психологию персонажей и логику событий, связывая их с русскими традициями [48]. Осознавая специфику советского общественного устройства и порождаемые им особенности поведения, исследователь противопоставляет активную жизненную позицию Солженицына атмосфере всеобщего безразличия «со всеми вытекающими отсюда правилами социального поведения: цинизмом, приспособленчеством, погружением в бытовую семейную раковину, развитием административно-садистских наклонностей» [48, с. 19]. Несомненная научная ценность данного исследования состоит в выявлении психологических особенностей людей, страдающих под гнетом тиранического режима, толкающего их переступить предел, отделяющий человека от людоеда, но не принимающих призывов Солженицына жить по нравственным законам. Писатель мешал

таким людям «бросить в святой простоте полence в костер инквизиции» [48, с. 20]. Подобная жизненная позиция находит свое отражение в произведениях Солженицына.

В этот период в Лондоне вышла книга М.Я. Геллера [22], приуроченная к семидесятилетию со дня рождения Солженицына. Исследователь отмечает стремление писателя рассказать правду об истории страны, сопоставляя условия жизни в дореволюционном и послереволюционном государствах. Ученый полагает, что главным предметом споров и размышлений в романе является понимание верности и измены: «Каждый из его героев стоит перед дилеммой: совершить измену себе и сдаться, либо остаться верным себе и почти наверное погибнуть» [22, с. 95]. Рассмотрение романа под таким углом зрения кардинально отличается от советских традиций политизированного прочтения, ставя во главу угла нравственное содержание романа. Понимание психологии характеров и особенностей жизни советского общества характерно для исследования М. Шнеерсон [108]. Критик приходит к выводу об общей трагичности судеб всех граждан Советского Союза: «В романе нет ни одного по-настоящему счастливого человека. Граждане сталинской державы, от мала до велика, живут на краю бездны» [108, с. 209].

Уделяя внимание образу Сталина, В. Евсюков рассматривает феномен вождизма и порождаемый им культ личности: «В феномене культа личности причудливо переплелись три философских образа будущего, завещанных XIX столетием, – “коммунистическое человечество” Карла Маркса, “сверхчеловечество” Ницше и “богочеловечество” Вл. Соловьева. Вождь выступает одновременно как воплощение коммунистической идеи, но он же и сверхчеловек, он же и бог или по крайней мере его полномочный представитель...» [40, с. 149]. Подобное осмысление персонажа свидетельствует об отходе от политизированного рассмотрения «В круге первом» и стремлении рассматривать произведение в контексте мировой философской мысли, что, без сомнения, открывает перспективы для дальнейшего исследования романа Солженицына.

Особое внимание в нем, с точки зрения А.С. Немзера, уделено духовному развитию персонажей. Солженицын «знал, что душа человека, России, человечества, одаренного почти две тысячи лет назад Благодатью, не может пребывать в смерти» [67, с. 37].

Подобные рассуждения находятся в тесной взаимосвязи с размышлениями критика о многоаспектности названия солженицынского романа: «“В круге первом”... – володинские рассуждения об отечестве и человечестве заставляют расслышать в привычном названии романа многоголосую музыку; «В круге первом» – это, вопреки прямому истолкованию (шарашка – аналог лимба, в котором Данте поместил души языческих мудрецов и поэтов), должно означать “в России”. Но дантовская символика вовсе не исчезает, круговая структура ада, обрисованная великим флорентийцем, накладывается на пространство романа» [67, с. 33]. Смысл названия разъясняется самими заключенными: «Шарашку придумал, если хотите, Данте. Он разрывался – куда ему поместить античных мудрецов? Долг христианина повелевал кинуть этих язычников в ад. Но совесть возрожденца не могла примириться, чтобы светлоумных мужей смешать с прочими грешниками и обречь телесным пыткам. И Данте придумал для них особое место» [88, с. 21-22]. «А шарашка – высший, лучший, первый круг ада. Это почти рай», – добавляет Нержин [88, с. 758]. Учитывая историю создания романа, нельзя не согласиться с выводом критика, что «среди многих смыслов, заключенных в названии романа, есть и еще один. Этой книгой Солженицын открывает свое собрание сочинений. В мир писателя следует входить, руководствуясь его указаниями. До поры мы читали Солженицына так, как позволяли обстоятельства. Ныне иная ситуация. И мы можем читать его, как должно. Медленно. Осторожно. Не оглядываясь. В правильном мерном ритме. С начала до конца. С первого солженицынского круга» [67, с. 37].

С точки зрения Ф. Воронова, «онтологические вопросы героев Достоевского для героев Солженицына стали вопросами экзистенциальными, попросту: ежечасного нравственного выбора, от которого и жизнь зависит» [21, с. 17]. С. Залыгин считает, что «рассказанное Достоевским читается нынче как предисловие к Солженицыну» [42, с. 236]. По мнению А. Якобсона, Солженицын является продолжателем идей Л.Н. Толстого: «Когда явился Солженицын и спас честь русской литературы, его явление было как чудо... А дело в том, что глубоко в земле притаились до поры живые семена, брошенные когда-то мужиковствующим графом. Из такого семечка и вырос Солженицын» [112, с. 241]. Об органичной связи романа «В круге первом» с исконными традициями говорит

Ж. Нива: «Глубоко запрятанное русское неистовство, отличающее староверов, террористов-народовольцев и даже Ленина, должно быть растворено где-то в русской природе. Кондрашев старается отыскать и выявить его» [69, с. 12].

Первой монографией о писателе в России была книга Ю.А. Мешкова [64], вызвавшая ряд откликов [53], [57]. С точки зрения исследователя, смысл образа Володина состоит в пробуждении совести. Путь же Глеба Нержина представляет собой крушение иллюзий и обретение нового взгляда на себя и свое место в жизни. Интересной представляется мысль ученого, что метафора двух кругов остается метафорой и наполняет жизненным смыслом содержание романа.

Ныне изучение творчества Солженицына рекомендуется в школе. В.А. Чалмаевым [100] была написана первая книга для учащихся, которая вышла в свет в 1994 году. Он акцентирует внимание на семи редакциях произведения, на легкости замены писателем атомного сюжета медицинским, и наоборот. Это приводит исследователя к мысли, что сюжет романа является достаточно поверхностной структурой, наличествующей в любом произведении и нужной Солженицыну в качестве каркаса, способного выдержать идейно-смысловую нагрузку. Образ Нержина кажется критику несколько сглаженным, так как герой больше слушает собеседников, чем самораскрывается. Исследователь справедливо считает, что Нержин одержим идеей найти ответ на вопрос о значении и роли революции 1917 года. Инстинктивно понимая, что заявления власти расходятся с действительностью, не находя ответа у интеллигенции, он обращается к народу. Символом народа в романе выступает Спиридон Егоров. Однако исследователь не видит подлинности этого героя, напоминающего ему лубочную картинку. Чалмаев утверждает, что герою не найдено место в сюжете, да и сам образ не найден. Спиридон, по мнению исследователя, слишком рационален, лишен самобытности. Подобная позиция вызывает возражения. С нашей точки зрения, образ Спиридона – один из значимых в романе и органично входит в систему персонажей произведения.

Существенный вклад в осмысление проблематики и поэтики романа А.И. Солженицына «В круге первом» внесла Е.В. Белопольская. Верной представляется мысль, что лагерная

тема в романе «В круге первом» интерпретируется в ее связи с темой спасения мира и осмыслением феномена тоталитаризма. Сделанные в работе наблюдения привели к выводу, что «отличительной чертой таланта А.И. Солженицына является сочетание злободневности с постановкой глубоких экзистенциальных проблем, что в полной мере проявилось в романе» [12, с. 48]. Основное внимание исследовательница уделила анализу особенностей поэтики романа, однако не получили глубокого осмысления и всестороннего освещения проблемы смысла жизни, воспитания и образования, патриотизма и предательства, духовного восхождения и растрепания. Е.В. Белопольская настаивает на символической насыщенности произведения и уделяет много внимания поэтике заглавий. Значение заголовков, с ее точки зрения, подчеркивается тем, что они в романе фигурируют дважды: в начале и в конце произведения.

Особое внимание к символическому аспекту романа обусловило, с нашей точки зрения, и деление персонажей на «чистых» и «нечистых», что явно связано с библейской символикой. В композиции романа Белопольская выделяет «два взаимодополняющих структурных элемента: принцип “узловых точек” и “панорамный” принцип повествования» [12, с. 113]. Оба эти принципа гармонично соединяются в структуре романа. В исследовании предпринята попытка решить вопрос о своеобразии творческого метода Солженицына и о его месте в литературном процессе, что позволило опровергнуть мнение о принадлежности писателя к постмодернистам. «Постмодернизм, осваивая культурное прошлое, иронически его переосмысливает. Для него “вторая реальность” (культура) важнее первой. Кроме того, для этого направления характерно определенное мироощущение – эсхатологизм. У Солженицына эти главнейшие черты постмодернизма отсутствуют. Несмотря на негативный характер нарисованной картины мира (мир – ад), роман проникнут оптимистическим пафосом. Для Солженицына важна “первая реальность”: многочисленные ссылки и отсылки ко “второй реальности” необходимы ему для того, чтобы укоренить первую в истории человечества, дать ей верную оценку» [12, с. 160]. При исследовании проблематики и поэтики романа «В круге первом» Е.В. Белопольская опирается на большое количество источников,

что привело к созданию прочной библиографической базы, которая может служить основой для дальнейшего исследования не только романа «В круге первом», но и всего творчества Солженицына. Появление подобных работ является свидетельством непреходящего интереса к личности, взглядам и произведениям писателя.

Произошедшее смещение акцентов с общественного на личностное обусловило повышение интереса к мировоззренческим особенностям персонажей романа. Н.Л. Лейдерман [55] полагает, что главное в солженицынской концепции – идея самостояния личности в борьбе с тоталитарной системой. По мнению исследователя, сосуществование натуралистической достоверности с условно символической обобщенностью свидетельствует о принадлежности «В круге первом» к идеологическому роману, в котором изображается столкновение противоположных лагерей: угнетателей и угнетенных. С точки зрения М.М. Голубкова, «нельзя воспринять систему персонажей как построенную по принципу противопоставления заключенных и их тюремщиков, свободных и несвободных людей» [26, с. 65]. Пытаясь осмыслить психологию персонажа, исследователь приходит к выводу, что Солженицын объективизирует повествование, не высказывая прямо собственную точку зрения, даже если она кардинально отличается от мнения персонажа.

Достаточно своеобразный взгляд как на все творчество Солженицына, так и на роман «В круге первом», предлагает А.В. Урманов [98]. Некоторые положения ученого представляются довольно спорными, однако способствуют более глубокому осмыслению солженицынских персонажей в контексте общественно-политической ситуации того времени и с учетом современных тенденций развития нашего общества.

Актуальность творчества Солженицына на современном этапе в значительной мере связана с тем, что мысли писателя опираются на христианский опыт предшествующих поколений. Творчество Солженицына очень многогранно, художественность в нем тесно переплетается с историей, социологией, философией. Об этом речь идет в диссертационном исследовании Ю.Н. Басенко [10].

Возрастающая роль различных теологических систем усилила влияние антропософских настроений современного общества и выделение личностного аспекта в качестве доминирующего в

творчестве Солженицына стало основой современных исследований. Присущая писателю глубокая вера помогает ему чувствовать грань между добром и злом и направлять жизнь и творчество по пути добра. Ю.В. Рокотян полагает, что «таковы герои произведений Солженицына: Иван Денисович, внешне вроде бы и не религиозный, Матрена, Спиридон, Воротынцев и многие другие» [81, с. 154]. Г.А. Шве́ц [104] считает, что разнообразие мнений и трудность анализа романа обусловлена принципиальной незавершенностью произведения, его несоответствием тому уровню художественного обобщения, на которое претендовал Солженицын. Совмещение христианской антропологии и точки зрения служителей режима позволяет определить природу тоталитарного режима как буквализацию христианской проповеди и позволяет развить это предположение в направлении определения композиционных реализаций этого архитектурного принципа. Полагая в качестве доминанты солженицынского романа всеобщую виновность, Шве́ц считает, что «пафос тотального обвинения не находит ни в одном персонаже романа соответствующего по уровню ответного пафоса. Художественный конфликт, таким образом, не обретает соответствующей среды не только для разрешения, но и просто для фабульной реализации» [104, с. 137].

Теоретический анализ романа Солженицына «В круге первом» был осуществлен Г.А. Шве́ц [105], предметом диссертационного исследования которой явился теоретико-литературный концепт «художественный мир» в контексте романной прозы А.И. Солженицына. Несомненная ценность работы состоит в разработке понятия «художественный мир» и производных от этой категории понятий: «художественный конфликт», «характер», «герой», «тип» (на материале романа А.И. Солженицына «В круге первом»). В исследовании представлен анализ теоретических взглядов на проблему художественного мира, являющегося синтезирующим понятием в эстетическом анализе литературного произведения.

Существенное внимание уделено анализу романного конфликта как такового, обобщенному сопоставлению конфликтов, которые разворачиваются на фабульном уровне романного повествования. Высказана интересная мысль об отсутствии интриги и предсказуемости почти всех поступков солженицынских героев. В романе Солженицына, по мнению Г.А. Шве́ц, ощущается

взимоотчужденность героев и, соответственно, их внутреннее самоотчуждение. Исследователь полагает, что художественный конфликт не находит соответствующей среды не только для решения, но и просто для фабульной реализации. Один из разделов диссертации посвящен анализу конкретных повествовательных реализаций онтологической коллизии человекообразующего выбора, который лежит в основе конфликтологии романа на всех повествовательных уровнях.

В исследовании Г.А. Швеца содержится анализ стилистических особенностей повествования. Особенности словоупотребления повествователя достаточно четко отделяют его от персонажей, реализующих в своем речевом поведении один из вариантов решения языкового кризиса. Кризис языка, как он представлен в романе, проявляется, с точки зрения исследователя, в парадоксальном сочетании практически полного «растворения» человека в языке и фундаментального отчуждения личности от родного языка.

Статья Ю.В. Рокотяна, исследования Г.А. Швеца и Ю.Н. Басенко отражают современные тенденции гуманизации нашего общества, способствуют более глубокому пониманию основ творчества Солженицына, намечают пути дальнейшего анализа его произведений, обращая особое внимание на личностный аспект его творчества.

Глава 1

Творческая история романа «В круге первом»

Стремление написать остросюжетную натуралистическую драму с длинным списком действующих лиц привело Солженицына к мысли описать Марфинскую шарашку, являющуюся основным местом действия в романе. Подобный выбор обусловлен биографическими фактами и ролью шарашки в духовном становлении писателя. Во втором томе «Архипелага» Солженицын рассказывает, что лагерной администрации удалось склонить его к осведомительству, но по воле случая ему не пришлось активно работать. «А тут меня по спецнаряду министерства выдернули на шарашку. Так и обошлось» [92, с. 231]. Годы пребывания в тюрьме-лаборатории среди ученых-каторжников, в атмосфере научных и философских споров стали для молодого Солженицына «Ликеем и Академией» [70, с. 64], именно поэтому роман «В круге первом» является стержневым для творчества писателя и онтологически связанным с его последующими повествованиями. Солженицын, по мнению О.В. Андреевой-Карлайл, считал «В круге первом» «самой своей важной, самой значительной книгой, той, которая метит в самое яблочко советской правящей верхушки» [3, с. 212].

Роман «В круге первом» имеет несколько редакций. Первая редакция (в 96 главах) начата в 1955 г. в Кок-Тереке и закончена в деревне Мильцево в 1957 г. В 1958 году в Рязани созданы вторая и третья редакции, позже уничтоженные автором из конспиративных соображений. В 1962 г. Солженицын сделал четвертую редакцию романа «В круге первом», которую считал окончательной. Однако в 1963 году, после удачной попытки позитивной инкорпорации в советскую действительность (выход «Одного дня Ивана Денисовича» в «Новом мире»), сделавшей Солженицына доминирующей фигурой литературного поля СССР, мысль о возможности частичной публикации романа привела к

существенному изменению произведения, обусловила исключение заведомо невозможных глав, политическое смягчение остальных.

Всю зиму 1964 года писатель работал над облегченным вариантом романа, в котором была изменена главная сюжетная линия: вместо «атомного», как было на самом деле, поставлен широко известный советский сюжет тех лет: о враче, передавшем лекарство на Запад. Желая проверить впечатление, которое произведет роман на А.Т. Твардовского, Солженицын организовал чтение у себя дома – подальше от заместителей главного редактора, озабоченных исключительно сохранением собственного благополучия и боящимися всякого отступления от идеологического курса верхов. Начал читать Твардовский не очень «захваченно, но от завтрака до обеда разошелся, курить забывал, читал, почти подпрыгивая» [87, с. 94]. «Вообще в разных местах романа его восприятие было не редакторским, а самым простодушным читательским» [87, с. 96]. «Твардовский не только хвалил роман – он готовился принять за него и страдания» [87, с. 98]. 11 июня 1964 года состоялось обсуждение романа редакционной коллегией «Нового мира». По словам Твардовского, «все эти 40 дней роман был “предметом душевного обихода” для него, что он непрерывно его осмысливает, «считаюсь не только с точкой зрения вечности, но и – как он может быть прочитан теми, от кого зависит решение» [87, с. 99].

Но даже после согласия редакции напечатать «В круге первом» Твардовский не рискнул полностью показать роман хрущевскому эксперту по культуре В.С. Лебедеву, после резко отрицательной реакции которого надежды на возможность публикации «В круге первом» не осталось, и Солженицын углубляет и заостряет в деталях роман в восьмидесяти семи главах, фото пленка с которым в октябре 1964 года попадает на Запад: «один исключительной храбрости человек, почитатель литературного таланта Солженицына, вывез из Советского Союза в кармане плаща микропленку с текстом романа «В круге первом». Годы эта микропленка пролежала в ящике его письменного стола. Тогда Солженицын просил опубликовать его книгу только в случае его смерти» [3, с. 215].

Изменившаяся политическая ситуация (падение Хрущева) заставила Солженицына, спасая свои произведения, предпринять решительные шаги в этом направлении и привела к желанию

заменить роман «В круге первом» на «Раковый корпус». После отказа Твардовского, в сентябре 1965 года, Солженицын забирает «В круге первом» из «Нового мира» и относит к Теушу, в результате обыска у которого архив писателя, в том числе – «Круг первый», лагерные поэмы, пьесы (в частности – «Пир победителей»), оказывается в КГБ, что вызвало у Солженицына панику. Намного позже он осознал, что «попадание романа на Лубянку просто было «судьбою книги» согласно латинской пословице – началом ее особого литературного движения» [87, с. 121]. Захват КГБ пятой редакции романа окончательно заблокировал публикацию произведения в СССР.

В 1966 году отобранные при обыске произведения Солженицына были изданы закрытым тиражом, используя «для удушения личности не прямо тайную полицию, а контролируемую малую гласность – так сказать, номенклатурную гласность» [87, с. 141]. Свидетельством тому является отзыв К.М. Симонова, прочитавшего конфискованный роман по поручению партии. Он пишет, что «читал роман с тяжелым чувством, потому что в этом новом романе Солженицын поставил перед собой задачу дать более или менее многостороннюю картину жизни нашего общества в первое послевоенное пятилетие, и картина этой жизни получилась у него предвзятой и несправедливой» [68, с. 148]. Симоновское восприятие соответствовало идеологическим установкам и выражало официальную точку зрения, что вынудило Солженицына пустить роман в Самиздат, чтобы предоставить возможность читателям составить собственное мнение.

Достаточно подробно о событиях вокруг публикации романа «В круге первом» на Западе рассказывает О.В. Андреева-Карлайл [3], [4], [5], [6], [7], которая занималась организацией перевода произведения и выходом его в свет с привлечением к этому событию наибольшего внимания мировой общественности.

В 1968 году роман «В круге первом» вышел за границей. В американском издательстве Harper and Row была опубликована шестая редакция романа на русском языке, именно с нее и были сделаны все иностранные переводы. Попавший в Самиздат и опубликованный на Западе, роман, тем не менее, не соответствовал истинному замыслу писателя. «Истинный роман, оконченный мною много лет назад, имел настолько взрывчатое содержание, его совершенно невозможно было даже пустить в Самиздат... и тем

более предложить Твардовскому и “Новому миру”» [92, с. 239]. Следует отметить, что роман «В круге первом, опубликованный в 1968 году за рубежом, имел несколько авторских редакций до того, как в 1959 году Солженицын приступил к написанию «Одного дня». Окончательный вариант появился несколько позже. Летом 1968 года была сделана еще одна (7-я) редакция – полный и окончательный текст романа (96 глав), никогда в Самиздате не ходивший и не издававшийся отдельной книгой.

В декабре 1978 года были опубликованы два первых тома Собрания сочинений на русском языке. Издание подготавливается в Кавендише Солженицыным и его женой и выпускается в Париже православным издательством ИМКА–Пресс. Это собрание открывается полным вариантом романа «В круге первом», первым, после лагеря, большим произведением.

Проведение текстологических исследований для сопоставления всех существовавших редакций произведения, с нашей точки зрения, дело будущего, однако уже сейчас можно утверждать, что существуют значительные различия между вариантами романа в восьмидесяти семи и в девяносто шести главах.

Говоря о двух версиях романа (К-96 и К-87), Л.В. Лосев отмечает различие в их психологическом восприятии: «Итак, если говорить о некоем эмоциональном качестве переживаемых катарсисов, то в первом случае катарсис в конечном счете сводится к решению рационально поставленной загадки, что является видом развлечения. Во втором – катарсис состоит в эмоциональном потрясении глубоко эмоционально вовлеченного читателя, что становится частью личного опыта, возможно, приводит к изменению в самой структуре личности читателя» [59, с. 36]. С подобной оценкой разных редакций романа не согласна Н.Д. Солженицына, полагавшая, что нравственный выбор Володина в «атомном» варианте значительно труднее. Благородный поступок героя ради спасения ни в чем не повинного доброго человека вызывает безусловное сочувствие и не идет ни в какое сравнение с действиями персонажа, которые при любом режиме расценивались бы как предательство. Л. Лосев продолжает: «Самые трагические жизненные ситуации, говорила Наташа, когда нет возможности отвернуться от злого и выбрать доброе, а когда выход только... И тут она складывала руки лодочкой, как для

ныряния или для молитвы, как будто поступок, подобный володинскому выбору истины и есть голову очертя ныряние вверх» [59, с. 38].

Сопоставление различных редакций романа позволяет сделать вывод, что работа Солженицына над образами велась по линии углубления психологизма, свидетельством чего являются изменения в трактовке персонажей. Я.С. Лурье отмечает: «В редакции 1964 г. романа «В круге первом» Глеб Нержин в своих тайных заметках на «шарашке» писал, что Маркс “видел какие-то экономические пути включения *всего* крестьянства в новую экономическую систему. *Пахан* в 1929 г., конечно, не искал этих путей... Зачем мяснику учиться на терапевта?...” В последней редакции все это место опущено» [61, с. 120]. Сходную мысль в своей книге высказал Ж. Нива: «В третьем варианте, «вермонтском», но написанном в 1968, меняется также портрет Сологдина – Панина, намечен отход от рыцаря с лицом Христа. Нержин – Солженицын эмансипируется – освобождается от воздействия того, кто, в большей мере, чем Рубин – Копелев, был его наставником в мятеже» [70, с. 108]. Образ Сологдина существенно снижен, но это лишь подчеркивает героизм Герасимовича. В шестьдесят девятой главе появляются весьма существенные детали: в споре о свободе Рубин говорит: «А ты бы не кланчил? У тебя просто нет возможности получить свободу. А то на брюхе бы пополз!» – « Никогда! – затрясся Сологдин» [88, с. 532]. И далее: «Если раньше Сологдин мог колебаться, то теперь-то с наслаждением влепит он удар этой своре: не давать им шифратора! Не давать! Не катить же и тебе их проклятой колесницы! Ведь потом не докажешь, как они были слабы и бездарны! Нагалдят, нагудят, назвенят, что все – от закономерности, что быть иначе не могло» [88, с. 533]. В семьдесят девятой главе вставлен важный внутренний монолог Сологдина, представляющийся финальной точкой предыдущего спора героя с Рубиным: «Все пути событий подчинены тебе. Зачем тебе погибать? Для кого? Для безбожного потерянного развращенного народа?» [88, с. 599]. Не менее интересны появившиеся в романе размышления Яконова, который не сомневался, что «победителем будет Советский Союз. Яконов понял это еще после поездки в Европу в 1927 году. Запад был обречен именно потому, что хорошо

жил и не имел воли рисковать жизнью, чтобы эту жизнь отстоять» [88, с. 594].

В новую редакцию романа добавлен спор Нержина с Рубиным о социализме и разговор Нержина с Герасимовичем о разумно устроенном обществе. В окончательной редакции романа появляется глава, имеющая название: «Разговор три нуля», в которой Нержин отказывается от предложения Рубина и, тем самым, обрекает себя на отправку в лагерь. В ответ на аналогичное предложение Сологодина, писатель дает мотивировку такого нержинского решения: «Но если вкалывать – то когда же развиваться» [88, с. 743]. Это добавление весьма существенно, так как подчеркивает, что приоритетным для Солженицына является духовное развитие человека. В первой главе появляется развернутое сравнение, подчеркивающее масштабы подвига Володина: «Новый смысл представился ему в новом здании Большой Лубянки, выходящем на Фуркасовский. Эта серо-черная девятиэтажная туша была линкор, и восемнадцать пилястров как восемнадцать орудийных башен высились по правому его борту. И одинокий утлый челночек Иннокентия так и тянуло туда, под нос тяжелого быстрого корабля.

Нет, не тянуло челноком – это он сам шел на линкор – торпедой!» [88, с. 13]. Сравнение определило и новое название главы: не «А кто вы такой?», а – «Торпеда». Появившиеся детали способствуют усилению не только социальной критики, но и более глубокой характеристике персонажа. Так, к рассказу о восприятии бывшими фронтовиками изменений, произошедших в стране, следуют мысли Щагова: «Стоило взяться за голову и подумать: за что же дрались? Этот вопрос многие задавали – но быстро попадали в тюрьму» [88, с. 387].

История изучения романа Солженицына дает возможность видеть, как долго и сложно современная наука шла к осмыслению его основных идейно-художественных особенностей. Высказанные критиками и исследователями соображения, разумеется, ценны и важны. Но нам думается, что «В круге первом» не только и не столько исторический, сколько психологический роман, и тайны человеческой души волнуют писателя не меньше, чем загадки исторического процесса. Произведение Солженицына ценно не с точки зрения содержащихся в нем конкретных данных, а прежде всего как осмысление ментальности своего времени, особенностей,

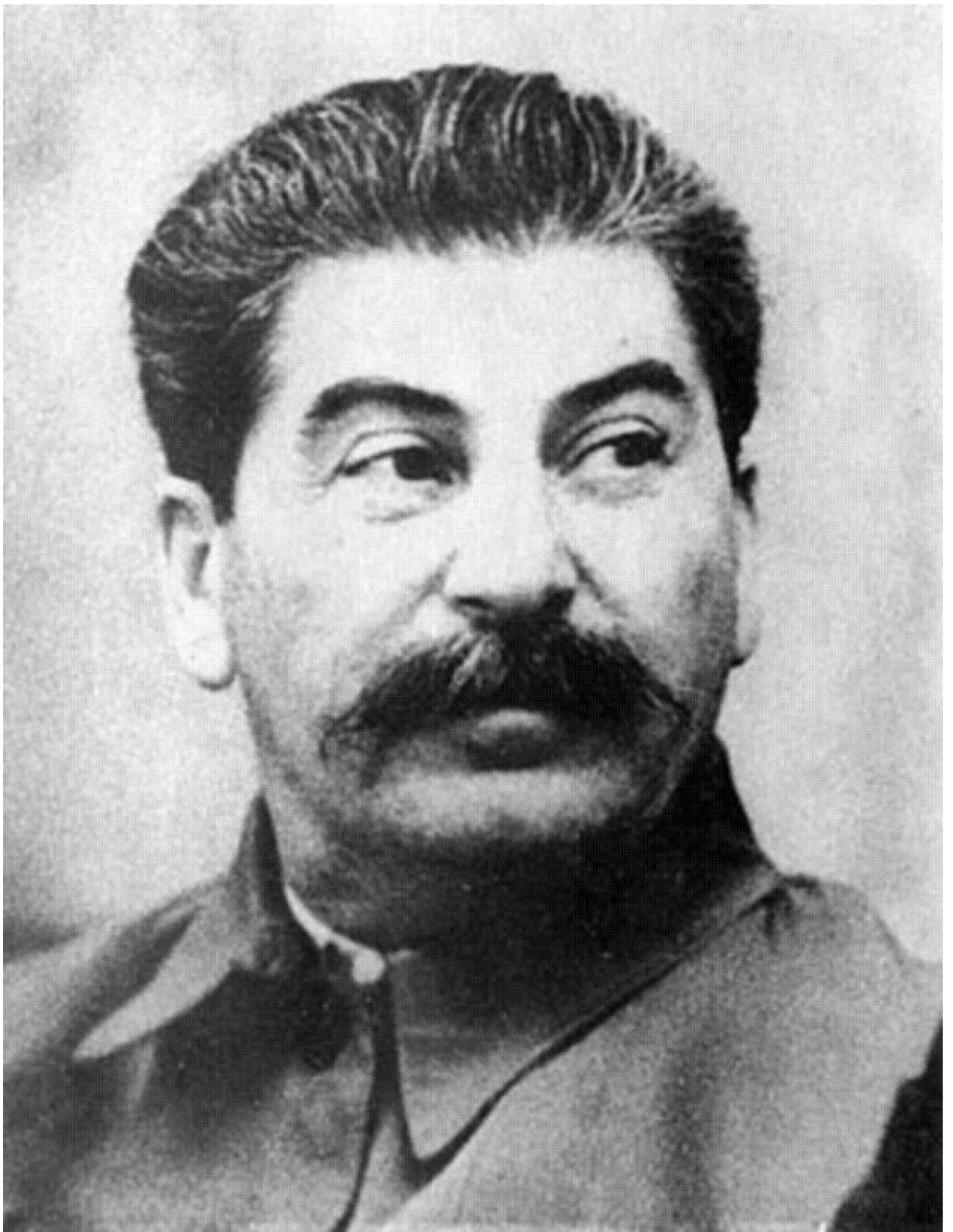
присущих данному социуму, открывающее читателям широкие возможности для понимания реалий того времени и природы таланта писателя.

Марфинская шарашка (1950 год)

НИИ в Марфино (современный вид)

И.В. Сталин

Глава 2

«Палачи»

2.1. Образ И. В. Сталина

Осмысление персонажей произведения в их совокупности, во взаимодействии и иерархии представляется наиболее значимым условием для понимания мировоззренческой позиции писателя. Принцип выделения одного главного героя не устраивает Солженицына и заставляет искать иные принципы построения системы персонажей. Учитывая необходимость иерархического структурирования персонажей, представляется обоснованным начать характеристику социума, противостоящего миру заключенных, с образа Сталина, являющегося его центром.

Характеризуя солженицынские образы, следует иметь в виду специфику авторского видения сталинской России, ироническое острие которого нацелено на обещанный большевиками коммунистический рай, что связывает роман с христианской культурной традицией, относя служителей режима к темным демоническим силам. Желая усилить воздействие на читателя и выявить характерные черты персонажа, Солженицын, изображая мир угнетателей, использует стилистику гротеска. Центральное место здесь занимает образ Сталина. В романе «В круге первом», как и в просветительском сатирическом романе, угнетение предстает не только как насилие, но и как глупость. Подобный дуализм нашел свое отражение в солженицынской трактовке образа Сталина, преломляясь в сатирическом противопоставлении пропагандистских мифов и жизненной правды. Одной из форм выражения отношения автора к герою является контраст.

Наиболее ярким примером контрастного сопоставления является портретное описание героя. По контрасту со всеми славословиями в адрес Сталина (Вождь Всего Прогрессивного человечества, Вдохновитель и Организатор Побед, Корифей Наук, Лучший друг контрразведчиков) дается описание: «А он был

просто маленький желтоглазый старик с рыжеватыми (их изображали смоляными) уже редееющими (изображали густыми) волосами; с рытвинками оспы кое-где по серому лицу, с усохшей кожей сумочкой на шее (их не рисовали вовсе); с темными неровными зубами, частью уклоненными назад, в рот, пропахший листовым табаком; с жирными влажными пальцами, оставляющими следы на бумагах и книгах» [88, с. 108]. Сопоставление витальной энергии, выраженной в портретном описании, с короткими фразами в скобках служит еще одним средством сатирического обличения персонажа и выявлению особенностей описываемой эпохи.

«Имя этого человека склоняли газеты земного шара, бормотали тысячи дикторов на сотнях языков, выкрикивали докладчики в началах и окончаниях речей, выпевали тонкие пионерские голоса, провозглашали во здравие архиереи. Имя этого человека запекалось на обмирающих губах военнопленных, на опухших деснах арестантов. По этому имени во множестве были переименованы города и площади, улицы и проспекты, дворцы, университеты, школы, санатории, горные хребты, морские каналы, заводы, шахты, совхозы, колхозы, линкоры, ледоколы, рыболовные баркасы, сапожные артели, детские ясли – и группа московских журналистов предлагала также переименовать Волгу и Луну» [88, с. 108]. Солженицын использует подобный длинный перечень реальных обстоятельств как вид распространенной метонимии для нейтрализации искусственно пропагандируемого величия кремлевского диктатора.

Посвященные Сталину главы выдержаны в жанре памфлета. На обличительный характер этих глав ориентируют уже саркастические заголовки: 19 – Юбиляр; 20 – Этюд о великой жизни; 21 – Верните нам смертную казнь; 22 – Император Земли; 23 – Язык – орудие производства. Подобное расположение усиливает контраст между страшным и смешным. От нейтрального названия девятнадцатой главы автор постепенно переходит к сарказму. Название двадцать первой главы – косвенное обожествление персонажа, дающее ему возможность распоряжаться жизнью и смертью людей. Заглавие «Император Земли» – опосредованное разоблачение сталинских заявлений о скромности и его стремления к безграничной власти. Название

последней главы – гротескное разоблачение притязаний героя на гениальность.

Контраст между тем, что думает о себе герой сам и тем, каким его видит автор, ощущается на всем протяжении сталинских глав. Ю.М. Лотман отмечал, что «тяготение ко лжи в психологическом отношении связывается с определенным возрастом – переходом от детства к отрочеству, временем, когда развитие воображения совпадает с неудовлетворенностью реальностью. Становясь чертой не индивидуальной, а исторической психологии, лживость активизирует во взрослом человеке, группе, поколении черты инфантилизма» [60, с. 661]. Люди, которым свойственен инфантилизм, при нормальном или даже ускоренном физическом и умственном развитии отличаются незрелостью эмоционально-волевой сферы, что выражается в несамостоятельности решений и действий, чувстве незащищенности, в пониженной критичности по отношению к себе, повышенной требовательности к заботе других о себе, в разнообразных компенсаторных реакциях (фантазирование, заменяющее реальные поступки, эгоцентризм и др.).

Сознание героя слагается из его впечатлений, воспоминаний и созданных воображением картин. Оно не направлено к действию, словно отесняет реальность и служит своеобразным убежищем от внешнего мира, но в то же время стремится всячески изменить и присвоить реальность. Честолюбивые мечты героя воплощались не в действиях практических, а в воображаемых, приписываемых себе деяниях. Книга «Иосиф Виссарионович Сталин. Краткая биография» является ярким примером подобного рода жизнеописания. Она отражает не реальную, полную колебаний и смятений жизнь героя, а ту блистательную, которую он хотел бы прожить. Разоблачение усиливается, когда фразы из биографии перебиваются репликами юбиляра: «С 1918 года стал фактическим заместителем Ленина. (Да, да, так и было.) Полководец революции застал на фронте толчею, растерянность. Сталинские указания лежат в основе оперативного плана Фрунзе. (Верно. Верно.) Это наше счастье, что в трудные годы Отечественной войны нас вел мудрый испытанный Вождь – Великий Сталин. (Да, народу повезло.) Все знают сокрушительную силу сталинской логики, кристальную ясность его ума. (Без ложной скромности – все это правда.)» [88, с. 109]. Солженицын использовал внутренний

монолог, заменив разоблачение саморазоблачением. Во внутреннем монологе точка зрения автора и персонажа неразрывно сливаются в тексте, в результате чего, воспринимая мысли героя с его точки зрения, мы все время слышим интонацию автора. Переменяя формулировки «Биографии» репликами персонажа, Солженицын как бы удваивает монолог (формулировки были написаны в прошлом, отклик на них рождается в настоящем). Гипертрофия воображения служила для героя компенсацией за неудачную, с его точки зрения, жизнь.

Проникновение авторского сознания и авторского слова в монолог героя порождает смешанные повествовательные формы, в которых идеологическая, психологическая и фразеологическая точки зрения персонажа, а также воспроизводимые сознанием Сталина факты его биографии соединяются с их авторской интерпретацией. Результатом подобного совмещения авторской оценки с высказыванием героя оказываются весьма оригинальные образцы внутреннего монолога персонажа, которые в гораздо большей степени напоминают авторское повествование о герое. «Незаконный сын, приписанный захудалому пьянице-сапожнику. Необразованная мать. Замарашка Сосо не вылезал из луж подле горки царицы Тамары» [88, с. 116]. Повествование от третьего лица, в котором наиболее полно выражается принцип психологизма, позволяет автору без всяких ограничений вводить читателя во внутренний мир персонажа и показывать его подробно и глубоко.

Книга Рено де-Жувенеля «Тито – главарь предателей» является антитезой сталинской биографии. «Скольким миллионам людей она откроет глаза на этого тщеславного, самолюбивого, жестокого, трусливого, гадкого, лицемерного, подлого тирана! гнусного предателя! безнадежного тупицу!» [88, с. 137]. Вкрапления несобственно-прямой речи в акториальное повествование делают текст более психологически насыщенным. Характеристику, данную Сталиным Тито, можно, по мнению Солженицына, отнести к самому диктатору. Автор находит возможным давать персонажу не только опосредованные, но и прямые оценки. «Как царь Мидас своим прикосновением обращал все в золото, так Сталин своим прикосновением обращал все в посредственность» [88, с. 146]. «Положив себе дожить до девяноста, Сталин с тоскою думал, что лично ему эти годы не

принесут радости, он просто должен домучиться еще двадцать лет ради общего порядка в человечестве.

Семидесятилетие праздновал так. 20-го вечером забили насмерть Трайчо Костова. Только когда глаза его собачьи остеклели – мог начаться настоящий праздник» [88, с. 110-111]. Всего четыре фразы, но в них и ирония по поводу готовности Сталина пренебречь личными удобствами ради выполнения общественного долга; и тут же торжество по поводу уничтожения еще одной политической жертвы. Фразеология этого фрагмента содержит, казалось бы, несочетаемые явления – стоическое смирение и кровожадное палаческое удовлетворение от смерти жертвы. Размышления о безрадостной перспективе жить до девяноста лет контрастируют с желанием бессмертия. Наделив героя чертами «человекобога», посягающего на «божественное право» бессмертия, писатель раскрыл духовную биографию Сталина в плане богоборчества, соперничества с богочеловеком. «А там, может быть, найдут средство такое, лекарство, чтобы сделать хоть одного бессмертным?.. Нет, не успеют» [88, с. 155].

Сталин не только разоблачает самого себя, но и систему, которую он создал. Диктатор полагает, что социализм давно был бы построен, «если б не зазнавшиеся вельможи; не лживые рапорта; не бездушные бюрократы; не равнодушные к общественному делу; не слабость организационно-разъяснительной работы в массах; не самотек в партийном просвещении; не замедленные темпы строительства; нэ простои, нэ прогулы на производстве, нэ выпуск нэдоброкачественной продукции, нэ плохое планирование...» [88, с. 136]. В данном случае имеет место переход авторского текста на индивидуальный язык персонажа.

Буквальное воспроизведение неправильной речи подчеркивает несовпадение позиций персонажа и автора, прибегающего к точке зрения заведомо внешней по отношению к описываемому лицу. Внутренний монолог, представляющий собой непосредственную фиксацию и воспроизведение мыслей героя, в той или иной степени имитирующий реальные психологические закономерности внутренней речи, воспроизводит речевую манеру данного персонажа, а следовательно, и его манеру мышления. Фразеологическое использование точки зрения персонажа придает повествованию иронический оттенок и служит едкому, саркастическому осмеянию героя. Сарказм позволяет автору

выразить крайнюю степень эмоционального отношения к описываемым явлениям и персонажу, переходящую в негодование. Скрупулезность Солженицына в передаче фонетических особенностей речи персонажа свидетельствует о том, что автор занимает позицию объективного наблюдателя, в задачу которого входит с максимальной точностью зафиксировать все им услышанное.

В другом случае позиция автора по отношению к речи персонажа принципиально иная и сходна с позицией редактора, обрабатывающего речь героя. «Ну, ладно. Понастроить себе памятников – еще побольше, еще повыше (техника разовьется). Поставить на Казбеке памятник, и поставить на Эльбрусе памятник – и чтобы голова была всегда выше облаков. И тогда, ладно, можно умереть – Величайшим из всех Великих, нет ему равных, нет сравнимых в истории Земли» [88, с. 155]. Подобная самооценка героя по своей сути является слегка замаскированной иронической оценкой автора. Иными словами, авторские оценки внедряются во внутренний монолог героя, камуфлируясь его фразеологией. Эту особенность повествовательной структуры произведения Солженицына отметил и Ж. Нива. Он пишет: «К своим главным врагам Солженицын применяет особый метод борьбы: он проникает в их внутреннюю речь, берет в осаду их “я”» [70, с. 106]. «Это была собачья старость... Старость без друзей. Старость без любви. Старость без веры. Старость без желаний» [88, с. 159]. В этом фрагменте самооценка героя совпадает с оценкой автора, хотя по содержательно-смысловым и формально-грамматическим признакам, а также с точки зрения соотносительности с общим контекстом произведения данный фрагмент повествования в большей степени выражает точку зрения автора, а не персонажа.

Последовательное изображение зрительных впечатлений, при подчеркнутom невмешательстве автора, служит созданию эффекта достоверности. Фотография выпускника духовного училища врезалась в память диктатора и читателя: «матовый, как бы изнуренный моленьями, отроческий овал лица; длинные волосы, подготовляемые к священнослужению, строго пробраны, со смирением намазаны лампадным маслом и напущены на самые уши – и только глаза да напряженные брови выдают, что этот послушник пойдет, пожалуй, до митрополита» [88, с. 116]. Подобно Ракитину, семинаристу-карьеристу у Достоевского,

солженицынский послушник оказался оппортунистом, предпочетшим духовному служению карьеру революционера. Священнослужение обещало ему не более, чем жезл одного из митрополитов, революционная же деятельность, хотя и с большой степенью риска, могла привести и привела к безграничной власти Вождя коммунистического государства. На протяжении всей жизни, в большей степени подсознательно, герой пытался совместить религию и революционную деятельность. Его все время тревожил вопрос существования Христа. Невзирая на попытки убедить самого себя, что «доказано то, что надо, а что мешало – то опровергнуто» [88, с. 155], вопрос тревожит героя. Ткань нашей души, наши пристрастия и привычки закладываются в юности, а молодые годы Сталина прошли за изучением Ветхого и Нового Заветов, церковной истории. Очевидно, на подсознательном уровне герой чувствует, что Христос являлся миру, но боится признаться себе в этом, ибо такое признание изобличило бы его как антихриста.

Гротескная двойственность, контрастность персонажа прослеживается на всем протяжении сталинских глав. Для более полной характеристики героя автор использует различные способы остранения. Это и восприятие кабинета Сталина словно снаружи, извне, заканчивающееся разоблачением эгоцентризма персонажа: «Сталин любил по ночам включать свои записанные старые речи и слушать» [88, с. 143]. Далее абакумовская характеристика двойственности, заложенной в основе самой советской системы, созданной Сталиным. «Да, он весь был в руках Вождя, но отчасти – и Вождь в его руках. Как на фронте от слишком сильного продвижения одной стороны возникает переслойка и взаимный обхват, не всегда поймешь, кто кого окружает, так и здесь: Сталин сам себя (и все ЦК) включил в систему МГБ – все, что он надевал, ел, пил, на чем сидел, лежал – все доставлялось людьми МГБ, а уж охраняло только МГБ. Так что в каком-то искаженно-ироническом смысле Сталин сам был подчиненным Абакумова» [88, с. 143]. Парадоксальность ситуации состоит в том, что даже адепты системы, страхом и рвением которых она держится, оказываются не в ладу с ней.

Формы поведения предстают как условные знаки, содержательная наполненность которых зависит от договоренности людей принадлежащих к той или иной социально-культурной

общности. Сталин сознательно прибегает к движениям с «угрожающим внутренним смыслом» [88, с. 143] и заставляет окружающих разгадывать подоплеку своего молчания или грубости. Сообразно с системами ценностей данного социума ведет себя и министр МГБ. «Абакумов просительно перегнулся и ждал» [88, с. 143]; «Перегнувшись, стоял и ждал дюжий министр» [88, с. 143]. Показательным представляется выбор именно этого слова, которому в далевском словаре дается следующее значение: «Перегибать, перегнуть что, сгибать, нагибать, приклонять» [34, с. 43]. Подобное словоупотребление вскрывает заявленный выше дуализм насилия. С одной стороны, Сталин, создав систему тотального страха, заставлял людей гнуться и подличать. С другой – люди соглашались на это, приклоняли колени перед диктатором, превозносили и обожествляли его. Александр Николаевич Поскребышев вел себя как поджавший хвост, ласкающийся пес: «Раздался легкий четырехкратный стук в дверь – не стук даже, а четыре мягких поглаживания по ней, будто о дверь скреблась собака» [88, с. 114].

Солженицын не столько сравнивает, сколько противопоставляет реальность и рассуждения диктатора. Человек, власть которого безгранична, сравнивает себя с арестантом. Трагикомизм ситуации состоит в том, что, занимая наивысшее иерархическое положение в советском социуме, герой, тем не менее, является жертвой им же созданной системы и испытывает на себе влияние абсолютно противоположного хронотопа, связанного с миром арестантов. «Еще два десятилетия, подобно арестанту с двадцатилетним сроком, он должен был жить, и не больше же в сутки спать, чем восемь часов, больше не выспишь» [88, с. 112-113]. На него легла тень Гулага. Он и главный тюремщик, и главный узник. Герой живет в комнате без окон, к нему вводят, как на свидание, лишь ограниченный круг лиц. Он находится под стражей у себя самого, у своего страха. «Чем больше других людей успевал он лишить жизни, тем настойчивей угнетал его постоянный ужас за свою» [88, с. 148].

Сталин не нуждается в советниках, ему нужны только исполнители. Герой становится заложником своей параноидальной подозрительности и недоверчивости. «Он не доверял своей матери. И Богу. И революционерам. И мужикам (что будут сеять хлеб и собирать урожай, если их не заставлять). И рабочим (что будут

работать, если им не устанавливать норм). И тем более не доверял инженерам. Не доверял солдатам и генералам, что будут воевать без штрафных рот и заградотрядов. Не доверял своим приближенным. Не доверял женам и любовницам. И детям своим не доверял» [88, с. 145].

Готовность пострадать на благо человечества и недоверчивость роднят Сталина с Великим Инквизитором. Последний сочетал в себе недоверие к «слабому, вечно порочному и вечно неблагодарному людскому племени» [38, с. 278] с желанием облагодетельствовать людей. Сталин полагал, что «народ кишел очень уж многими недостатками, сам народ никуда не годился» [88, с. 112]. Герой, считал себя благодетелем, призванным одному ему известным путем привести, пусть даже насильно, человечество к счастью: «Целые народы подобны королеве Анне, вдове из шекспировского «Ричарда III», их гнев недолговечен, воля не стойка, память слаба – они всегда рады отдаться победителю» [88, с. 154].

Репрессии не были «изобретением» Сталина, ответственность за них Солженицын возлагает на партию, обольстившуюся идеей построения общества всеобщего счастья, используя для этого любые средства, в том числе и насилие. Большевики начали насильственно насаждать сверху новый жизненный уклад, как это в свое время делал Петр I. С точки зрения Н.А. Бердяева, «Россия перешла от старого средневековья, минуя пути новой истории, с их секуляризацией, дифференциацией разных областей культуры, с их либерализмом и индивидуализмом, с торжеством буржуазии и капиталистического хозяйства. Пало старое священное русское царство и образовалось новое, тоже священное царство, обратная теократия» [13, с. 115-116]. Сталин создал тоталитарное коммунистическое царство с полным подчинением народа государственному катехизису.

Солженицын пытался понять причины, позволившие Сталину не только занять высокий пост, но и достаточно долго его удерживать. Не умом, не красноречием, не познаниями, даже не жестокостью отличался солженицынский Сталин от своих конкурентов. Силу его писатель видит в другом. Это, во-первых, – «сила невысказанного решения. Внутри ты уже решение принял, но чьей головы оно касается – тому прежде времени знать его не надо. (Когда голова его покатится – тогда пусть узнает.) Вторая сила:

чужим словам никогда не верить, своим значенья не придавать. Говорить надо не то, что будешь делать (ты еще и сам может, не знаешь, там видно будет, что), а то, что твоего собеседника сейчас успокаивает. Третья сила: если тебе кто изменил – тому не прощать, если кого зубами схватил – того не выпускать, уж этого ни за что не выпускать, хотя бы солнце пошло назад и небесные явления разные. И четвертая сила: не на теории голову направлять, это еще никому не помогало (теорию потом какую-нибудь скажешь), а постоянно соображать: с кем тебе сейчас по пути и до какого столба» [88, с. 128-129]. Свидетельством этому служит полная метаний жизнь персонажа. Начал он свой путь со служения Богу, потом переметнулся к революционерам, однако не в силу каких-то убеждений, а с целью достижения максимальной выгоды. «Он хотел для страховки совместить то и другое, он четыре года ходил на кружки социал-демократов и четыре года продолжал молиться и толковать катехизис – но все-таки исключили его» [88, с. 117].

Столкнувшись с трудностями революционного движения, проведя в тюрьме год, Сталин пал духом и, ради облегчения собственной участи и сохранения жизни, соглашается на сотрудничество с тайной полицией. Выдвинутое Солженицыным предположение о возможной службе Сталина в царской охране направлено не на выяснение исторической правды, а на выявление психологических особенностей героя. Это утверждение служит также типизации персонажа и дополняет этот историко-психологический инвариант существенными чертами. Таким образом Солженицын опосредованно разоблачает и остальных революционеров, поторопившихся сжечь Охранное отделение и уничтожить все документы: «Знали революционеры, что надо было сжигать побыстрей» [88, с. 123]. Все вышеизложенное позволяет утверждать, что писатель отказывает Сталину в какой бы то ни было исключительности, подчеркивая общность психологических характеристик революционеров.

Если Петр I проводил секуляризацию русской культуры, отделив церковь от государства, то Сталин уничтожал церковь и церковнослужителей. Однако, невзирая на гонения, церковь провозглашала его «Богоизбранным Вождем» [88, с. 156]. «За то ж и он держал Лавру на кремлевском снабжении» [88, с. 156]. Основываясь на том, что русский человек традиционно искал

истину и пример для подражания в сакральных текстах, облакая церковного писателя доверием аудитории и высшим авторитетом, а свое право говорить от лица истины оплачивал святостью жизни и, если потребуется, мученичеством, Сталин из своей биографии создал подобие жития святого, отдавшего все силы служению революции и борьбе за советскую власть. Церковь утратила культурный авторитет и роль высшего культурного авторитета стало играть государство в лице Сталина, претендовавшего на роль арбитра в вопросах истины и заблуждений, добра и зла, стремящегося не служить Богу, а занять его место. «Как можно больше портретов, как можно больше упоминаний – а самому появляться редко и говорить мало, как будто ты не все время с ними на земле, а бываешь еще где-то. И тогда нет предела их восхищению и преклонению» [88, с. 110].

Сталин не верит в Бога, а боится, что существует нечто, что может угрожать его абсолютной власти и, фактически, заключает с Господом сделку, пообещав восстановить богослужения, если удержится на посту. Атеизм русских коммунистов заключает в себе противоречие, которое не в состоянии заметить заидеологизированное сознание. Лучшим типом коммуниста, провозглашаемым советской пропагандой, считался человек полностью посвятивший себя служению идее, способный на огромные жертвы и бескорыстный энтузиазм. Однако подобный тип человека мог возникнуть только в результате всецелого поглощения человека христианским духом. По мнению Н.А. Бердяева, если «антирелигиозная пропаганда окончательно истребит следы христианства в душах русских людей, если она уничтожит всякое религиозное чувство, то осуществление коммунизма сделается невозможным, ибо никто не пожелает нести жертвы, никто не будет уже понимать жизни, как служение сверхличной цели, и окончательно победит тип шкурника, думающего только о своих интересах» [13, с. 139]. Таким образом, церковь, славословившая тирана, стала орудием зла.

Стремление к персонификации Зла, побудило автора погрузить Сталина во тьму. «Все главные Указы, направившие великое государство, формировались в сталинской голове после двух часов ночи – и только до рассвета» [88, с. 113]. В мифологии разных народов, в особенности европейских, ночь всегда имела определенный символический смысл: это было время

безраздельного господства тайных, чаще всего злых сил, а приближение рассвета, возвещаемое криком петуха, несло избавление от власти нечистой силы. Тема ада вводится уже самим названием романа, являющимся аллюзией на «Божественную Комедию» Данте [36], прямыми ссылками на «Фауста» Гете [23].

Сущность авторского видения восходит также к русской традиции изображения inferнальных мотивов. Эта традиция берет свое начало в творчестве Пушкина и Лермонтова, продолжается у Гоголя и Достоевского, Владимира Соловьева и Мережковского и с новой силой возрождается в творчестве таких советских писателей как Булгаков и Пастернак, находит свое отражение и в творчестве Солженицына. С давних пор существует аллегорическое уподобление времени дня стадиям человеческой жизни. С нашей точки зрения, для Солженицына характерно стремление индивидуализировать эмоционально-психологический смысл времени суток применительно к персонажу. Сталин находится в бездне, отделяющей его от мира людей, которая сходна с бездной, в которую низвергнут Сатана. В романе Солженицын широко использует элементы символизма, вдохновленные дантовским образом Сатаны. Однако физическая мощь сатанинского образа контрастирует со Сталинской беспомощностью. «Тяжелыми волнами било в голову, слабеющая цепь мыслей распалась – и он совсем забыл, зачем подошел к этим полкам? о чем он только что думал? Он опустил на близкий стул, закрыл лицо руками» [88, с. 159].

Вокруг Сталина нет жизни, а только вымершее пространство. «Глухонемая тишина налила дом и двор, и весь мир» [88, с. 108]. Из круга первого, из дома диктатора, тишина распространяется и достигает вселенского масштаба. Солженицын полагает, что в советском государстве пространство и время утрачивают свои привычные характеристики и начинают восприниматься как составляющие темного царства. В символическом плане персонаж выводится автором за пределы конкретного времени и пространства, что и является одним из подтверждений его символического статуса как персонифицирующего мировое Зло ночного демона. «В этой тишине почти не продрогало, почти не проползало время, и надо было пережить его как болезнь, как недуг, всякую ночь придумывая дело или развлечение» [88, с. 108].

С давних времен в литературе отражались две основные концепции времени: циклическая и линейная. Первая была, вероятно, более ранней; она опиралась на естественные циклические процессы в природе. В частности, циклическая концепция времени запечатлена в Библии, хотя и не очень последовательно. Во всяком случае, вся раннехристианская концепция времени сводится к тому, что человеческая история должна в конце концов возвратиться к своему началу: от райской гармонии через грех и искупление к вечному царству истины. Интересно, что циклическая концепция времени здесь переходит в довольно редкую свою разновидность – атемпоральность, суть которой в том, что мир мыслится абсолютно неизменным, а значит, категория времени утрачивает смысл.

Христианство средних веков смотрело на время уже иначе: здесь реализовалась линейно-финалистическая концепция. Она опиралась на движение во времени человеческого существования от рождения до смерти, смерть же рассматривалась как итог, переход к некоторому устойчивому существованию: к спасению или гибели. Материалистически-атеистическое отношение ко времени целиком подчиняет человека, являющегося лишь преходящим моментом дробимого времени и каждый момент является лишь средством для последующего момента. Человек оказывается выброшенным в процесс времени, если в нем ничего нет для вечности. В таком контексте стремление Сталина исключить себя из пространства и времени противоречит стремлению диктатора увековечить себя и стать бессмертным.

В непроницаемый мрак погрузил Сталин не только свою жизнь, но и всю историю страны. Бездна, в которой находится Сатана, наполнена туманом, является королевством холода и тьмы. «За непробиваемыми стеклами стоял в садике туман. Не было видно ни страны, ни Земли, ни Вселенной» [88, с. 162]. Уникальная содержательная значимость описания природы связана с укорененностью представления о позитивности единения человека с природой, в тесной взаимосвязи с которым находится мотив сада, нередко символизирующий мир в целом. В подобном понимании сад выражает философскую категорию отношения человека к природе, представляя собой своеобразный микромир, актуализируемый Солженицыным в его взаимосвязи с макромиром. Затуманенность сада, в подобном контексте, приобретает

символический смысл, отражая циклическую структуру повествования. Зло скрывается в темноте: оно активнее добра и существовало на всем протяжении человеческой истории. Использование в романе символических образов света и тьмы как раз и позволяет перевести основной конфликт произведения в плоскость «космического» противостояния Добра и Зла.

В романе Солженицын постоянно противопоставляет высокое низкому, используя прием антитезы. Автор противопоставляет героя сияющему Образу Совершенства. По мнению А.В. Урманова, сталинские главы являются идейно-композиционным противовесом главы «Замок Святого Грааля». «Оппозиция эта выстраивается прежде всего за счет противопоставления доминирующих в структурно соотнесенных главах образов света и тьмы, понимаемых прежде всего в символическом аспекте» [98, с. 169]. Коварство издавна связывалось с образом змеи. По Библейским преданиям именно Змий искушал Адама и Еву попробовать плод с Древа Познания, что явилось причиной изгнания людей из Рая. «А по остальным часам, как по острым камням, надо было ползти, перетягиваться уже не молодым, уязвимым телом» [88, с. 113]. По народным преданиям змей живет в каменных пещерах [9, с. 258]. Кунцевская дача Сталина похожа на подземелье с потайными ходами, слабым освещением, где его владелец ведет ночной образ жизни. Сказочный змей (дракон) опасен тем, что выдыхает из своей пасти пламя, уничтожая пространства [9, с. 255]. У Солженицына герой практически постоянно курит трубку, в минуты гнева он «плевал... или сдувал горячий пепел трубки... в лицо» [88, с. 140]. Путешествуя, он «видел одно пустое как вымершее пространство, никакой живой России» [88, с. 162].

Проблема соотношения героя и окружающего его пространства приобретает особое значение в романе Солженицына. Сталин настолько чужд России, окружающему его пространству, что безжалостно уничтожает его, погрузив страну во тьму тоталитарного террора, уничтожив все, что могло бы напомнить о старой Руси. Боязнь пространства вступает в конфликт с «наполеоновскими» самооценками героя. Солженицын подчеркивает несостоятельность претензий героя на величие и мировое господство, поместив его в тесное, замкнутое пространство. «Сильно сгорбившись, путаясь в длинных полах халата, шаркающею походкой владетель полумира прошел во

вторую узкую дверь, не различную от стены, опять в кривой узкий лабиринтик, а лабиринтиком – в низкую спальню без окна, с железобетонными стенами» [88, с. 165]. Эффект контраста возникает за счет того, что автор использует не нейтральные антропонимы Сталин, Джугашвили, а семантически экспрессивную метонимию «владелец полумира», которая вступает в смысловую оппозицию с выражениями «узкая дверь», «узкий лабиринтик», «низкая спальня».

Достаточно подробно Солженицын описал жилище героя, обращая внимание на мельчайшие детали. Детализация предметного мира в литературе не просто желательна, – она неизбежна. Это не украшение, а суть образа. Воссоздать предмет во всех его особенностях писатель не в состоянии, и именно деталь, совокупность деталей замещают в тексте целое, вызывая у читателя нужные автору ассоциации. Использование деталей вещного мира для целей психологического изображения позволяет обратить внимание на те впечатления, которые производят на читателя детали интерьера, окружающие героя.

Боязнь пространства и света взаимообуславливают друг друга и окутывают всю жизнь и деятельность героя мраком таинственности. Несмотря на стремление героя быть похожим на Наполеона, существуют принципиальные отличия этих двух фигур. Там, где Наполеон шел до конца, Сталин останавливался на половине пути. Наполеон не побоялся провозгласить себя императором, а Сталин украдкой примеряет на себя корону, не решаясь открыто отбросить марксистское учение. Меньше всего Сталина прельщали лавры Бонапарта, ему больше импонировали другие исторические личности. Показательным является сравнение Сталина с Петром I, предложенное А. Ланщиковым. «Петр I жестоко расправился с боярством и со стрельцким войском. Сталин жестоко расправился со старой партийной гвардией. Петр окружил себя новыми людьми, которые сделали при нем головокружительные карьеры. Сталин тоже окружил себя новыми людьми, которых нарекли «выдвиженцами». Петр заставил всех служить. И Сталин заставил всех служить. Петр прикрепил крестьянина к помещику и фактически лишил его всяких гражданских прав. Сталин определил крестьянину «точку оседлости» фактически лишил его гражданских прав, отобрав паспорта. Петр прорубил «окно в Европу», Сталин проломил в

Европу ворота от Черного моря аж до Белого и вдобавок еще через Курилы и Сахалин распахнул морские и океанские врата в Америку. Петр подчинил себе церковь. Сталин ее сильно порушил, а затем тоже подчинил» [20, с. 188].

В таком контексте слова матери: «Жалко, что ты не стал священником» [88, с. 155], воспринимаются с точки зрения служения Богу или дьяволу, что созвучно мыслям Э.С. Радзинского: «Обет нарушен. Религиозная Кэксэ переживает страшный удар. Она боится: Бог оставит Сосо. И придет дьявол?» [77, с. 47]. Если бы Сталин стал священником, он посвятил бы свою жизнь служению Богу и Свету, а теперь он стал воплощением Сатаны. Герой прошел путь от служения Богу до сатанинской преисподней. В это темное царство могут попасть только нелюди, что признает и сам Сталин. «А эти все, с Вячеслава-Каменной задницы и до Никиты-плясуна – разве это вообще люди?» [88, с. 111]. Свое негативно-ироничное отношение к революционерам Солженицын выразил посредством внутренней речи персонажа. «Не было склонностей к наукам или искусствам, не было умения к ремеслу или воровству, не было удачи стать любовником богатой дамы – но открытыми объятиями звала всех, принимала и обещала место – Революция» [88, с. 116-117]. Ориентация Сталина на подобных людей сродни заявлению Грозного, что «потворствует игрищам из снисхождения к “немощи человеческой”, из-за народного “младенства”. Народ любит веселье – и “ради младенства”, духовной своей незрелости заслуживает снисхождения. Так Грозный оправдывал установку на худших» [32, с. 86].

Существовало противоречие между честолюбием и тщеславием Сталина и ограниченностью его способностей и заслуг перед партией. Именно это противоречие породило ненависть диктатора не только к тем старым большевикам, которых он не без основания считал своими противниками, но и к тем, которые были преданы ему. «Тут еще очень помог *ленинский набор*: теперь большинство партии составляли люди, не зараженные интеллигентщиной, не зараженные прежними склоками подполья и эмиграции, люди для которых уже ничего не значила прежняя высота партийных лидеров, а только их сегодняшнее лицо» [88, с. 132].

Немаловажной представляется связь с Достоевским ввиду того, что действительность тоталитаризма, изображенная в романе *Солженицына*, была предсказана и в наиболее существенных чертах предугадана автором «Бесов» и «Братьев Карамазовых». Как известно, Шигалев, идеолог социализма в «Бесах», предлагал: «в виде конечного разрешения вопроса – разделение человечества на две неравные части. Одна десятая доля получает свободу личности и безграничное право над остальными девятью десятыми. Те же должны потерять личность и обратиться вроде как в стадо и при безграничном повиновении достигнуть рядом перерождений первобытной невинности, в роде как бы первобытного рая, хотя, впрочем, и будут работать» [37, с. 373].

Другой литературный глашатай тоталитаризма, католический кардинал, предвкушал, как «сто тысяч страдальцев» добровольно возьмут на себя проклятие познания Добра и Зла, а заодно и бремя власти над «тысячами миллионами младенцев» [38, с. 284]. Сталинское воплощение марксизма-ленинизма обеспечило мечтам персонажей Достоевского желанный плод: абсолютную и безграничную власть единственного и непогрешимого Вождя Всего Прогрессивного Человечества. Стесненные в своих фантазиях модными либеральными идеями того времени и Шигалев и Великий Инквизитор соизволили даровать свободу «десятой доле». Сталину же не было нужды стесняться, и он «довел идею тоталитарного правления до предельной точки: ни пролетарское происхождение, ни партийный билет не давали охранной грамоты от его произвола» [82, с. 281-282]. Это являлось трансформацией идеи Ивана Грозного, новой формой старой гипертрофии государства в русской истории.

Есть смысл вернуться к понятию, которое было введено А.А. Богдановым [15], [16]. В терминах своего времени он выразил сущность системы, которую начал вводить Сталин. Суть ее состоит в том, что при неравенстве активностей образуется система, которая ориентируется целиком и полностью, по всем аспектам жизнедеятельности людей, на центр. Рождается полная и безоговорочная субординация, подчиненная велениям различных порядков: экономическим, административным, личной зависимости и т. п. Это система, где низшие слои во всем зависят от высших, команды подаются только сверху, снизу должны идти лишь сигналы об исполнении. Боязнь ответственности за неисполнения

вызывает необходимость в создании подсистем страха, что повлекло возникновение разнообразных репрессалий, встраивающихся в агрессию как ее необходимое дополнение. Этому способствовало опутывание секретностью всех сфер жизни советского общества. Само общество при этом развивается медленно, эволюционные, деструктивные и застойные процессы в нем примерно равны по силе и сглаживают друг друга. Сталин хотел не только неограниченной власти, но и неограниченной славы. В связи с этим, не борьба против советской власти, но, напротив, заслуги перед партией делали многих людей врагами диктатора. Именно поэтому «уже три раза сменено собрание сочинений Ленина, дважды – Основоположников» [88, с. 136]. Сталин боялся людей, понимавших его несоответствие взятой на себя роли.

Диктатор также считает, что люди не оценили в полной мере его гениальности, и хотел «совершить еще один научный подвиг» [88, с. 160] и поэтому создает труд по вопросам языкознания. Он решил воспользоваться мыслью профессора Чикобавы, написавшего, что «язык – никакая не надстройка, а просто себе язык, и что будто бы существует язык не буржуазный и пролетарский, а просто национальный язык» [88, с. 160-161]. Сталин решил дать мыслям профессора «бессмертное изложение и гениальное развитие» [88, с. 161]. Шаг за шагом прослеживает Солженицын процесс создания «гениального труда».

На фоне заявлений диктатора о собственной гениальности Солженицын представляет мысли персонажа о коммунизме как обществе строгой дисциплины и недостаточной сытости. «Если человек не будет заботиться о еде, он освободится от материальной силы истории, бытие перестанет определять сознание, и все пойдет кувырком» [88, с. 154]. По мнению героя, в коммунистическом обществе особенно строго должна быть подчинена интеллигенция. В Сталине жила ненависть ко всякому духовному превосходству, ко всякой интеллигентности. Писатель приводит пример сталинского стиля изложения, изобилующего перечислениями, но герой считает, что так «лучше в голову входит читателю, ему и возражать не хочется» [88, с. 161].

Отбирая те или иные подробности, Солженицын словно поворачивает персонаж определенной стороной. Сталину безразлична судьба простых людей, единственное, «что ему

подходило в жизни, вот эту одну жизнь он мог понять: ты скажешь – а люди чтобы делали, ты укажешь – а люди чтобы шли. Лучше этого, выше этого – ничего нет. Это выше богатства» [88, с. 118]. Герой больше всего на свете любил личную власть и ради ее сохранения готов был на все. «Учение о социализме, – с точки зрения Р.А. Медведева, – различными ступенями и формами которого являются и марксизм, и ленинизм, представляет собой не только систему убеждений и нравственных принципов, которых Сталин не имел. В сущности, он был не столько участником, сколько попутчиком социалистической революции» [20, с. 329].

Сталин ощущал привязанность к старому миру Российской империи, который он, будучи вождем большевиков, уничтожал, в то же самое время восстанавливал формы и регалии царской России. Подобная двойственность возможна потому, что герой видел только внешнюю форму этих регалий, не задумываясь об их внутреннем содержании. Чтобы оправдать полную централизацию власти, Сталин нагнетал в общественном сознании людей впечатление, что Советский Союз окружен врагами, весь мир вооружается против СССР и война может начаться не сегодня-завтра. Несмотря на то, что в те годы ни одна страна мира не наращивала столь стремительно оборонный потенциал, Советский Союз находился в состоянии гипнотического ужаса перед надвигающейся угрозой войны. «Разоблачая» огромное количество шпионов, «никогда Сталин сам ни на мизинец не верил: потому что тех, западных, болтунов он тоже заранее представлял» [88, с. 133].

Примечательно окончание двадцать второй главы: «Беззаботная страна может спать, но Отец ее спать не может!» [88, с. 160]. Следующая глава является ответом на притязания Сталина облагодетельствовать советских граждан. Явственно звучат фантастические мотивы. Оказывается Сталин никогда «никакой живой России» [88, с. 162] не видел. У него складывалось впечатление, «что вся Россия – придумана (удивительно, что иностранцы верят в ее существование). К счастью, однако, это неживое пространство исправно поставляет государству хлеб, овощи, молоко, уголь, чугун – и все в заданных количествах и в срок. Еще и отличных солдат поставляет это пространство» [88, с. 163]. На самом деле Сталин так думать не мог, но здесь сатирическая фантастика становится реальнее самой действительности.

Достоверность многих деталей является спорной, но их символическое значение несомненно. Писателю важно дать не столько портрет исторического деятеля, сколько сформировать у читателя соответствующее отношение к персонажу. Говорить о «художественной правде» необходимо не для того, чтобы сблизить ее с правдой жизненной, а для того, чтобы разграничить и не путать их. «Художественная правда» и «художественный вымысел» тождественны, если они художественны. Отличительной чертой художественного образа следует считать то, что он не просто воспроизводит определенные факты, а концентрирует существенные для писателя стороны жизни во имя оценивающего осмысления. Вымышленная предметность, не имеющая полного соответствия с действительностью, посредством которой писатель обобщает факты реальности и воплощает свое миропонимание, нашла свое отражение в солженицынской трактовке образа Сталина, органично сосуществующим в системе персонажей. Противоречивость в трактовке образа этого исторического деятеля связана с таинственностью, которой он окружил свою жизнь. Солженицын считал: «пусть пожнет Сталин посев своей секретности. Он тайно жил – теперь каждый имеет право писать о нем все по своему представлению. В этом право и в этом задача художника: дать свою картину, заразить читателей» [87, с. 97]. Сходное мнение высказала М. Шнеерсон: «Сталин предстает перед нами таким, каким увидел его Солженицын, как Ричард III или Генрих IV предстают такими, какими увидел их Шекспир, а Наполеон – каким увидел его Толстой» [109, с. 39].

Б.Г. Реизов пришел к выводу, что в «начале XIX века, когда приходилось доказывать, что исторический роман имеет право на существование, критики утверждали, что подлинной, объективной художественной правды можно достигнуть только в этом жанре. Прошедшие эпохи лучше поддаются анализу, потому что основные тенденции их развития обнаружились в эпохи, за ними последовавшие, и смысл их уже вскрыт историей. Современность, говорили они, еще не имеет следствий. Процессы, в ней совершающиеся, не угаданы временем, и тот, кто живет в водовороте событий, не в состоянии их оценить и понять. Затем, когда на смену историческому роману пришла повесть из современной жизни, точка зрения изменилась. Только современник событий может их понять. Только в толкотне эпохи, испытывая на

себе ее бедствия и надежды, можно познать ее сущность, ее проблематику, чувства тех, кто ее делал и переживал» [79, с. 11-12]. Тем не менее, ни Солженицын, современник сталинской эпохи, ни читатель, воспринимающий ее как историю, не в состоянии однозначно понять и объяснить образ Сталина.

2.2. Правящая элита советского общества

В связи с тем, что художественное пространство становится формальной системой для построения различных, в том числе и этических, моделей, возникает возможность моральной характеристики литературных персонажей через соответствующий им тип художественного пространства, которое выступает уже как своеобразная двуплановая морально-этическая метафора. Персонажи «макарыгинской гостиной» всецело подчинены стереотипам среды и собственным эгоистическим побуждениям. У них иные представления о жизни, иная психология и мораль, свое мировоззрение (если это можно назвать мировоззрением), своя система ценностей, в том числе и вещественно осязаемых. От обыкновенных палачей они отличаются, прежде всего, высокой «идейностью». Социалистической идее, как чему-то отвлеченному и абстрактному, отводится второстепенное место. От идеала остается словесная оболочка, идейный антураж, использование социалистической фразеологии необходимо в силу привлекательности этих идей для широкого круга людей. Подобным образом маскируется борьба за власть, не игнорирующая никаких средств, отрицающая какие бы то ни было нравственные соображения, если они не совпадают с интересами партии, или, более того, противоречат им. Это также и снятие с человека ответственности за его нравственность, подчинением норм морали догмам большевистской доктрины. Провозглашается так называемая новая революционная мораль, восходящая к мыслям Раскольникова: «кровь по совести» и «все дозволено», подкрепляемая соответствующими установками. Идеология, считающая себя непогрешимой, выделяет особый класс для воплощения ее постулатов в жизнь.

Поддерживает таких людей, как Макарыгин, сознание исторической правоты, которая гарантируется партией, идеологией и вождем. Прокурор и в прямом и в переносном смысле является «палачом». Он приговаривает людей к огромным срокам заключения или к расстрелу, понимая надуманность обвинений и зная, какими методами сотрудники МГБ заставляют арестованных признаваться в совершении самых невероятных преступлений. Для судопроизводства Макарыгину не нужен был Уголовный кодекс и юридические справочники, ему достаточно было нескольких инструкций, известных по номерам. «Инструкции эти, сосредоточившие в себе всю мудрость судопроизводства, подшиты были в одной небольшой папке, хранимой у него на работе» [88, с. 481].

Наступление на человека античеловечного мира может быть отражено только наличием в герое внутренней самобытности, сопротивляемости, основанной на том, что он имеет свой путь и свое нравственное пространство, которое не дает себя подавить. Солженицын создает героя, не имеющего своего лица, своего дела, индивидуальной внутренней организации и мгновенно адаптировавшегося под структуру окружающего его пространства. «А если что немного не так – значит, государственная политика требует» [88, с. 483]. При подобной двойственности какая бы то ни была деятельность: общественная, политическая, социальная – лишается содержания и смысла, поскольку господствующий цинизм отношений не допускает никакого гражданского общества, никакой социальной жизни. Все институты власти носят бутафорский характер, законы и права иллюзорны.

Подобное восприятие властных структур, исполняющих волю верховного правителя, относит нас к роману Ф.М. Достоевского «Бесы», один из персонажей которого, губернатор Лембке, говорил: «Видите, надо, чтобы все эти учреждения – земские ли, судебные ли – жили, так сказать, двойственную жизнью, то есть надобно, чтоб они были (я согласен, что это необходимо), ну, а с другой стороны, надо, чтоб их и не было. Все судя по взгляду правительства. Выйдет такой стих, что вдруг учреждения окажутся необходимыми, и они тотчас же у меня явятся налицо. Пройдет необходимость, и их никто у меня не отыщет» [37, с. 298]. Возникает так называемое «двоемыслие», означающее готовность людей в любую минуту изменить свои убеждения, поменять

местами правду и ложь ради сохранения собственного благополучия.

Распределение благ осуществляется по принципу иерархии: чем выше должность, тем солиднее получаемые блага. Если принцип распределения благ осуществлялся в порядке социальной привилегии, то принцип получения благ становится для новых господ жизни истинным мировоззрением и единственным идейным убеждением. Сразу после войны, осенью 1945 года, прокурор получил роскошную квартиру в новом доме. «Дом строился полукруглый на Калужскую заставу, с двумя крылами: одно – по Большой Калужской, другое – вдоль окружной. Все делалось в восемь этажей, и еще предполагалась шестнадцатизэтажная башня с солярием на крыше и с фигурой колхозницы в дюжину метров высотой» [88, с. 306]. Подобное всеобъемлющее описание дома обусловлено охватом его с одной общей точки зрения, пространственная позиция которой предполагает широкий кругозор и условно может быть названа точкой зрения «птичьего полета». В образе этого дома, московской новостройки, предназначенной для партийной элиты, дается социальный срез сталинской России. В нем фокусируется социальная несправедливость советского общества.

Бытовое пространство превращается в фикцию. Основными признаками этого мира являются раздвоенность, косность, материальные излишества. Это мир особого – бюрократического – пространства. Разрозненный и разобщенный по многим признакам, он един в причастности к бумагам, делопроизводству, бюрократии. В этом смысле он непрерывен и, следовательно, образует некое, специфического типа, пространство. Однако это бюрократическое пространство – особого рода: сущность его в том, что оно состоит из социальных, следовательно, знаковых элементов, но таких, которые имея план выражения, принципиально лишены плана содержания. Эта двойная конструкция достигается чрезвычайной конкретностью, вещественностью пространства, которое одновременно оказывается совершенно мнимым. Невозможность добра, эгоизм проистекают от неизбежности для любого человека или группы лиц, возвысившихся над толпой, замыкания в кругу собственных представлений, из-за полной отгороженности от любых объективных – прежде всего этических – ценностей.

Использование воспоминаний способствует не только созданию эффекта достоверности, но и совмещению категорий прошедшего и настоящего времени, сопоставлению воспоминаний героев и жизненных реалий. «Что же мне – идти завтра просить, чтобы мне платили двести пятьдесят? А как я буду жить? Да меня выгонят как сумасшедшего! Ведь другие-то не откажутся!» [88, с. 485]. «А как Ильич в гражданскую войну отказывался от сливочного масла? От белого хлеба? *Его* не считали сумасшедшим?» [88, с. 485]. Вера в идеалы первых революционных лет наталкивается на цинизм прокурора: «Тш-ш-ш! И ты поверил? Ленин без сливочного масла не сидел, не беспокойся. В Кремле уже тогда была неплохая столовая» [88, с. 485]. Контраст в воспоминаниях служит не только разоблачению лицемерия большевистской власти, но и опосредованной характеристике людей, на которых власть опиралась.

В области психологизма принцип контрастности воплощается в форме контрастного осмысления в сознании героев определенных жизненных впечатлений. Солженицын подчеркивает главенство в современном ему обществе состояния безверия, нравственной относительности и идейной бесхребетности, которое метафорически-обобщенно воплощает в романе образ Макарыгина, и которое поддерживает и распространяет малые и большие, внутренние и внешние конфликты жизни, вносит дисгармонию и хаос в человеческие отношения.

Сквозь броню идеологии, которой сковал все свои мысли и чувства Макарыгин, пробивается бунт его дочери. Прокурор не может ответить на вопрос Клары: «За что тебе тысячи платят, если ты ничего не создаешь?» [88, с. 484]. «Когда-то все это Макарыгин знал, но до чего же стал дремуч» [88, с. 485]. Подобное сопоставление фраз имеет сатирическую направленность, исходя из контекста человеческого поведения. В плане психологизма оно выступает как деформация личностной и поведенческой сферы действующего лица под влиянием условий, навязываемых ему обстоятельствами.

Противоречия внутри семьи определяют противоречия окружающего мира. Выявление семейных отношений дает возможность показать градацию характеров. Если с бунтом Клары он еще в состоянии справиться и поведение дочери никак не отразится на материальном благополучии семьи, то поступок

Иннокентия нанесет сокрушительный удар по макарыгинскому быту. Следуя традициям Толстого, распространяющего поэтику контраста на семьи Ростовых, Болконских, Курагиных и на различные группы персонажей, Солженицын, группируя героев по ходу сюжета, использует сцепление по контрасту.

Хронотоп гостиной Макарыгина позволяет выявить быт и нравы нового класса. Л.Д. Ржевский отмечает: «Блестящая авторская экспозиция гостей – их групп, передвижений, споров и реплик – невольно вызывает в памяти описание вечера в доме Анны Павловны Шерер, открывающее эпопею Толстого» [80, с. 78]. Салонная традиция восходит к культуре Франции XVII века. Салон был явлением оппозиционным по отношению к насаждавшейся государственной централизации. Замкнутость салонов, их особый статус в общественной жизни вызывал подозрение у властей. Салоны в классических образцах XVII века представляли серьезную опасность для абсолютистского централизма. Будучи тесно связанными с гуманистической традицией Ренессанса, они противопоставляли деспотической реальности мир художественной утопии. В то время как абсолютистским государством культивировался принцип сословной иерархии, салон создавал иллюзорный утопический мир внесословного погружения в игру и поэзию. «Человек таланта, поэт, ученый, артистический выдумщик розыгрышей, мистификаций, шарад, пикников мог, – по утверждению Ю.М. Лотмана, – в салоне блистать, ораторствовать, влюбляться и быть любимым, ласкаемым, делаться предметом обожания и зависти, сняв с себя проклятье низкого происхождения» [60, с. 172]. Известный поэт Вуатюр, сын трактирщика, в салоне чувствовал себя равным прочим сановным завсегдатаям. Как только он приходил в салон, все собирались послушать его.

В связи с этим особую сатирическую окраску приобретает вечер у Макарыгиных, на который приглашали, руководствуясь исключительно социальной принадлежностью людей. «Однако перед Словутой стыдно было теперь за этих полулегальных гостей – за этого почти уже и не приятеля, за эту почти уже и не подругу, Словута мог подумать, что у Макарыгиных принимают рвань» [88, с. 470]. Сатирическому обличению подвергаются люди, озабоченные внешними атрибутами жизни, но не самой жизнью. Движение авторской точки зрения никак не обусловлено

перемещением действующих лиц, то есть авторская точка зрения независима в своем движении. Последовательный обзор гостей имитирует движение взгляда человека, осматривающего гостиную. Однако это движение принадлежит не кому-то из присутствующих, а самому автору, как будто незримо присутствующему на месте действия. «Алевтина Никаноровна, статная, еще не старая, следила за прислугой с одобрением. Особой заботой хозяйки было еще то, что в последний час изменился план вечера: он затевался для молодежи, а среди старших – просто семейный, потому что для сослуживцев Макарыгин уже дал банкет два дня назад. Поэтому приглашен был старый друг прокурора по гражданской войне серб Душан Радович, бывший профессор давно упраздненного Института Красной Профессуры, и еще допущена была приехавшая в Москву за покупками простоватая подруга юности хозяйки, жена инструктора райкома в Зареченском районе» [88, с. 470]. Подобный прием используется при описании званого обеда у Ростовых в «Войне и мире»: «Граф из-за хрусталя, бутылок и ваз с фруктами поглядывал на жену и ее высокий чепец с голубыми лентами и усердно подливал вина своим соседям, не забывая и себя. Графиня так же, из-за ананасов, не забывая обязанности хозяйки, кидала значительные взгляды на мужа, которого лысина и лицо, казалось ей, своею краснотою резче отличались от седых волос» [97, с. 86]. Однако маскарад сытых палачей в романе «В круге первом» не возвращает, а нивелирует память о прошлой России, которую хранит тверской дядюшка и письма матери Володина.

Солженицын показывает людей, стоящих во главе советской системы и проводящих в жизнь политику массовых репрессий. Происходя из тех же рабочих и крестьян и имея некоторые заслуги в прошлом (участие в гражданской войне, работа в партийно-комсомольских органах) или не имея таковых, а продвинувшись благодаря ревностной преданности режиму и пролазничеству, ныне стали они властвующей элитой. «Знала же когда-то и Россия, – по мнению А.И. Солженицына, – такие века в своей истории, когда общественным идеалом была не знатность, не богатство, не материальное преуспеяние, а – святость образа жизни. Россия тогда была напоена православием, сберегшим верность первоначальной Церкви первых веков. То древнее православие умело сохранять свой народ под двумя-тремя веками чужеземного ига, еще

одновременно отражая и несправедные удары крестоносных мечей с Запада» [93, с. 449].

В изображении служителей режима преобладает гротеск; это определяет выбор черт портретируемого. Если автор идеализирующего портрета выбирает «чело», улыбку, глаза – то автор комического – живот, щеки, уши, а также нос. «Лицу Макарыгина большие отставленные уши были как крылья сфинксу» [88, с. 485]. Иронией пронизано описание генерал-майора Словуты: «Не мыслителя было у него лицо, сильное челюстью и жиром, но главное ухватывал он легко» [88, с. 481]. В. Евсюков отметил: «Уровень умственного развития их невысок, потому что все силы уходят у них на разоблачение “происков”, доказательства “вины” пойманных и расставление капканов и ловушек для вылавливаемых, а мораль сводится к нехитрому убеждению, что “каждый человек – сволочь” (глядя в собственную душу, как в этом усомниться?)» [40, с. 150]. Черты внешности и способ поведения персонажа, в основе которых лежит устойчивая данность, связаны с его характером, а также со спецификой пространственно-временных отношений, психологии, системы нравственных оценок.

Любое сотрудничество с большевиками, участие в социалистическом переустройстве общества не проходит бесследно: любой, попавший в поле их деятельности, обречен. Радович, «замечное лицо в коминтерновских кругах, он в самые критические годы уцелел из-за того, что не выползал из больниц» [88, с. 479], предпочитал молча наблюдать за всем происходящим. Устанавливая советскую власть, герой не понял, чем чревато разрушение вековых устоев, нравственное разложение народа, «когда человек обращается в гадкую, трусливую, жестокую, себялюбивую мразь» [37, с. 387].

Характерная черта данного хронотопа состоит в том, что персонажи, занимающие достаточно высокое положение в социальной иерархии, не могут проявить себя как полноправные участники спора, они повторяют официальные клише, опасаясь не только говорить, но и думать. Диалог между Радовичем и Словутой перемежается словами автора. Нарративное сатирическое разоблачение соседствует с бессознательным саморазоблачением персонажа. На вопрос Радовича о статистике преступлений генерал-майор ответил: «Статистика говорит, что число преступлений у нас уменьшается» [88, с. 480]. И добавил: «А все-

таки еще порядочно. Наследие старого режима» [88, с. 480]. В диалог вступает автор, словно отвечая на реплику Словуты. «Три четверти шедших через суды выросли уже после семнадцатого года, но Словуте это не приходило в голову, он нигде этого не читал» [88, с. 480].

Принцип контраста воплощен в парности образов Радовича и Словуты в форме противоположного соединения в сознании героев соответствующих жизненных впечатлений, в противопоставлении сознательно и подсознательно воспринимаемых явлений окружающей действительности. «Когда Владимир Ильич говорил нам, что *культурная* революция будет гораздо трудней Октябрьской – мы не могли себе представить! И вот теперь мы понимаем, как далеко он предвидел» [88, с. 480]. Следуя толстовским традициям, Солженицын выделяет курсивом элементы чужой речи в прямой речи действующих лиц. Случаи использования чужого слова осознаются Толстым и, как правило, выделяются курсивом, подчеркивающим заимствованный характер данного элемента.

Контекст и графическое выделение слова представляют собой прием сгущения деталей, усиливающий сатирическое разоблачение персонажей. Такую же функцию выполняет введенная Солженицыным острабяющая деталь, представляющая собой восприятие персонажа со стороны. «У Макарыгина был тупой окат головы и оттопыренные уши» [88, с. 480]. Оценка персонажа производится с заведомо внешней позиции, то есть с позиции автора противопоставленного герою. Подобное идеологическое отчуждение характерно для сатиры.

Малейшее отклонение от заданного курса жестоко каралось, о чем свидетельствует авторское отступление при характеристике Радовича. «Однако, непримиримая к малейшим отливам больше, чем к противоположным цветам, сталинская партия тотчас бы срубила ему голову именно за то малое, в чем он отличался» [88, с. 480]. Переводя это высказывание в русло морально-этических категорий, можно сказать, что это, хотя и неосознанный, но конфликт персонажа со средой. Причем среда трактуется расширенно: ближайшее социально-бытовое окружение, сформированное хронотопом макарыгинской квартиры с богатым дереволлюционным хрусталем и коврами, является отражением

макросреды сталинской эпохи, от которой зависит судьба всех персонажей.

В глубине души каждого человека присутствует (хотя и не всегда осознается) требование абсолютной разумности, с которым вступает в безотчетный конфликт ощущение бытийной ущербности и чувство реальной неосуществимости для любой конкретной личности декларируемых утопий. Из поля зрения искателей справедливого общественного устройства ускользали специфические сверхрассудочные особенности человеческого существования, не поддающиеся строгому логическому объяснению. Благородство и чистота помыслов тех, кто взыскует равенства и братства, могут исказиться уже одной только поспешностью в выводах, принятием гипотез за несокрушимые аксиомы, бездумным воплощением гуманистических идей, сопровождающимся огульным отрицанием тысячелетних традиций, исторических ценностей и народных идеалов.

Мир вещей является неотъемлемой гранью словесно-художественной образности, обладая довольно широким диапазоном содержательных функций. Беззаботной жизнью правящего класса живет жена прокурора Макарыгина. В отличие от его первой жены, активно боровшейся за установление советской власти, Алевтина Никаноровна не испытывала никаких душевных мук, а была занята исключительно вопросами улучшения благосостояния семьи. Обладание вещами становится самоцелью героини. Вещей множество, но они становятся стандартными, утрачивают связь со своим создателем и владельцем, практически перестают отличаться друг от друга. Их становится все труднее различать, в то же время их наличие или отсутствие может стать самодавяющим. «Не теперешний хрусталь Главпосуды собирала она – перекособоченный, прошедший конвейер равнодушных рук, но хрусталь старинный с искорками своего мастера, с особенностью своего создателя...» [88, с. 469-470]. Вещи, в данном случае, описываются как впечатление от увиденного, что способствует созданию эффекта достоверности и служит опосредованному сравнению жизни до и после революции.

2. 3. Адепты «передового» учения

Солженицын подробно описывает изучение истории партии и трудности восприятия главы, в которой излагались философские основы коммунистической идеологии. «Так как это не могло же объясняться пороками или путаницей в диалектическом материализме или неясностями авторского изложения (глава написана была самим Лучшим Учеником и Другом Ленина), то единственные причины были: трудности диалектического мышления для отсталых темных масс и неотклонное наступление весны» [88, с. 658]. Плохое восприятие философских основ коммунистического мировоззрения обусловлено их онтологической неукорененностью, смысловой незавершенностью и невыполнимостью. Автор готовит читателя к соответствующему восприятию главы, многозначительно окончив предыдущую тем, что Ройтман должен был «загонять» [88, с. 657] своих подчиненных на лекцию. Разоблачение марксистского мировоззрения усиливается за счет того, что повествователь предварительно уведомляет читателей, что выступать будет не «рядовой пропагандист, а лектор обкома партии» [88, с. 659], что тот, по общему мнению, «читает зажигательно» [88, с. 659]. Выступление оратора предваряет авторское ироническое повествование в форме от третьего лица – о едином для всей страны дне политучебы. «Понедельник был не на одной шарашке Марфино, но и по всему Советскому Союзу установленный Центральным Комитетом партии день политучебы» [88, с. 657].

Фигура всеведущего автора, известная со времен Гомера, наглядно проявляется в романе Солженицына. «Еще одно обстоятельство о лекторе Степанов не знал и сам: Шамсетдинов был хорошим другом Мамулова – не того Мамулова из секретариата Берии, а второго Мамулова, его родного брата, начальника Ховринского лагеря при военном заводе» [88, с. 659]. Из-за этой близости он позволяет себе не читать, но «предаваться вдохновению красноречия» [88, с. 659]. В данном случае повествователь находится как бы над действием: в такой позиции, когда ему доступны все поступки и мысли героев.

Солженицын применяет прием саморазоблачения: герой открывается через речь, в которой сочетаются вопиющее

невежество и апломб номенклатурщика, штампы и речевые ошибки. «Первая черта, это то, что...взаимосвязь!» [88, с. 661]. «Нагрейте ее до тридцать градусов – и она все равно будет вода. И нагрейте ее до восемьдесят градусов – и все равно будет вода. А ну-ка догреть до сто?» [88, с. 662]. Лектор владеет определенным набором клише, которые не может связать воедино или дополнить до осмысленного высказывания: «Две особенности производства... Пять типов производственных отношений...» [88, с. 668]. Но наряду с тем и с другим особенно комически выглядит стремление лектора свою ученость показать – его пристрастие к иностранным словам, которые он безбожно коверкает («социал-регенаты» [88, с. 663], «непримиримый комплект» [88, с. 664]).

Солженицын разоблачает стремление идеологов употреблять в речи штампы, не задумываясь о смысле произносимых слов: «социал-предатели, правые социалисты всех мастей» [88, с. 663], «империализма, загнивающего на наших глазах» [88, с. 664], «подлый слуга буржуазии, дипломированный лакей поповщины» [88, с. 667]. Писатель дает уничижительную характеристику персонажу, продемонстрировав, что все высказывания лектора обкома лишены здравого смысла и похожи на заклинания шамана. Сам лектор не понимает того, о чем говорит. «Он как бы пробирался в дебрях и не предвидел выхода» [88, с. 664]. «Персонаж, – по мнению А.В. Урманова, – воспроизводит бессвязный поток грубых и примитивных пропагандистских штампов, обильно перемежая их собственными языковыми перлами, что в сочетании с портретной характеристикой и другими приемами изображения создает ярко выраженный иронический, а местами и сатирический эффект» [98, с. 186].

Речь лектора сопровождалась авторскими ремарками. Вначале голос его «рокотал» [88, с. 663], он говорил «зычно, категорично, как бы давя мятеж с капитанского мостика» [88, с. 662]. Категоричность высказываний подразумевала их аксиоматичность.

Разоблачение марксистского мировоззрения ведется в основном извне – прежде всего посредством описания поведения оратора, манеры его выступления. Формы поведения придают внутреннему существу человека отчетливость, определенность, законченность. То лектор «резко откинулся, будто ему дали понюхать нашатырного спирту» [88, с. 661]; то вдруг «усталость свалила его, он поморгал, опустил на стул» [88, с. 664]; то вновь «оживился,

поднялся на ноги и, размахивая большим кулаком, шутя громил убогую формальную логику» [88, с. 666]. Когда дело дошло до знаменитого примера, иллюстрирующего закон перехода количества в качество (вода при нагревании превращается в пар), из груди лектора вырвался такой торжествующий крик, что «иные даже вздрогнули» [88, с. 662]. Подстать интонациям и жест.

Формы поведения – одна из существенных сторон жизнедеятельности человека в первичной реальности. Они выражают душу человека и служат важным средством коммуникации. Личность героя при этом постигается более целостно: духовная сущность выступает в определенном внешнем обличье. Формы поведения могут иметь знаковый характер. Выражение внутреннего во внешнем становится формой поведения, когда поведенческие черты героя устойчивы, соотнесены с духовным ядром личности и обладают характерностью. Формы поведения, таким образом, – не только средство раскрытия внутреннего мира персонажа, но и предмет постижения, оценки человеческой реальности. Характер движений, жестов, интонаций во многом зависит от коммуникативной установки человека: от его намерения и привычки монологично поучать других, либо всецело полагаться на чей-то авторитет, либо, наконец, беседовать с теми, кто вокруг, на началах равенства.

Солженицын доказывает несостоятельность «передового» учения, используя композиционный прием совмещения точек зрения и «пропуская» выступление Рахманкула Шамсетдинова через восприятие некоторых слушателей (Ройтмана, Яконова, Клыкачева). Проблема точки зрения в данном случае находится в тесной связи с явлением остранения, дающим возможность охарактеризовать и персонажей, выступающих носителями точек зрения, которые описываются способом внутреннего состояния.

С помощью внутренних монологов воссоздаются процессы во всем их многообразии. Ройтман «почти физически чувствовал, как мозги его, медленно поворачиваясь, косо ввинчиваются» [88, с. 663]. «Яконов подумал: вот таких бы лекторов человек сто загнать бы на эти тесные стулья, да читать им лекцию о формуле Эйнштейна, да держать без обеда до тех пор, пока их тупые ленивые головы воспримут хоть – куда девается в секунду четыре миллиона тонн солнечного вещества!» [88 с. 667]. Клыкачев внимательно смотрел на лектора, но не слушал. Он сам вел

политучебы и «мог прочесть лекцию даже лучше, и знал хорошо, по каким инструктивным материалам сегодняшнее выступление приготовлено. Клыкачев просто от скуки изучал лектора – сперва прикидывал, сколько тот может получать в месяц, потом пытался определить его возраст и образ жизни» [88, с. 665]. Позиция повествователя в данном случае ирреальна, он становится на точку зрения всезнающего автора, одновременно описывающего внутреннее состояние разных людей, что не доступно с точки зрения внешнего наблюдателя.

Портрет Шамсетдинова дается через восприятие другого персонажа, как его впечатление, что расширяет функции портрета в произведении, поскольку характеризует и того и другого. «Ему могло быть около сорока. Но пепельность, изрезанность лица, налитой бронзовый нос уводили за пятьдесят или говорили, что он много берет от жизни, и жизнь ему мстит» [88, с. 665]. Повышенная чувствительность писателя к необратимому ходу времени и конечности человеческой жизни обостряет зоркость к чертам лица, фигуре, одежде персонажа. При портретном описании литературного персонажа внимание писателя зачастую сосредотачивается на том, что выражает, какое впечатление производит внешность персонажа, а не на описании каких-то конкретных черт лица.

Р. Темпест отмечает, что «улыбка занимала – и страшила – русских мыслителей» [96, с. 184]. Согласно русскому видению мира, улыбка должна выразить душевную целостность, милосердие и спокойную радость.

Заведомо отрицательный смысл предан Л.Н. Толстым «неизменной улыбке» Элен, улыбке «ясной, красивой» [97, с. 251], но порочной уже оттого, что этой улыбкой она улыбалась всем и всегда. Та же безжизненность открывается в государственном преобразователе и внешне поразительно активном деятеле Сперанском, когда князь Андрей замечает его холодный, зеркальный, отстраняющий взгляд, видит ничего не значащую улыбку и слышит металлический, отчетливый смех. О Пьере сказано, что у него с улыбкой «вдруг, мгновенно исчезало серьезное и даже несколько угрюмое лицо и являлось другое – детское, доброе, даже немного глуповатое и как бы просящее прощения» [97, с. 40]. Для Толстого детская улыбка Пьера важнее его мнений, которые будут еще не раз меняться.

У Солженицына, вслед за Толстым, эта портретная черта раскрывает внутреннюю сущность персонажа, обнажает ядро его внутреннего мира, будучи вполне индивидуальной, указывает на характерный признак типа. Характерно, в этом отношении, и описание бывшего парторга. «Клыкачев был сухопар, как борзая, очень подвижен и не знал отдыха» [88, с. 584] и «улыбался с оскалом» [88, с. 589].

Герои улыбаются редко, но уместно: выражение их лиц адекватно миру, в котором они живут. В рассказе «Матренин двор» Игнатъич пытается запечатлеть для себя «лучезарную улыбку» [89, с. 119] Матрены Васильевны: «Жизнь научила меня не в еде находить смысл повседневного существования. Мне дороже была эта улыбка ее круглового лица, которую, заработав наконец на фотоаппарат, я тщетно пытался уловить» [89, с. 447].

Находят свое выражение и традиционно-художественные средства, суммирующие мысли и чувства персонажа. Клыкачев понимал, что Борис Сергеевич, со своей тягой к разгромным резолюциям после каждого партийного собрания пишет «...историю Марфино...» [88, с. 589]. «Он пре-ду-смо-три-тельно материальчики накапливает: при любом обороте любая инспекция пусть убедится, что освобожденный секретарь сигнализировал, внимание общественности – приковывал» [88, с. 589]. Только так и можно было выжить, обезопасив себя на случай непредвиденного поворота событий. «Был Степанов секретарем освобожденным также и от сомнений и блужданий во тьме» [88, с. 589]. Герой не сомневался в праве верховной государственной власти на принятие любого решения без объяснения и обсуждения. Он без колебаний принимал любое решение вышестоящих инстанций, не задумываясь о том, что новое утверждение противоречит предыдущему.

Множество людей из самых разных общественных слоев осознали себя свободными от любого долга. Не жертвенность, но стремление к власти и к безбедной жизни определяет их поведение. Господство директивы и диктатуры породило невиданные до этого формы и методы подавления людей. Возникла целая отрасль идеологии, особая политграмота, появились специфические работники, внедряющие установки власти в головы простых людей. Наглядным примером подобного типа людей является Степанов,

приспосабливающийся к любому повороту государственной политики.

Освобожденный секретарь любил открытые партийные собрания, куда в добровольно-принудительном порядке должны были приходиться «и все беспартийные, и где можно было вдребезги разносить их, они же не имели права защищаться и голосовать» [88, с. 587]. «Если коллектив не открывал руководству нарушителей закона из своей среды, если коллектив отмалчивался на собраниях – такой коллектив Степанов с полным основанием считал нездоровым. Если же коллектив всем скопом набрасывался на одного своего члена и именно на того, на кого указывал партком, – такой коллектив по понятиям людей и выше Степанова был здоровый» [88, с. 586]. Такое понимание правильных взаимоотношений людей в коллективе способствовало зарождению недоверия и нервозности в отношениях между людьми. Поощрялось доноительство и создание атмосферы всеобщей травли неугодного власти человека. Свидетельством типичности подобного явления для коммунистического государства служит образ Якуши Савкина из романа Б. Можая «Мужики и бабы». «Якуша понимал, что не каждому дано выбирать направление классовой борьбы. Одни направляют, другие исполняют... Чего надо? Только покажи, кого надо привлечь, у нас рука не дрогнет» [65, с. 19-20].

Насаждаемая система взаимного политического контроля, непрерывная слежка друг за другом лежит в основе принципа иерархического централизма с диктатурой центра. При этом каждый член общества обязан, так называемым, высшим отчетом, то есть отчетом исключительно снизу наверх. Донос и слежка преподносились не только как священный долг каждого советского гражданина, но и становились способом выживания. Подобное отношение к коллективу является аллюзией на роман Достоевского «Бесы». Петр Верховенский поясняет ситуацию Ставрогину: «Там, куда мы идем, членов кружка всего четверо. Остальные, в ожидании, шпионят друг за другом взапуски и мне переносят. Народ благонадежный. Все это материал, который надо организовать...» [37, с. 357].

Собственного мнения не должно было существовать, все члены коллектива должны были выражать мнение партийной организации и осуждать любого, на кого укажут. Такое отношение к людям со

стороны государства и самих людей друг к другу не могло не породить своеобразного понимания критики. «Нам нужна деловая критика, то есть критика, не затрагивающая испытанных руководящих кадров!» [88, с. 587]. Слово «деловая», в трактовке Степанова, контрастирует с обычным пониманием этого слова, и способствует созданию иронического эффекта. Такой подход к критике способствовал отдалению руководителей от народа и выделению их в особую группу, не подвластную критике. Эти люди, обладающие правильным мировоззрением, не могли ошибаться, и вокруг них создавался ореол непогрешимости.

Степанов, и ему подобные ощущали себя призванными революцией, солдатами партии, готовыми уничтожить любого, вставшего у них на пути. Главным губительным следствием коммунистического перерождения людей Солженицын считал потерю живых связей с традициями и преданиями, сохраняющими атмосферу непосредственной христианской веры. Для Солженицына источником катастрофы служит ложная идея, вырваться из пут которой является всеобщей задачей, достижимой, главным образом, на пути раскаяния. Именно в потере вековых идеалов, великих мыслей, в отсутствии высшего сознания и смысла, высших целей жизни видел Солженицын корни и главную причину духовных болезней своего века. Все духовные рефлексии, стремления и желания человека вытеснялись размытым, легко приспособляемым под любое изменение идеологических установок, понятием «правильное мировоззрение», имеющее огромное значение во всех сферах жизни советского общества.

Характерно, что глава «Освобожденный секретарь», заканчивается следующей фразой: «Еще то повышало его настроение, что купленный вчера розовоухий поросенок очень охотно, не привередничая, кушал запарку и вечером и утром. Это давало надежду дешево и хорошо его откормить» [88, с. 591]. Степанов был убежденным большевиком только на словах, на деле же был озабочен исключительно собственным материальным благополучием. Крайняя раздвоенность и предельное равнодушие сказывается на поступках героя, который пытается совместить несочетаемые устремления: идейную непримиримость с психологией накопителя. О типичности данного явления свидетельствуют вопросы Степана Трофимовича Верховенского: «почему это все эти отчаянные социалисты и коммунисты в то же

время и такие невероятные скряги, приобретатели, собственники и даже так, что чем больше он социалист, чем дальше пошел, тем сильнее и собственник... почему это?» [37, с. 88-89].

Описание освобожденного секретаря служит своеобразной канвой для появления Рахманкула Шамсетдинова. Именно Степанов повторяет мнение вышестоящих организаций о лекторе. В описании Степанова преобладают иронические ноты, Шамсетдинов же получает явно сатирическую характеристику.

2.4. На страже режима

Анализируя человеческую природу, Солженицын приходит к выводу, что духовная неустойчивость, неотчетливость в понимании нравственных ценностей, разграничении категорий добра и зла, приводит к снижению, изменению и перерождению неопределенных в своей реальной сущности абстрактно-гуманистических идей. Шикин и ему подобные свыклись с тем, что людей сажают в тюрьму не за конкретные преступления, а за убеждения, настроения, высказывания и намерения – если даже и не сделал чего-то, то мог сделать.

Трещину в токарном станке 1916 года выпуска герой воспринимал как нечто непоправимое, хотя для устранения поломки нужен всего час работы. «Разумеется, теперь, когда непоправимое уже произошло, Шикин внутренне мог упрекнуть и самого себя: не придав значения этой важнейшей производственной операции, он не проследил за нею лично. Но ведь в исторической перспективе ошибки деятелей всегда видней – а поди их не сделай!» [88, с. 626] Контраст между реальной поломкой и восприятием героя способствует созданию сатирического эффекта.

Майор тщательно проводил расследование, исписал восемьдесят страниц протоколов, но никак не мог найти того, кого можно обвинить. «Трудность нынешнего расследования залегала именно в том, что в руках Шикина не было обычных средств добывания истины: одиночки, карцера, мордобоя, перевода на карцерный паек, ночных допросов и даже элементарного разделения подсудимых по разным камерам...» [88, с. 627].

Используя прием несобственно прямой речи, Солженицын раскрывает систему работы советских следственных органов.

Чекисты имели широкий круг полномочий, но их работа была окутана тайной и поддерживалась властью. В. Евсюков отмечает: «За спиной у них могучее Партия-Государство, несокрушимая единственная Идеология и возвышающийся надо всеми Вождь – мудрый, справедливо карающий и награждающий Отец и Учитель» [40, с. 150]. Не только их работа, но и личная жизнь окружалась ореолом таинственности и не подлежала оценке по общепринятым нормам. Заключение узнали о связи Шикина с секретаршей и доложили об этом начальству, но это не повлекло за собой никаких санкций. «Генерал-майор Осколупов выговаривал тогда Шикину не за сношения с секретаршей (это была область моральных принципов секретарши) и не за то, что сношения происходили в рабочее время (ибо день у майора Шикина был ненормированный), а лишь за то, что узнали заключенные» [88, с. 572]. Для создания иронического эффекта автор вновь прибегает к игре скобок. Фразы в скобках свидетельствуют, что описание дается как бы одновременно с двух точек зрения: внутренней по отношению к описываемому событию, использующей позицию самих участников действия и нейтральной – внешней по отношению к описываемому событию, использующей позицию постороннего наблюдателя.

Использование приема остранения позволяет увидеть занятия героя со стороны и показать отношение к ним других людей. Яконов думал об оперуполномоченном: «какая гадкая сероволосая поседевшая над анализом доносов вошь этот майор Шикин, как идиотски ничтожны его занятия, какой кретинизм все его предложения» [88, с. 592]. Это высказывание контрастирует с восприятием героем чекистской работы. «Шикин гордо ощущал свою ценность и особенность» [88, с. 571]. Контраст между самосознанием персонажа и восприятием его другими людьми, определяет сатирический эффект посвященных ему эпизодов.

Дискретность пространства проявляется в том, что оно не описывается подробно, а лишь обозначается с помощью определенных деталей, наиболее значимых для автора. Так, место действия в стихотворении М.Ю. Лермонтова «Бородино» обозначено немногими деталями: «большое поле» [56, с. 9], «редут» [56, с. 9], «пушки и леса синие верхушки» [56, с. 9]. В рассказе А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» из

всех предметов, находящихся в конторе, описывается только докрасна раскаленная печь: именно она притягивает к себе промерзшего Ивана Денисовича [89].

Подобным значимым элементом, соотносящим кабинеты оперуполномоченных, является окно, расположение которого служило дополнительным источником сбора компрометирующего материала: «...майор Мышин налегал также на подсматривание через прозрачную занавеску: что делалось на прогулочном дворе. (Шикин, из-за неудачного расположения своего окна на третьем этаже, был лишен такой возможности)» [88, с. 615]. Подобным образом Солженицын опосредованно объединил оба персонажа. Они не конкурировали друг с другом, но и не сотрудничали. «Так они и работали: один над ночными душами, другой – над дневными, месяцами не встречаясь друг с другом, хотя в поквартальных отчетах и планах каждый писал о необходимости тесной увязки всей оперативной работы на объекте Марфино» [88, с. 569].

Обоим оперуполномоченным не было необходимости напрягаться для выполнения своих обязанностей. Душевные качества Мышина, как и у Шикина, полностью соответствуют исполняемым им обязанностям. Работа обоих оперуполномоченных фактически сводилась к сбору компрометирующего материала на заключенных. Следует отметить, что саморазоблачение – часто встречающийся у Солженицына прием при обрисовке сатирического персонажа. Наглядным примером этого является описание работы оперуполномоченного. «По сравнению с работой майора Шикина в работе майора Мышина была своя специфика, свои плюсы и минусы. Главный плюс был – чтение писем, их отправка или неотправка» [88, с. 615]. В качестве нормы выступает ее нарушение: положительно оценивается несоблюдение тайны переписки. Но, были, с его точки зрения, и отрицательные, которые он расценивал как узурпацию его прав. «А минусы были – что не от Мышина зависели этапирование, невыплата денег за работу, определение категории питания, сроки свиданий с родственниками и разные служебные придирки» [88, с. 615].

Противопоставление двух миров: тюремщиков и заключенных, усилено тем, что дано также и на природно-биологическом уровне. В «Одном дне Ивана Денисовича» охранники постоянно сравниваются с волками и собаками: лейтенант Волковой «иначе,

как волк <...>, не смотрит» [89, с. 22], надзиратели «зарьялись, кинулись, как звери» [89, с. 22], «только и высматривай, чтоб на горло тебе не кинулись» [89, с. 22]. Заключение же – беззащитное стадо. Их пересчитывают по головам. Эта оппозиция волков и овец, удавов и кроликов легко накладывается в нашем сознании на привычное басенно-аллегорическое противопоставление силы и беззащитности («Волк и ягненок» [52]), или, как у Островского [72], расчетливой хитрости и простодушия, но здесь важнее другой, более древний и более общий смысловой пласт – связанная с образом овцы символика жертвы.

В контексте описываемой Солженицыным эпохи амбивалентность символа жертвы, соединяющего в себе противоположные смыслы смерти и жизни, гибели и спасения, оказывается необычайно емкой. Содержательная ценность оппозиции заключена в ее связанности с проблемой нравственного выбора: принять или нет столь жестокий закон выживания. Заключение должны были молча подчиняться и не имели права бороться, поэтому разоблачение осведомителей воспринималось как чрезвычайное происшествие и, естественно, могло пагубно сказаться не только на судьбе Доронина, но и на судьбе Шикина. «Девять грамм ему, гаду! – с сипением вырвались его первые слова» [88, с. 632]. Сипение-шипение является характерным признаком змеи. Известно, что при встрече со змеей человек испытывает леденящий ужас и цепенеет от страха. Змеи всегда воспринимались как нечто враждебное человеку. Сравнение со змеей является деталью, объединяющей оперуполномоченного и главного осведомителя – Сиромаху.

Используя многообразие средств сатирического обличения, Солженицын настойчиво проводит мысль о том, что сами служебные обязанности чекистов предполагают природное убожество и посредственность, накладывавшие отпечаток на их внешний вид: «Лицо Мышина было как у обожженного глиняного идола с добавлением в глину розовой и фиолетовой красок. А глаза были профессионально невыразительны, лишены жизни, пусты той особенной надменной пустотой, которая сохраняется у этого разряда при переходе на пенсию» [88, с. 617]. Используя портретное описание Шикина, без нюансировки его переживаний, Солженицын показал неспособность самостоятельно находить выход из ситуации, не предусмотренной в инструкции. «Его лицо,

всегда превосходяще самодовольное сейчас выражало безумие» [88, с. 632].

Эти герои являются носителями Зла, они служат режиму не по необходимости, а с удовольствием. «Отсутствие яркой индивидуальности персонажей, – по мнению Е.В. Белопольской, – подчеркивается слиянием их в один образ – Шишкин-Мышкин (так арестанты называли между собой оперчекистов), в результате чего он становится как бы удвоенным» [12, с. 34].

Персонаж сам разоблачает себя и всю систему, говоря о шаткости положения любого советского человека, независимо от его заслуг и занимаемой должности. Наглядным примером подобной нестабильности является судьба Мамурина, которого, после недовольства Сталиным качеством связи, убрали с поста и посадили на Лубянку, но по духу герой остается ярким служителем режима. Взбалмошность и непостоянство власти сослужили службу Мамурину. Опасаясь, что его могут в любой момент вернуть в высшие эшелоны власти, чиновники МГБ решили подождать. «Будь это человек посторонний, ему бы сунули четвертную и закатали бы в Норильск» [88, с. 64]. Полное обесценивание человеческой жизни, неприятие в расчет личных прав и свобод было характерной чертой советской власти с момента ее установления. Свидетельством этому служит произведение В. Зазубрина «Повесть о Ней и о Ней», в котором описывается процесс превращения человека в щепку в вихре революции [41].

Отсутствие привычных инструкции и постоянный страх за свою судьбу привели чиновников МГБ в растерянность. Когда поняли, что Сталин про Мамурина забыл, «...без следствия и без срока отправили его на загородную дачу» [88, с. 64]. Это решение полностью отдавало Якова Ивановича в руки МГБ и, в случае любого поворота событий, его могли немедленно доставить куда прикажут. «Сидя второй год без следствия и суда, он по-прежнему жил только последними партийными директивами и по-прежнему боготворил Мудрого Вождя» [88, с. 65]. Герой находился как бы между двух миров: мир вольных его не принимал, в мир заключенных он сам не хотел входить. Мамурин всячески стремился оправдаться перед партией, но он не мог работать, чтобы вернуть доверие Сталина, так как «все знакомство со связью его, начальника связи, кончалось держанием в руках телефонной трубки» [88, с. 65]. Он мог только руководить. Если бы Мамурин

испытал все тяготы лагеря в полной мере, возможно, его не так уж волновала бы проблема лишения доверия. Фраза о духовных страданиях героя носит явный иронический характер, так как они не имеют ничего общего с духовностью.

Власть, основанная на лжи, заставляет обманывать и своих ярых приверженцев. Узнав о поступке Доронина, Шикин растерялся: «Одной ногой он провел над пропастью и узнал теперь ощущение, когда не на что стать» [88, с. 735]. Майор понимал, что разоблачение Дорониным осведомителей, выставляло его на посмешище: в истории МГБ не было такого, чтобы осведомитель вел двойную игру. Шикин не написал правду, он отправил Ростислава в лагерь с плохой характеристикой, что, скорее всего, приведет к гибели заключенного. Поступок Доронина был направлен на подрыв устоев сталинского общества, базирующегося на доносах.

В такой среде комфортно чувствовали себя люди, подобные Артуру Сиромaxe. Это специфическая фигура советской эпохи: добровольный осведомитель, доносчик с особым нюхом и способностями. Ему нравилась эта работа, «...хотя и не дала ему всех средств, сколько он хотел, но во время войны избавила от мобилизации, значит – спасла ему жизнь» [88, с. 623]. Власти важно было сохранить нужных ей людей, поэтому многие осведомители остались в тылу, продолжая выполнять свою работу. Оказавшись в тюрьме за кражу государственной собственности, Артур ощутил себя в знакомой среде и продолжал свою службу. «Не оставили его и оперуполномоченные: он не послан был на лесоповал, ни в шахты, а устроен при Культурно-Воспитательной Части» [88, с. 623]. Сиромaxe ревностно выполнял свою работу. «Теперь была задета и его честь осведомителя – пусть оперы в своих кабинетах прохлопали, но он??» [88, с. 624]. «Честь – внутреннее нравственное достоинство человека, доблесть, честность, благородство души и чистая совесть» [35, с. 599]. Такое понимание чести контрастирует с работой осведомителя и служит созданию сатирического эффекта. Сиромaxe с удовольствием и без зазрения совести занимается осведомительством и губит людей не только для укрепления своего положения, но и потому, что понимает: при сталинском режиме, поощряющем доносы, он может беспрепятственно этим заниматься. Причем, и в тюрьме, и на воле такие люди находились на особом положении. Они могли

продвигаться по службе, добиваться особых благ, убирая со своего пути неугодных людей с помощью доноса.

Следует отметить, что при создании портрета персонажа Солженицын часто прибегает к сравнению его с животным. Такое сравнение – достаточно древний поэтический прием, восходящий к мифологии. Известно, что каждый народ имел свой тотем, чаще всего в качестве тотема выступало какое-либо животное. В русской литературе сравнение с животным часто использовал Н.В. Гоголь. Г.А. Гуковский отмечал, что многие персонажи «Мертвых душ» похожи «...на зверей, то есть, конечно, не на настоящих, живых зверей, а на зверей фольклора, басни, древнего народного мифа» [31, с. 529]. Этот прием также встречается в прямой или скрытой форме у Достоевского, Толстого, Салтыкова-Щедрина, Чехова. Если говорить о непосредственных предшественниках Солженицына, то, в первую очередь, следует назвать имя Е. Замятина. Об этом свидетельствует сам автор: «Замятин во многих отношениях поражает... Невероятная яркость и сила портретов у него. Иногда одним-двумя словами он дает целое лицо. Он сделал гораздо больше, чем Чехов в этом отношении. У Чехова уже была попытка не описывать какие глаза, какой рот, какой нос, а описывать каким-то сравнением... Сравнением передать лицо. Замятин идет еще гораздо дальше, он иногда одним словом схватывает портрет, до такой степени выразительно, как живописец. Я считаю, что высоты лаконического портрета никто такой не достиг, как Замятин, – это действительно поразительно» [94, с. 446].

Солженицын избегал длинных описаний, стремясь охарактеризовать персонаж каким-либо метким сравнением. Ж. Нива назвал этот прием «шутливой животной метафорой» [70, с. 140]. «Человечество – это басенный животный мир. В нем просвечивает юмор русских народных сказок и былин» [70, с. 140]. В портретном описании Солженицын дополняет характеристику главного осведомителя, вводя сравнение с леопардом. «В те редкие минуты, когда Артур Сиромеха не занят был борьбой за жизнь, не делал усилий нравиться начальству или работать, когда он расслаблял свою постоянную напряженность леопарда, – он оказывался вялый молодой человек со стройной впрочем фигурой, с лицом артиста, утомленного ангажементом, с неопределимыми серо-мутно-голубыми глазами, как бы увлажненными печалью»

[88, с. 621-622]. Сравнение героя с леопардом относит нас к «Божественной комедии» Данте [36], где серый леопард является воплощением греха потворства. В романе Солженицына потворство носит двойкий характер. Во-первых, Сиромеха потакает собственному желанию любым путем добиться безбедного существования, во-вторых, – потакает власти в фабриковании дел на невиновных людей.

Не менее характерно описание поведения персонажа в кабинете оперуполномоченного. Автор прямо сравнивает героя со змеей. «Шикин встретил змеистого деловитого Сиромеху» [88, с. 632]. Далее Солженицын продолжает сравнение с леопардом и змеей, описывая поведение Артура. «Сиромеха не шагами, но как бы мягкими прыжками опередил Шикина и не дал снять телефонной трубки» [88, с. 632]. «Отступая спиной и лавируя, как будто видя мебель позади себя, Сиромеха отошел к двери. Он не спускал глаз с майора» [88, с. 632]. И он же посоветовал майору не вызывать Ростислава прямо, чтобы не дать заключенному возможности подготовиться – коварство и изворотливость также относятся к змеиным признакам. Характерным представляется окончание этого эпизода. «Кролики имели право умереть, но не имели права бороться» [88, с. 633]. Таким образом автор сравнивает Сиромеху с удавом, душащим заключенных своими доносами. Сравнение с животными служит развенчанию героя и выражению иронического отношения автора к персонажу.

У людей, подобных оперуполномоченным, главной чертой становится бездуховность, они не обладают какими-либо особенностями, отличающими их от других людей. Об этом Солженицын писал в 4 главе «Голубые канты» части первой «Архипелага ГУЛАГ»: «По роду деятельности и по сделанному жизненному выбору лишенные верхней сферы человеческого бытия, служители Голубого Заведения с тем большей полнотой и жадностью жили в сфере нижней» [91, с. 111]. Празднование Рождества не дает Мышину покоя, так как герой чувствует враждебность этого праздника коммунистической идеологии. Служители «тьмы» не могут воспринимать светлый христианский праздник. «Мирная встреча Рождества не была прямо запретным действием, однако партийное сердце товарища Мышина не могло ее вынести» [88, с. 196]. Рождество, отмечаемое латышами и

немцами, было частью западной жизни и напоминало о духовности старой Руси, которую большевики пытались уничтожить.

Описывая служителей режима, Солженицын использует гротеск, отличающийся контрастностью и двуплановостью, представляющий собой отклонение от нормы, преувеличение, сгущение. Гротескны в своей основе такие произведения как «Путешествия Гулливера» Д. Свифта [85], «Крошка Цахес» Э.Т.А. Гофмана [28], «Нос» [24] и «Мертвые души» [25] Н.В. Гоголя, «История одного города» М.Е. Салтыкова-Щедрина [84]. СобираТЕЛЬНЫЙ образ города Глупова, населенный сонными и равнодушными обывателями, всецело погруженными в животное, бездуховное существование, с их градоправителями – персонажами-автоматами, полностью лишенными человеческих качеств даже в самых элементарных их проявлениях – является ярким примером гротеска. Герои и сюжетные коллизии в «Истории одного города» нелепы, смешны, неправдоподобны и, вместе с тем, типичны. Они обобщают характерные особенности русской общественной жизни того времени.

В романе «В круге первом» приметы записывает надзиратель «с мясистым фиолетовым носом» [88, с. 706]. Сопровождающего надзирателя Иннокентий воспринимает следующим образом: он «успел разглядеть какое-то не мужское и не женское лицо, пухлое, мягкомысое, с большим красным пятном от обвара, а пониже лица – погоны лейтенанта» [88, с. 720]. Женщина, пришедшая его будить, кажется Володину Медузой. Детали, которые отмечает автор, не просто внешние приметы, они направлены на выражение сути служителей режима, которых Солженицын называет «механические кукло-люди Лубянки» [88, с. 717]. Таким образом, за внешним неправдоподобием гротеска, кроется художественное обобщение важнейших жизненных явлений.

Тоталитарная система убивает в человеке человеческое, делает его похожим либо на животных, либо на кукол, слепо выполняющих команды. Мировая литература XX века (Кафка, Камю, Шаламов) с огромной драматической силой показала процесс страшного обезличивания человека, оказавшегося между жерновами истории, утратившего свое имя. Гротескна также фигура лейтенанта Смолосидова, полностью лишенного каких бы то ни было человеческих качеств. Наблюдая за работой Рубина и Ройтмана, Смолосидов постоянно находился в комнате, «...за весь

день не уйдя из комнаты ни на минуту, сидел у магнитофонной ленты, сторожа ее как хмурый черный пес, и смотрел им в затылки, и этот его неотступный тяжелый взгляд давил им на череп и на мозг» [88, с. 652]. Он охраняет тот особый мир, в который нет доступа другим людям. Абсолютное доверие к нему подчеркивает его полное отдаление от мира людей и вхождение в мир «зла», где все человеческие чувства считаются недопустимыми. «Смолосидов был еще более оперчекист, чем сам Шикин» [88, с. 576].

Солженицын-портретист следует христианской концепции человека, он верит в возможность праведничества: человек для писателя – существо духовное, носитель образа Божьего. Если же в человеке исчезает нравственное начало, то он уподобляется зверю, в нем преобладает животное, плотское, порой его сущность исчерпывается последним. Характерно, в этом отношении, описание генерала Бульбанюка, у которого «много лишней воловьей шеи выдавилось поверх ладоней» [88, с. 256]. Эти люди не имеют отличительных черт, они тяжелы и неповоротливы. Складывается впечатление, что никакой мысли не может зародиться в их мозгу, отвыкшем думать. Бульбанюк не является исключением, автор дает обобщенную характеристику некоторым институтам советской власти. «Именно такие же хряки, только из армейского политотдела, затолкали Рубина в тюрьму, не снеся его талантливости и честности. Именно такие же хряки, только из главной военной прокуратуры, за четыре года бросили в корзину десяток жалоб-воплей Рубина о том, что он не виновен» [88, с. 257].

О типичности этого явления для общества иерархического подчинения свидетельствуют слова Верховенского: «Высокий уровень наук и талантов доступен только высшим способностям, не надо высших способностей!.. Цицерону отрезается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается камнями – вот шигалевщина! Рабы должны быть равны: без деспотизма еще не бывало ни свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство, и вот шигалевщина» [37, с. 385]. Деграция человека может преодолеть порог животности и достичь предметности, превратиться в неодушевленную вещь. «Фома Осколупов для Рубина был пень, давно решенный пень» [88, с. 655]. Чем выше должность служителя режима, тем негативнее отношение к нему Солженицына. Если животные наделены хоть каким-то уровнем интеллекта, позволяющим им выжить, то пень воспринимается как

нечто, не обладающее разумом. Характеристика, данная служителям режима Сологдиным, не менее уничтожающая: «что это за выводок! – понятия о чести у них нет, воспитания нет, образования нет, выдумки нет, свободу – ненавидят, удержаться могут только личной подлостью...» [88, с. 526]. Описывая героя, автор меняет свою позицию, используя точку зрения то одного, то другого персонажа. Совершенно по-другому воспринимает Осколупова Абакумов. «Одубелое лицо его, изрытое оспой щедрее, чем у Вождя, было простое честное лицо исполнителя, а не заумное лицо интеллигента, много из себя воображающего» [88, с. 92].

Для усиления сатирического эффекта автор использует прием контраста. Восприятие служителей режима простыми людьми резко контрастирует с мнением высокопоставленных чиновников советского государства. Люди, подобные Осколупову, готовы выполнять любое распоряжение начальства. «Революцией мобилизованные и призванные» солдаты партии, они готовы по первому кличу броситься разбивать собачьи головы кому угодно – соратникам Ленина, недовольным жизнью колхозникам, по вине сталинского руководства попавшим в немецкий плен красноармейцам или слишком много болтающим и умничающим интеллигентам» [40, с. 150]. Абакумов вспоминал, что и сам таким был, «когда выдвигался – беззаветно готовый рубить в крошку всякого на кого покажут» [88, с. 96]. Карьера, зависящая от усердия в уничтожении людей, требовала совершенно специфического человека. Это приводило к тому, что руководящие посты занимали люди, не имеющие специальных знаний, зато готовые на все ради сохранения существующего строя. Хотя Осколупов не окончил даже семилетки, это не помешало ему стать начальником Отдела Специальной Техники. После назначения на эту должность он решил, что во всех проблемах может разобраться лучше других, «иначе б его не назначили» [88, с. 62]. «Фома Гурьянович умел руководить, не овладевая познаниями по руководимому им делу» [88, с. 643].

Примечательно поведение Осколупова при докладе Ройтмана о результатах работы. Заявление Рубина о возможной невинности одного из подозреваемых Фома Гурьянович не принимал во внимание. Он даже не предполагал, что это важно. «Совсем уж ни в чем и не виновен?.. Органы най-дут, разберутся» [88, с. 656]. Сатирический эффект создается за счет сопоставления

христианской антропологии (понятие «первородный грех») и атеистического мышления большевиков, не осознававших невозможность вменения всеобщей виновности с человеческих позиций.

Не только среди чекистов и тюремных работников выдвигались беспринципные люди, не имеющие никаких человеческих качеств. Стара и хорошо известна истина о переименовании добра и зла, о самообманном утешении – будто можно искоренить зло, если назвать его другими, успокоительными словами. Бунину в «Окаянных днях» кажется, что большевики хотят убить в людях восприимчивость, заставить перешагивать через черту, где кончается отмеренная ему чувствительность к злу и насилию [18]. Вслед за Достоевским, Короленко, Буниным, Волошиным с огромной болью пишет Солженицын о тотальном расчеловечивании человека, о торжестве насилия, низости и грязи, зверстве. Наглядным примером этого является Виталий Евгеньевич, один из референтов в секретариате президиума Верховного Совета.

На вечере у Макарыгиных к нему обратилась девушка с просьбой о помиловании отца, разбитого в лагере параличом, но Виталий Евгеньевич не чувствует жалости к больному умирающему человеку. «Кому-то надо умирать и в лагере. И если подошла пора умирать, так не все ли равно, где умирать?» [88, с. 490]. Зная практику массовых репрессий и осуждение людей за преступления, которые они не совершали, можно предположить, что отец девушки не совершил ничего серьезного, и рассуждения референта о законе приобретают характер насмешки. «Если мы будем так рассуждать – что же тогда останется от законодательства? – Он усмехнулся. – Ведь он осужден по суду! Вдумайтесь!» [88, с. 490]. Создается впечатление, что референт не хочет видеть происходящего вокруг него. Он великолепно приспособился и старается взять от жизни как можно больше. Ему двадцать четыре года, значит, он вырос после революции и воспитан советской системой. Его интересует только собственное благополучие и дальнейшее продвижение по службе.

Новый человек – без религиозных предрассудков, моральных рефлексий, нравственной базы, без избытка чувств и переживаний – идеально усредненный человек, избавленный от таланта, совести, чести и достоинства становится основанием и венцом нового

общества. Виталий Евгеньевич – тип самовлюбленного эгоиста, который никогда не сделает ничего, что может ему повредить и не проявит заботы о ближнем. Автор использует вывернутое обвинение, которое нужно ему, чтобы показать искажение общечеловеческих норм в сталинском государстве. Обращение с просьбой о помиловании отца считается недопустимым, а ответ, полный эгоизма и равнодушия, полностью соответствует идеологическим установкам.

М. Д. Рюмин

Солженицын описывает возможные способы выдвижения в Советском Союзе. Занять высокий пост в МГБ можно было не только после оперативной или надзирательской работы. Люди из любой сферы деятельности находили себе место в МГБ, если имели соответствующее отношение к жизни. Наглядным примером этого является история Рюмина, много лет проработавшего бухгалтером райпотребсоюза, а во время войны ставшего следователем Особого отдела. «И тут Рюмин нашел себя! – с усердием и успехом (может к этому прыжку он и жмурился всю жизнь?) он освоил намотку дел» [88, с. 94]. Именно от Рюмина исходит предложение поручить отделу специальной техники найти преступника по записи голоса на магнитофонной ленте. Он понимает, что те люди, которых арестовали возле телефона-автомата, не причастны к этому делу. Следующая фраза контрастирует со здравым смыслом и способствует усилению иронического эффекта, который автор переносит с героя на всю систему советского судопроизводства. «Но уж раз взяты – освобождать не полагается» [88, с. 95]. Независимо от того, виновны люди или нет, раз их арестовали, они все равно будут посажены в тюрьму – таков принцип работы советских следственных органов. «Да может кого-то из них по этому же делу и придется оформить, чтоб не осталось оно нераскрытым» [88, с. 95]. Писатель показывает, каким способом добивались полной раскрываемости преступлений.

А. Н. Поскребышев

Не менее наглядным является описание ближайшего помощника Сталина – Александра Николаевича Поскребышева. Он был начальником личного секретариата

Сталина больше пятнадцати лет и охранял тот мир, в который не было доступа другим людям. Столь длительное пребывание на такой должности кажется удивительным. «А секрет был прост: он был по душе денщик, и именно тем укреплялся в должности» [88, с. 139]. Сталин не ощущал в Поскребышеве сопротивления и поэтому держал его. Перед Хозяином он не считал себя выше ничтожества, зато, поворачиваясь к подчиненным, «этот плешивый царедворец простоватого вида приобретал огромную значительность» [88, с. 139]. Употребление в этой фразе экспрессивного слова «царедворец» несет явную ироническую окраску, позволяя окончательно развенчать героя.

Писатель отмечает, что среди служителей режима были и довольно умные люди, но вынужденные приспособиться или настолько поглощенные своим делом, что не замечали происходящего вокруг. «Несмотря на свои тридцать лет, Ройтман был уже лауреатом сталинской премии – и без страха ввергал свою лабораторию в самый смерч государственных невзгод» [88, с. 245]. Большевицкие лозунги «сжатые сроки» и «взятые темпы» оказывали сильнейшее влияние на людей, обнаруживали свою власть и могущество. Срочность задания, спешка – подобный авральный темп жизни не позволяет разобраться в происходящем. Это становится важным психологическим средством воздействия, наряду с физическими методами принуждения.

От других ярых служителей режима Ройтман отличается достаточно высоким уровнем интеллекта и способностью к высоким душевным порывам, но они остались на уровне «порывов», не имея дальнейшего развития и завершения. На работе герой ощущал определенную уверенность, обеспечиваемую погонями майора МГБ и значком лауреата сталинской премии, дома же он чувствовал жестокость окружающей действительности. Ройтман осознавал, что его положение, столь стабильное недавно, пошатнулось. Возмущения персонажа по поводу притеснений по национальному признаку заканчиваются воспоминаниями героя о том, как двенадцатилетние мальчишки «изобличали соученика своего Олега Рождественского в антисемитизме, в посещении церкви, в чуждом классовом происхождении, и бросали на трясущегося мальчика уничтожающие взоры» [88, с. 554].

Внутренний монолог способствует выявлению скрытых душевных переживаний героя и более глубокой психологической

характеристике персонажа. «Внутренний ночной собеседник тут же возразил Ройтману: но соцпроисхождения тоже не выбирали? А за него гнали» [88, с. 551]. Угроза преследований по национальному признаку воспринимается как кара Божия за гонения на другого человека, за приспособленчество. Ройтман понимает, что такое поведение было аморальным, «...даже и сейчас мерзким стыдом залились его щеки» [88, с. 555]. Это школьное осуждение, органично переросло в поведение на партийных собраниях, в готовность осуждать инакомыслящих и уже не исключать их из пионеров и из школы, а отправлять в тюрьму и лагерь. Подобное детское поведение становилось нормой, и его результаты имели трагические последствия. Но он еще не перешел в группу «жертв», он остался в стане «палачей», полностью разделяя их убеждения. «Нет, главная обида Ройтмана в том, что ты от души хочешь быть своим, таким, как все, – а тебя не хотят, отталкивают, говорят: ты – чужой» [88, с. 551]. В мозгу героя всплывают вопросы: «С кого начинать исправлять мир? С других? Или с себя?..» [88, с. 555]. Вопросы о несовершенстве существующего порядка вещей и собственной роли в его укреплении, персонаж со страхом отталкивает от себя и сворачивает на проторенную дорогу. Герой стремится доказать свою нужность сталинскому государству, отдавая все силы поимке человека, предупредившего американцев о попытке наших разведчиков украсть секрет атомной бомбы. «С утра – нажимать с фоноскопией! Громадный козырь!» [88, с. 555].

Используя внутренний монолог героя, Солженицын дает обобщающую характеристику стиля работы советских учреждений. «Каждый понедельник – политучеба, каждую пятницу – техучеба, два раза в месяц – партсобрания, два раза – заседания партбюро, да еще на два-три вечера в месяц вызывают в министерство, раз в месяц специальное совещание о бдительности...» [88, с. 553-554]. Человек полностью поглощался коллективом, происходила нивелировка личности. Ройтман задается вопросом, чем же он занимался все это время. И ответ точен и беспощаден: «Интригами» [88, с. 552]. Герой осознает, что его работа превратилась в борьбу против Яконова, в которой Ройтман не брезговал никакими методами.

Герой отличается от остальных служителей режима не только уровнем интеллекта, но и тем, что имеет душу. Характерно, что Солженицын свел Ройтмана с Рубиным для выполнения

сверхсекретного задания. Тем самым автор подчеркивает, что оба героя являются истинными приверженцами социалистических идей, которые, тем не менее, отличаются от служителей режима.

Все сферы деятельности были пронизаны идеологической пропагандой, направленной на формирование соответствующего мировоззрения. Создавались художественные произведения, в которых восхвалялся советский строй и превозносились достижения социализма. Литература все сильнее зависела от диктата внешних обстоятельств. Зависимость эта проявлялась двояко: те, кто продолжал органический путь, писали в стол, а те, кто старался, не теряя себя, остаться на поверхности литературного процесса, не выпасть из него, изыскивали средства спасения. К середине тридцатых годов условия существования печатной литературы определились достаточно отчетливо.

Во-первых, был исключен весь слой интеллектуальной рефлексии: судьба страны – прошлое, настоящее и будущее, философия истории; судьба человека – ее простым и не имевшим альтернатив эталоном стала жертвенность во имя будущего, демонстрируемая на примерах, начиная с далеких исторических эпох и кончая гражданской войной, сделавшейся как бы постоянным местом действия текущих сочинений. Современность же все более представляла как достижение полноты бытия, самодостаточность.

Во-вторых, был обусловлен определенный набор сюжетных ситуаций и нововведения исключались. Ориентация на текст-образец, полное вымывание большого списка тем и подходов, даже эмоций, которые могли бы окрашивать произведение, придавало текущей литературной продукции все более и более детские черты: она становилась рассчитанной скорее на детей, на обучаемых, чем на взрослых читателей. Облагодетельствованные властью писатели создавали произведения «как бы не для людей, а для дурачков, которые жизни не видели и по слабоумию рады любой побрякушке» [88, с. 224]. «На хорошо оборудованных подмосковных дачах эти властители умов слушали только радио и видели свои цветники. Полуграмотный колхозник знал о жизни больше них» [88, с. 224]. Размывалась реальная современность как объект художественного рассмотрения – ее заменяла своего рода новая сказка, что предполагало инфантилизацию читателя.

Культурное поведение человека обычно делится на бытовое и ритуальное. Первому человек учится без помощи каких-то специальных инструкций, так как находится в его стихии. Обучение второму требует изучения определенного свода правил. Изменение привычного бытового поведения началось еще в результате петровских реформ, что и привело к появлению обилия метаязыковых инструкций, охватывающих различные сферы деятельности.

Учитывая подобную тенденцию, литература становилась не просто нормативной, она принимала характер наставления, учебника жизни, устава. Ю.М. Лотман отмечает: «Такие произведения, как воинский устав 1716 г., духовный регламент, «Приклады како пишутся комплементы», «Генеральные сигналы, надзираемые во флоте его царского величества», «Книга Марсова или воинских дел», «Объявление каким образом асамблеи отправлять надлежит. Асамблеи слово французское, которого на Русском языке одним словом выразить невозможно» или «Юности честное зеркало, или Показание к житейскому обхождению», воспринимались именно как инструкции для поведения. Создавалась инвертированная ситуация: и в сфере, обычно принадлежащей спонтанному поведению, описание, инструкция предшествовали практике» [60, с. 174]. Сходные процессы наблюдались в общественной жизни и литературе советского периода. Советская литература декларировала нормы поведения советских граждан согласно требованиям партийной идеологии. «Но посмотри, во что вылилась ваша фронтовая и военная литература. Высшие идеи: как занимать боевые позиции, как вести огонь на уничтожение, «не забудем, не простим», приказ командира есть закон для подчиненных. Но это гораздо лучше изложено в военных уставах» [88, с. 474-475].

Надежным оплотом подобной литературы были различные писательские организации и литературные критики, озабоченные исключительно правильностью мировоззрения писателей. Автор сравнивает Голованова с геометрической фигурой «прямоугольные у него были лоб и голова на прямоугольном туловище» [88, с. 331]. Он не имел колебаний, шел по строго предначертанному курсу, укладывался в рамки идеологии, он бездушный квадрат, «винтик» советской тоталитарной машины и даже нашел разумное объяснение массовым репрессиям: «Чем на большем материале

развертывается какое-нибудь историческое событие, тем, конечно, больше вероятность отдельных частных ошибок – судебных ли, тактических, идеологических, экономических» [88, с. 333]. Масштабностью события Голованов объясняет массовые репрессии, имевшие место в Советском Союзе и тем самым успокаивает свою совесть. Любую ошибку удобно объяснить такой причиной и снимается ответственность как с отдельного руководителя, так и со всего общества. Автор усиливает ироническую характеристику героя: «Зато человек начитанный, развитый, интересный, и уже кандидат Союза Писателей» [88, с. 331]. Подобным образом Солженицын показал, что такие люди пали ниже, чем служители режима, неимеющие достаточного уровня интеллекта, чтобы проанализировать происходящие события.

Солженицын рассматривает сущность творческого процесса, скованного самооглядкой на цензуру. Официальные советские писатели, даже в лице лучших ее представителей, таких как Галахов, предпочитают не затрагивать тем и конфликтов окружающей их жизни. Герой задумал писать книгу о заговоре империалистов и борьбе наших дипломатов за мир. Замысел произведения явно соответствует идеологическим установкам советского государства. Галахов был за границей лишь мельком и плохо знал жизнь западного общества. Он «сознавал, что это не вполне хорошо – писать о жизни, которой не знаешь, но последние годы ему казалось, что заграничная жизнь, или седая история, или даже фантазия о лунных жителях легче поддадутся его перу, чем окружающая истинная жизнь, заминированная запретами на каждой тропинке» [88, с. 473].

Герой понимал, что литература не отражает реальной жизни, а занимается идеологической пропагандой. Он был знаменит, не один раз становился лауреатом сталинской премии, но «слава была, а бессмертия не было» [88, с. 477]. Его произведения высоко ценятся советской властью, но сам писатель ощущает, что «обременил и приземлил птицу своего бессмертия» [88, с. 477]. Галахов понимает, что сейчас нельзя писать всю правду, но утешает себя тем, что когда изменится политическая ситуация в стране, писатели вернутся к прежним событиям и переосветят их. «Но угнетало Галахова, что все трудней становилось писать каждую новую хорошую страницу» [88, с. 477], так как писал он не

для читателей, а для критиков, стремясь получить положительный отзыв. В произведении сглаживались острые углы, и оно приобретало благонадежный смысл, укрепляющий положение автора в глазах руководства, но все больше отдаляющий его от читателей.

Чтобы Нержин и Галахов соприкоснулись, Солженицын прибегает к интересному литературному приему. Галахов и Володин ведут разговор подобный тому, который ранее вели Нержин и Рубин: «...фронт! – нахлынул фронт! – и так живо, так сладко... Слушай, в войне все-таки есть много хорошего, а?

– До тебя я это вычитал из немецких солдатских журналов, попадались нам иногда: очищение души, Soldatentruе...

– Мерзавец. Но если хочешь, в этом есть-таки рациональное зерно...

– Нельзя себе этого разрешать. Даосская этика говорит: “Оружие – орудие несчастья, а не благородства. Мудрый побеждает неохотно”» [88, с. 43-44].

Далее (Галахов начинает, Иннокентий отвечает):

« – Военная тема – врезана в сердце мое.

– Ну, ты же и создал в ней шедевры!

– И, пожалуй, она для меня – вечная. Я и до смерти буду к ней возвращаться.

– А может – не надо?

– Надо! Потому что война поднимает в душе человека...» [88, с. 474].

Подобным образом Солженицыну удается затронуть столь важную для него тему литературной полемики. Выявив таким образом парность образов Нержина и Галахова, Солженицын композиционно воплотил принцип контраста. С точки зрения психологизма – этот принцип воплощается в форме постоянной внутренней борьбы персонажей, сопоставления и противопоставления сознательного и подсознательного восприятия современной им действительности.

Несмотря на внешнее благополучие, образ Галахова трагичен, так как он зашел в тупик, типичный для всей советской литературы, которая, именуя себя реалистической, тем не менее, избегает изображения реальной жизни. Одна из существенных линий русской литературы состояла в нравственной проверке любой идеи. Советский писатель освобождался от этой миссии. Исходный

мотив его мироощущения – идея господствует над человеком. Писатель должен выполнять социальный заказ, приглушая в себе нравственное чувство. Если речь шла не о конъюнктурщиках, а о подлинно талантливом художнике – это приводило к пагубному раздвоению, творческому и жизненному кризису. Критика основное внимание обращала на соответствие произведения идеологическим установкам, а художественные особенности отходили на второй план.

Перед читателями или зрителями проходили не живые люди со своими чертами характера, которые могли в жизни совершать и плохие и хорошие поступки, а застывшие эталоны положительного или отрицательного. «Объясните, Эрик, почему никогда не проваливаются наши премьеры? Этого страха – провала премьеры, почему нет над драматургами?» [88, с. 489]. Вопрос Динэры скорее носит риторический характер, ибо, будучи представительницей советского правящего класса, знала ответ на этот вопрос. Недаром, высказываясь подобным образом, она строго придерживалась установленных рамок. Ответ Голованова вскрывает общие тенденции оценки произведений в СССР. «Пьесы у нас никогда не проваливаются, потому что между драматургом и публикой наличествует единство как в плане художественном, так и в плане общего мироощущения...» [88, с. 489]. Режиссерская работа, качество постановки и игра актеров также не имели решающего влияния на успех пьесы. Произведение оценивалось не с точки зрения важности затрагиваемых тем и художественности языка и стиля, а с точки зрения идеологической направленности.

Динэра – ДИтя Новой ЭРЫ – действительно дитя своего времени, приспособившаяся к новой жизни и не соприкасающаяся с жизнью простого народа. Примечательно, что на вечеринке она одета в черное платье, Дотнара – в вишневое. Выбор цветов свидетельствует, что семья Макарыгиных является еще одним отражением сталинской правящей клики, ибо королевство дантовского Сатаны символизируется тремя сатанинскими лицами: красным, желтым и черным. Но Клара является исключением. Автор подчеркивает это тем, что героиня одета в зеленое, а не в желтое.

Солженицын иронизирует над неслаженностью действий различных структур МГБ. Тюремное начальство своим распоряжением внесло смятение в души заключенных, а

институтское начальство требовало энтузиазма. Сатирический эффект создается за счет использования библейских символов. «Никто бы не мог обвинить министерство госбезопасности в евангельском образе жизни! Но одна евангельская черта в нем была: правая рука его не знала, что делала левая» [88, с. 565]. В этой же главе есть еще одна библейская деталь. Ройтман говорил на совещании о планах. «Однако сеял он – на камне» [88, с. 566]. В связи с этим, вспоминается притча Христа о зернах, брошенных сеятелем: «Иное упало на места каменистые, где не много было земли, и скоро возшло, потому что земля была неглубока. Когда же возшло солнце, увяло и, как не имело корня, засохло» [14, с. 15]. В широком использовании библеизмов проявляется одна из важнейших особенностей художественного видения Солженицына – временное в его связях с вечным.

Сама технология государственного управления при тираническом режиме, по мнению Солженицына, приобретает чудовищно иррациональный характер. В его основе лежит ложь, являющаяся главным средством самосохранения подобного государственного устройства. Ложь ради успокоения обывателей – в автофургонах, раскрашенных под продуктовые машины, на самом деле везут заключенных для отправки на Колыму. В самых последних строчках 96-й главы (она выразительно названа автором «Мясо») упоминается наивно-благодушный, благополучный и доверчивый корреспондент газеты «Либерасьон», который едет по Москве на своем «темно-бордовом» автомобиле, видит закрытые машины – фургоны с надписью «Мясо» (в них скрытно перевозят заключенных) и делает в своем блокноте запись «темно-бордовой» ручкой – о прекрасном продуктивном снабжении столицы.

Повторяемость цветового определения и соотносимость его с «мясной» тематикой дают основания увидеть здесь смысл, сходный с тем, который присутствует в цветовых характеристиках ручки и ножа министра Абакумова. Министр МГБ непосредственно причастен к превращению миллионов людей в тюремно-лагерное «мясо», лояльная к сталинскому режиму западная общественность также несет ответственность за эти преступления – прежде всего моральную. По мнению А. Стреляного, «Западу начхать на других, он живет своей требушиной и своими сказками, готовый клюнуть на любую брехню, принять за чистую монету самый грубый спектакль о человечности советских мест заключения, наспех

устроенный прожженной тюремной администрацией для госпожи Рузвельт» [95, с. 200]. В описании восприятия жизни советского общества представителями западного мира в полной мере проявилась солженицынская трагическая ирония. Нельзя сказать, чтобы Солженицын и его единомышленники отталкивались от демократии так, как они отталкиваются от социализма; но они имеют свои, довольно обоснованные подозрения относительно подлинной демократичности западного общества. И Запад давал-таки поводы к такому недоверию – вспомним хотя бы выдачу власовцев и сотен тысяч непричастных политике советских граждан, голосовавших ногами! Так что определенная степень недоверия к западной демократии психологически обоснована.

Глава 3

«Палачи и жертвы»

3.1. Служители поневоле

Солженицын описывает процесс самоуничтожения нации, когда одна ее часть создала индустрию для истребления другой, причем машина разрушения оказалась сильнее ее создателей, сметая все на своем пути. По мнению М.М. Голубкова, Россия уже переживала нечто подобное. «Иван Грозный воздвиг не только страшные застенки, где хозяйничал Малюта Скуратов, но и уничтожил Новгород, превратил палачество в атрибут государственной жизни, собрав вокруг себя целый класс таких же палачей профессионалов и любителей. А Петр I, строящий на костях Петербург и превращающий в рабов литейных заводов русских крестьян? Кажется, что это какая-то роковая особенность русской истории с мерцающими в ней эпизодами самоистребления нации – то в великой смуте XVII в. или в гражданской войне нашего столетия, то по прихоти тиранов – Ивана IV, Петра I, Ленина, Сталина. При этом периоды тирании находятся во внутренней связи между собой: их объединяет страшная жестокость, внешняя бессмысленность и мгновенное разделение нации на две группы: палачей и жертв (возможен, правда, переход некоторых личностей из одной группы в другую)» [27, с. 247-248]. Позволим себе расширить высказывание М.М. Голубкова, обратив внимание на довольно существенную деталь, порожденную тоталитарным обществом. Несомненно, имело место разделение людей на палачей и жертв, был переход из одной группы в другую, но были и так называемые «смешанные» типы, относящиеся одновременно к обеим группам. Наглядным подтверждением этому является особая группа образов, созданная Солженицыным в романе «В круге первом».

Люди, наблюдаемые Солженицыным, были включены в сложную систему норм и правил, нарушение которых приводило к катастрофическим последствиям. Сама жизнь реализовывалась, в значительной мере, как иерархия социальных норм. Большевицкая государственность бюрократического типа,

семиотика чинов и служебных градаций, правила поведения, регламентирующие деятельность человека во всех сферах советского общества, создавали исключительно разветвленную систему, в которой глубинные вековые устои просвечивали сквозь временные.

Показателен в этом отношении образ начальника Марфинской спецтюрьмы, способного проанализировать происходящие события и стремящегося без громких фраз облегчить жизнь не только своим непосредственным подчиненным, но и заключенным, что в условиях тоталитарного государства свидетельствует об определенной духовной высоте героя. Проявление доброты и сострадания, исконных качеств русского характера, отделяют Климентьева от группы ярых служителей режима. Он вынужден служить Злу, но внутренне постоянно стремится к Добру. Герой не только уважает права заключенных, но и ставит их выше новых господ жизни. Возникает обратная иерархия, а именно: тот, кто в реальной жизни занимает высокие посты, в духовной сфере оказывается на самой низшей ступени. «Клеветы же по долговому опыту службы он со стороны заключенных не опасался. Оклеветать могли сослуживцы» [88, с. 205]. Подобное противопоставление заключенных и тюремщиков служит опосредованному разоблачению системы и созданию сатирического эффекта.

Только достаточно высокий уровень интеллекта позволил ему находиться на подобной должности и не утратить человеческого облика. Климентьев постоянно строго придерживался инструкций, всячески стремясь воспрепятствовать проявлению своих душевных качеств. Действительность предстает как некая сцена, навязывающая человеку определенное амплуа. Климентьев понимает, что только точное соблюдение предписаний дает ему возможность уцелеть. Будучи начальником спецтюрьмы, он, тем не менее, осознает призрачность собственной власти. «(Глупцы! И глупо их возмущение – как будто он сам, а не свежая инструкция придумала этот порядок!)» [88, с. 254].

Олицетворение позволяет Солженицыну показать не только призрачность власти подполковника и других руководителей, но и обезличенность советского общества, главенствующая роль во всех сферах жизни которого отводится инструкциям. Подобный антропоморфизм определяется писательским мироощущением и восприятием жизни советского общества. Однако именно засилье

инструкций дает возможность Климентьеву делать заключенным поблажки. Он понимал, что праздничные вечера самые тяжелые и стремился добиться для заключенных разрешения на установку елки. «В инструкциях написано было, что запрещаются музыкальные инструменты, но о елках нигде ничего не нашли, и потому согласия не дали, но и прямого запрета не наложили» [88, с. 206]. Подобное положение вещей дало подполковнику возможность разрешить установку елки.

Солженицын бьет врага его же оружием, показывая, что невозможно охватить инструкциями все сферы человеческой жизни, полностью лишить человека возможности принимать самостоятельные решения. Персонаж, имеющий как бы два проявления: внешнее и внутреннее, вскрывает двойственность большевистского режима. Внешнее проявление кардинально отличалось от тщательно скрываемой реальности. Дуализм персонажа проявляется во всех его поступках. Он прекрасно понимает опасность проявления доброты, поэтому вырывает из книги стихов лист с рукописным текстом и негативно относится к слезам жены Герасимовича. В душе героя постоянно происходит борьба Добра и Зла. Стремясь остаться в рамках идеологии, он не может не совершать добро.

Посредством внутренней речи персонажа, Солженицын демонстрирует дуализм насилия и глупости. «Уже бывало в его карьере, что проявлял он глупую мягкость, разрешал что-нибудь недозволенное, и никто бы никогда не узнал – но те самые, кто пользовались поблажкой сами же умудрялись и разболтать о ней» [88, с. 209]. Люди, находящиеся в атмосфере тотального террора, собственной глупостью поддерживали угнетение и наказывали за проявление доброты и сострадания. Опасения подполковника оказались не беспочвенны. Климентьев находился на волоске от гибели, так как Надя хотела рассказать мужу о встрече с подполковником при надзирателе. Имея достаточно полную характеристику сослуживцев героя, можно себе представить, что его ожидало.

А.И. Солженицын в своей речи в Международной Академии Философии говорил: «Мы потеряли в себе гармонию, с которой созданы, гармонию между духовной и физической нашей природой» [93, с. 606]. Именно утрата подобной гармонии сближает Климентьева и Наделашина. Подполковник держал

Наделашина за то, что тот был грамотен и мог толково изложить произошедшие события. Кроткий, добродушный нрав отличает героя даже от обычных граждан. Солженицын подчеркивает, что персонаж совершенно не вписывался в жизнь современного ему общества. В стране, «где водка почти и видом слова не отличается от воды...» [88, с. 195] и «каждый второй прошел лагерную или фронтową академию ругани» [88, с. 196], Наделашин не пил водку и никогда не сквернословил.

Однако лучшие душевные качества героя не были востребованы, а наоборот, являлись помехой для службы в МГБ. Наделашин вынужден был приспособливаться ради сохранения не только благополучия, но и жизни. Свой достаточно высокий интеллектуальный уровень он использовал для сбора компрометирующего материала на заключенных. Герой не был груб с заключенными, что, естественно, располагало к нему последних, и они не стеснялись при нем в разговорах. Солженицын показывает особое отношение заключенных к младшему лейтенанту, почти анаграмируя его фамилию в прозвище «младшина». Младший же лейтенант отсутствие грубости компенсировал подлостью.

Наделашин был достаточно умен и «понимал так, что эти заключенные, не имеющие прав людей, на самом деле часто бывали выше, чем он сам» [88, с. 201] и не были теми злодеями, какими их представляли на политических занятиях, зато прекрасно осознавал, что служители идеологии на самом деле не пламенные борцы за светлые идеалы, и ничуть не умнее и не смелее заключенных. Именно младший лейтенант разоблачает низкий уровень интеллектуального развития служителей режима. «Младший лейтенант Наделашин с физиономией бесстрастной зимней луны напомнил майору, что ни сам он, ни тем более его надзиратели не знают немецкого языка и не знают латышского (они и русский-то знали плоховато)» [88, с. 196]. Начало фразы создает иронический фон, который заканчивается сатирическим аккордом.

Сопоставление одного предмета или явления с другими делает их более наглядными, выразительными, а главное, определяет отношение к ним самого писателя. Положенная в основу сравнения подобность может подчеркиваться, а нередко может быть домысленной, разгаданной, что составляет основной художественный смысл взятого для сравнения слова. В данном

случае сравнение становится символом, часть разгадывания схожести сопоставляемых понятий в котором особенно велика. Мертвый свет луны светит в конце романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита» [17]. Он заливает комнату, в которой спит Иван Николаевич Поньрев. В этом лунном свете есть нечто – усыпленный наркотиками профессор видит больные сны, а жизнь его, не содержащая духовной радости, однообразна и скучна. Свет луны усыпляет и гипнотизирует, он парализует волю и ум человека.

Наличие у луны светлой и темной сторон свидетельствует о дуализме персонажа, о наличии тщательно скрываемого внутреннего мира. Светлая часть луны – служба Наделашина надзирателем. Темная – стремление к спокойному портновскому ремеслу, которым занималась его семья до революции. Герою нравилась эта профессия, которой его лишила большевистская власть. Он добрый по своему душевному складу, а зло нещадно ломает его внутренний мир, заставляя служить себе. Изначально мягкий человек, с детства приучаемый к работе с тканью, Наделашин не мог стать героем, и открыто бороться со злом. Он внешне подчинился обстоятельствам, но внутренне ощущал, что служба в МГБ ему против души.

Повествование о героях у Солженицына тесно связано с социальной критикой. Преступный режим порождает злодеев, которые в свою очередь его защищают. Человеку, стремящемуся сохранить личное достоинство, приходится очень нелегко – сопротивление с господствующим в обществе злом требует от него величайших усилий. Это авторское положение, находящее подтверждение на страницах романа, служит контраргументом распространенному обвинению Солженицына в нетерпимости к человеческим слабостям. Ко многим своим героям, ставшим на путь Зла в силу каких-либо обстоятельств, писатель относится с сочувствием. В том, что Наделашин стал надзирателем тюрьмы, а не портным, к чему его влекло с детства, повинен не только герой, но и система. «В нормальном человеческом обществе, – как утверждает Д.М. Панин, – “теория” о том, что среда создает преступников, в корне ошибочна и лжива; в свое время еще Достоевский ее разгромил. Но для режима, поддерживаемого ценой нагнетаемых ужасов и гигантских преступлений, это положение вполне справедливо, если только заменить слово “среда” словом “система ”» [73, с. 175].

Образы Климентьева и Наделашина ярко индивидуализированы, что обусловлено спецификой солженицынского повествования, не сориентированного на сознание какого-либо одного героя. По складу характера Наделашин и Климентьев не являются идеальными исполнителями воли Сталина. Они постоянно вынуждены подавлять свои лучшие качества во имя сохранения жизни и благополучия.

3.2. Освобождение от догм

Солженицын подчеркивает несовместимость Добра и тоталитарной системы. В «Архипелаге ГУЛАГ» он писал о жестоким отборе кадров в органы государственной безопасности, подчеркивал, что людей добрых и порядочных среди «голубых кантов» «вообще ...быть не должно: таких туда брать избегали, при приеме разглядывали... Кто ж попадал по ошибке – или встраивался в эту среду, или выталкивался ею, выживался, даже попадал на рельсы сам» [91, с. 124-125]. Это правило действовало беспощадно. Распространялось оно не только на служащих МГБ, но и на работников других организаций. Для успешного продвижения по службе необходимо было полностью соответствовать требованиям власти. Как только человек начинал задумываться, а тем более пытаться бороться, система изгоняла его.

Показательна в этом смысле судьба Володина. Автор знакомит нас с этим персонажем в начале романа. Мы еще не знаем, что задумал совершить этот преуспевающий чиновник, кажущийся «состоятельным молодым бездельником» [88, с. 11], а уже слышим как авторский монолог плавно переходит в его раздраженную внутреннюю речь. «И даже сегодня, в канун западного рождества (все посольства уже два дня как стихли, не звонят), в их министерстве все равно будет ночное бдение.

А у тех пойдут теперь на две недели каникулы. Доверчивые младенцы» [88, с. 12]. Внутренняя речь представляет собой специфическую форму языковой деятельности. Уединенный монолог в виде внутренней речи подобен репликам диалога и тяготеет к редуцированности лексико-грамматических форм. Это

так называемое говорение для самого себя, поэтому у говорящего нет потребности выражать мысли сколько-нибудь полно.

Читателя охватывает напряженная, тревожная атмосфера надвигающейся развязки. Солженицын находит детали, нюансы, полнее и глубже раскрывающие внутренний мир героев. Так, например, стремясь передать состояние смятения и страха, в котором находится Володин, писатель употребляет экспрессивно окрашенные выражения вместо нейтральных слов: «сгреб все со стола» [88, с. 12] – вместо «взял»; «едва натянул внизу пальто, насадил шляпу» [88, с. 13] – вместо «оделся»; «метнулся, запер дверь» [88, с. 12] – вместо нейтрального «запер дверь».

Вещи – социокультурные знаки – выступают как механизмы кодирования, стимулирующие те или иные сюжетные возможности. Та или иная деталь, повышаясь до уровня сюжетного элемента, создает возможность определенного развития событий. При этом способность детали играть сюжетную роль часто определяется лежащей вне текста социальной и бытовой семиотикой эпохи. Учитывая специфику описываемой эпохи, можно предположить степень опасности поступка, который собирается совершить Иннокентий.

Примечательно также и время, когда происходили данные события. Интенсивность художественного времени выражается в его насыщенности событиями. Соотношение времени бессобытийного, хроникально-бытового и событийного во многом определяет темповую организацию художественного времени произведения, что, в свою очередь, обуславливает характер эстетического восприятия, формирует субъективное читательское время. В «Мертвых душах» Гоголя преобладает бессобытийное, хроникально-бытовое время, в связи с чем создается впечатление медленного темпа и возникает необходимость в соответствующем эмоциональном настрое и определенном режиме чтения. Поскольку художественное время неторопливо, соответствующим должно быть и время восприятия. Совершенно иная темповая организация наблюдается в романе Солженицына «В круге первом», в котором преобладает событийное время. «Минули Университет – Иннокентий кивнул направо. Он будто делал круг на своей торпедо, разворачиваясь получше. Взлетели к Арбату...» [88, с. 13]. Имеются ввиду не только внешние, но и внутренние,

психологические события. Соответственно, и модус его восприятия и субъективный темп чтения будут абсолютно другими.

Герой окутан сумраком декабрьского вечера. «В замирающем декабрьском дне бронза часов на этажерке была совсем темной» [88, с. 11]. Володин не воспринимает красочные страницы журнала, зато видит «уже отяжелевший, коричнево-грязный снег» [88, с. 11]. Зрительные впечатления героя, его неспособность различать яркие цвета, характеризуют не только окружающую действительность, но и настроение персонажа. Еще не зная, что будет дальше, читатель понимает, что в душе героя назревает бунт, и он совершит что-то, что будет воспринято как покушение на основы правящего режима.

Мучительные раздумья Иннокентия разрешаются телефонным звонком. Решив расстроить планы мечтающего об атомной бомбе Сталина, герой совершает отчаянный поступок – звонит в американское посольство. Звонок Иннокентия можно назвать центральным сюжетным узлом, связывающим различные романские хронотопы. Характерны ощущения Володина во время звонка в американское посольство. «Под ногами Иннокентия горел пол будки, и трубка черная с тяжелой стальной цепью плавилась в руке» [88, с. 15]. Перед звонком герой замечает следующие цвета: «Красное «М» над метро чуть затягивало сизоватым туманцем. Черная южная женщина продавала желтые цветы» [88, с. 14]. Все цвета трех сатанинских лиц собраны в этих фразах: красный, желтый и черный. Подобное сгущение деталей используется Солженицыным для того, чтобы показать степень опасности, которой подвергается герой. Следствием его поступка явится погружение в самое сердце преисподней.

«В круге первом» можно соотнести с романом Достоевского «Преступление и наказание», однако повествование в солженицынском романе следует обратной логике: преступление Володина является подтверждением возросшей нравственности героя и направлено на спасение тысяч жизней, а наказание – стремление государства покарать героя за совершение поступка, направленного на спасение человечества от смертоносного оружия, и будет исходить от солженицынского «князя тьмы», обитающего в Кремле. Здесь вновь проявляется своеобразная двойственность. Володин, в силу занимаемой должности, должен был служить Злу. Солженицын полагает, что либо тело, либо душа будет ввергнуто в пучину Ада. Пока Иннокентий пользовался всеми доступными ему

материальными благами, не задумываясь служил сталинскому режиму, его душа была отдана Злу. Как только Володин попытался очиститься и спасти свою душу, он попал в ситуацию, когда его тело испытает на себе муки подобно грешникам дантовского Ада.

Сгущение деталей свидетельствует также о том, что в жизни героя наступил кульминационный момент. Сочетание черного и желтого относит нас к булгаковскому роману. Володин, подобно мастеру, в переломный момент жизни встречается женщину с желтыми цветами. «Она несла в руках отвратительные, тревожные желтые цветы. Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве. И эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто. Она несла желтые цветы! Нехороший цвет» [17, с. 111]. Булгаковская характеристика желтого цвета как нельзя лучше подходит для описания состояния Володина. Этот цвет не только является одним из проявлений сатанинского облика, но и передает переживания героя. Подобная цветовая гамма вносит напряженность и в развитие сюжета. Мастер написал роман, который, по идеологическим мотивам, не мог быть напечатан в СССР. Володин же, со своим образом мыслей, также не мог находиться в советском обществе. Оба героя, в конце концов, оказываются изгоями: Мастер оканчивает свои дни в психиатрической лечебнице, а Володин попадает в тюрьму. Желтый и черный цвета сопровождали обоих персонажей по пути в бездну. Мастер оказывается в бездне безумия, а Иннокентий – в бездне ГУЛАГа. Оба героя испытывают на себе сатанинское влияние, однако воплощение дьявола в двух произведениях разное. У Булгакова – это сверхъестественная сила, наказывающая порок и, даже, позволяющая делать добро. В солженицынском же романе нет ничего сверхъестественного: писатель придал Сталину сатанинские черты, ориентируясь на классический дантовский образец. Примечательно, что в булгаковском романе соприкосновение с Сатаной приводит мастера к физической смерти, но дает духовное освобождение. Солженицын показывает совершенно иную ситуацию: служение советскому князю тьмы дает Иннокентию особые привилегии, стремление же к Добру приводит героя к физическим страданиям, но дает духовное возрождение.

Володин становится центром особого социума, состоящего из персонажей различно социально детерминированных и

ощущающих нестабильность своего положения. Иннокентий появляется в московском мире романа со своим судом совести. Он приезжает из-за границы, как Чацкий, Безухов, Рудин, то есть как целый ряд героев русской литературы, которым в наших классических сюжетах отводилась роль «испытателей», катализаторов событий.

Иннокентий совершает поступок, имеющий решающее влияние на его судьбу, по телефону, являющимся важнейшей деталью романной интриги и выполняющим сюжетно-композиционную функцию. Предупреждение о том, что советский агент должен на днях получить «важные технологические детали производства атомной бомбы» [88, с. 15], дойдет до сидящих на прослушивании эмгешников, буквально обожжет не способных ни во что вмешаться читателей и не вызовет беспокойства у американского атташе.

Телефонный звонок в американское посольство несет несколько функций. Во-первых, он выполняет чисто романную функцию, то есть является той деталью, которая вносит напряженность в повествование и служит своеобразным катализатором сюжета. Во-вторых, помогает автору вскрыть реалии советской жизни, которые усиленно замалчивались партийными идеологами. В-третьих, именно телефонный звонок положил начало сравнению советской и западной жизни. Мрачная, полная подозрительности атмосфера советской жизни и сытая, беспечная жизнь запада. Герой, рискуя собственной жизнью, пытается не допустить всемирного распространения советского стиля жизни.

Мировосприятие Иннокентия существенно отличалось от «правильного» мировоззрения, насаждаемого большевистскими идеологами и отделяло от хронотопа макарыгинской квартиры. Внутренняя речь персонажа служит более разносторонней характеристике не только самого героя, но и социальной критике. Примечательны в этом отношении размышления Иннокентия, дающие ему надежду на спасение. «Неужели есть средства дознаться, кто звонил из автомата? Если говорить только по-русски? Если не задерживаться, быстро уйти? Неужели узнают по телефонному сдавленному голосу? Не может быть такой техники» [88, с. 12]. Герой полагает, что будет проведено дознание. Слово явно относится к следственным нормам царской Руси, когда вначале проводилось дознание, а лишь потом следствие и арест.

Такие мысли кажутся достаточно странными, учитывая высокое социальное положение героя, позволяющее ему иметь представление о работе МГБ. Однако подобную надежду можно объяснить, во-первых, влиянием материнского архива и разговорами с дядей Авениром, раскрывшим правду о жизни до революции. Во-вторых, герой внутренне не принимает бесправия советских людей и вседозволенности власти. Размышления Володина похожи на заклинания, которые он произносит в надежде на спасение. Но, в то же время, они представляют собой план действий. Прежде всего, говорить только по-русски. Затем, сразу после звонка быстро уйти. И, наконец, попытаться изменить голос.

Размышляя о своем решении, герой воспринимает себя то утлым челноком, то торпедой, идущей на государство. По мнению Л.В. Лосева, образ «утлого челнока» – «это образ, который в сознании читателя связывал героя Солженицына с определенной русской литературной традицией: изображение бунта маленького человека против левиафана государства» [59, с. 36]. Лубянка – «серо-черная девятиэтажная туша» [88, с. 13] – олицетворяет собой сталинское государство. Володин воспринимает ее как линкор, а себя – то челноком, то торпедой. Обычные предметы в восприятии Володина приобретают символичность. Лубянка – символ сталинского государства, метафорично воспринимается героем как чудовище, уничтожающее все на своем пути. Примечательно, что перед звонком в американское посольство герой делает круг, словно выбирая лучшую позицию для выстрела.

Использование повторов является достаточно сильным средством наращивания экспрессивности. Неоднократное сравнение Иннокентия с торпедой притягивает к себе читательское внимание и делает эту деталь незабываемой. Повторяясь, деталь обретает дополнительные смыслы и перерастает в символ. Помимо экспрессивной нагрузки подобная деталь способствует углубленному пониманию характера персонажа. Вынесение символической детали в название (глава называется «Торпеда») так же связывает произведение Солженицына с русской литературной традицией. Многие писатели делали символическую деталь заглавием произведений: А.П. Чехов «Крыжовник» [102], И.А. Бунин «Легкое дыхание» [19], К.Г. Паустовский «Снег» [75]. Деталь-заглавие подчеркивает единство художественного целого,

намекает на присутствие автора в композиции данного произведения.

Солженицын ставит героя в ситуацию нравственного выбора. Мучительные раздумья Иннокентия приводят к вопросу: «Чего-то всегда постоянно боясь – остаемся ли мы людьми?» [88, с. 13]. Как личность Иннокентий сформировался в советское время, получил надлежащее пионерское и комсомольское воспитание, вполне соответствовал официальным стандартам, раз сумел стать дипломатом. Володин – «государственный советник второго ранга» [88, с. 11], его ждет блестящая карьера, почему же он решил помешать советским разведчикам выкрасть секрет атомной бомбы? «Атомный» сюжет сам по себе содержит зерно язвительной критики. Поняв, что его сообщение не взволновало американцев, Иннокентий в негодовании восклицает: «О, каких дураков выращивает сытость!» [88, с. 718]. С болью, с горечью думает Иннокентий о «самонадеянных американцах!» [88, с. 636-637]: «Они дождутся – таки сплошной коллективизации фермеров! Они – заслужили...» [88, с. 637].

Способность анализировать происходящие события и возможные последствия тех или иных действий свидетельствует об отличии героя от других представителей правящего класса. Мы понимаем, что в душе героя произошел перелом, который заставляет его оценивать действия людей и власти руководствуясь общечеловеческими принципами морали, а не идеологическими установками. Долгое время герой жил по принципу: «от желания до исполнения не должно быть запретов, преград» [88, с. 448], поскольку «нам жизнь дается только раз» [88, с. 448]. Потребительское отношение к жизни он принимал за естественное проявление человеческой природы и мало задумывался над смыслом своего существования. Перелом в мировосприятии героя произошел внезапно. Володин сам не может объяснить, что с ним произошло. «...Иннокентий над всеми материальными плодами земли, которые можно обонять, осязать, пить, есть и мять – ощутил безвкусное отвратное пресыщение» [88, с. 449].

Только в середине романа автор описывает события, которые привели героя к такому поступку, что способствует созданию напряженности и романной интриги. Мотивация внутренних перемен, превративших вполне благонадежного советского чиновника во врага сталинского режима, носит, по преимуществу,

рационалистический характер. Солженицын объясняет выбор Иннокентия эволюцией, которую тот претерпел под влиянием ряда факторов. Во-первых, Иннокентий начинает разбирать материнский архив и знакомиться с жизнью последнего предреволюционного десятилетия России. Из писем и дневников матери Володин совершенно по-другому увидел прошлое России. Это время его приучили считать «позорным» и «бездарным». «Да оно и было слишком говорливо, это десятилетие, отчасти слишком самоуверенно, отчасти слишком немощно. Но какое разбрасывание стеблей! но какое расколосье мыслей!

Иннокентий понял, что был обокраден до сих пор» [88, с. 453].

Солженицын пересматривает установившуюся в советское время версию российской истории, согласно которой Россия была деспотией, тюрьмой народов и единственным выходом была революция и свержение монархии. Володин понял, что большевики скрывали истинное положение вещей и не говорили правду о жизни в России до революции.

Разочарование в прежних идеалах, неудовлетворенность собой заставляют героя отказаться от устоявшихся стереотипов мышления и искать новые ответы на многие вопросы. Иннокентий начинает анализировать происходящие события и понимает, что во всех сферах советского общества существует недосказанность и полуправда. Истина «нам жизнь дается только раз!» [88, с. 448] наполнилась для него новым смыслом и стала неотделима от совести. Иннокентий осознал, «что и совесть тоже дается нам только раз. И как жизни отданной не вернуть, так и испорченной совести» [88, с. 455]. Подобное мировосприятие кардинально отличалось от мировоззрения, формируемого коммунистическими идеологами.

Прежний круг общения, в том числе и полностью разделявшая мещанские интересы Макарыгиных жена Дотнара, стал чужд ему. Но желание Иннокентия жить по новым нравственным нормам оказалось очень трудно осуществить. Слова Володина, произнесенные под впечатлением виденного: «Жизнь – распалась» [88, с. 326], кажутся итогом не только пути, но и обретают всеобъемлющий трагический смысл, напоминая гамлетовские: «Порвалась дней связующая нить» [106, с. 190]. Эта фраза свидетельствует о дуализме персонажа. Он вынужден был вести прежнюю жизнь, приспособившись к внешним условиям, которые

стали идти в разрез с его внутренним мировосприятием. Такая двойственность не могла длиться бесконечно, он не может оставаться равнодушным к происходящим событиям и слепо выполнять инструкции и пытается вырваться из тесной внешней оболочки.

Анализируя психику человека, К.Г. Юнг [111] обосновал понятие архетипа. Архетип – это находящиеся априори в основе индивидуальной психики инстинктивные формы. Он выделил несколько архетипов, наиболее известными из которых являются: анима (прообраз женского начала в мужской психике), анимус (след мужчины в женской психике), тень (бессознательная часть личности). Архетип тень символизирует темную сторону личности и персонифицирует все то, что человек отказывается принимать в самом себе и что он прямо или косвенно подавляет. Сознание Володина находилось под влиянием коммунистической идеологии, тем не менее, бессознательное наличие женского начала (анима) отражалось на внешности героя. «Клара всматривалась и обнаружила такую особенность его лица: отдельно верх его лица выглядел довольно жестко, отдельно низ – мягко. От лба, свободно развернутого от уха к уху, лицо косыми линиями сужалось и смягчалось к небольшому нежному рту. Около рта было много мягкости, даже беспомощности» [88, с. 313]. Внешность отражает двойственность героя.

Архетип тень оказывается источником двойничества. В этом архетипе с наибольшей отчетливостью проявляется наличие противоположностей и противоречий. Володин совмещает в себе черты революционера отца и интеллигентки матери. Солженицын подчеркивает, что эти черты несовместимы, они не могут мирно сосуществовать. Борьба между мягкостью и жесткостью, между духовным и материальным шла в душе Володина и ему нужен был человек, способный провести через историю его страны и указать новые ориентиры. Такую роль в нравственном перерождении Володина сыграл тверской дядюшка. Страдавший до этого от вынужденного молчания, Иннокентий ощутил легкость и возможность высказать свои самые сокровенные мысли. В разговоре дядюшки и племянника «перепрыгивались десятилетия и предметы» [88, с. 464]: говорилось о границах и сущности патриотизма, о Второй мировой войне, об октябрьской революции и атомной бомбе. Не за американцев боится Володин, позвонив в

посольство, он хочет спасти Россию и не дать атомную бомбу в руки большевистского правительства. Услышав, что у Сталина может появиться смертоносное оружие, дядя Авенир выражает тревогу за свою страну. «Но если сделают – пропали мы, Инок. Никогда нам свободы не видать» [88, с. 465]. Живущий в унылой бедности, дядя Авенир доказывает Иннокентию возможность и необходимость жить «по совести» [88, с. 461]. Читая в его старой хибаре навешенные будто от солнца газеты, Иннокентий воочию убеждается в цинизме большевистских властей, с легкостью менявших свои позиции.

Не только те, кто недоверчиво относился ко всякой политике, полагая, что никакие социальные перевороты не в состоянии исцелить общество, что важнее – духовное возрождение человека, но и те, кто политически активно противостоял царскому режиму, оказались в оппозиции к октябрьскому перевороту, который они осмыслили как антидемократический и антинародный. Обещан «мир народам» – «а через год уже “Губдесертир” ловил мужичков по лесам да расстреливал напоказ» [88, с. 464], обещана земля крестьянам – введено крепостное право; обещан рабочий контроль над производством – все находится в государственном подчинении; обещан конец тайной дипломатии – введена невиданная система секретности; обещана свобода – построен ГУЛАГ, – просвещал дядя племянника. Воспоминания дяди, очевидца революционных событий, чтение газет того времени окончательно убедили Володина в антинародности большевистского режима, изменили его отношение к отцу, герою гражданской войны и стали вторым важным открытием, приведшим его к звонку в американское посольство.

Особенно трагически звучит рассказ дядюшки о разгоне Учредительного собрания – одной из самых роковых страниц истории XX века. На Иннокентия этот рассказ производит потрясающее впечатление еще и потому, что среди громил был его отец. Возможно, не последнюю роль в решении Володина сыграл вопрос дядюшки: «...грехи родителей падают на детей?.. И от них надо отмываться?» [88, с. 469]. Из бесед с дядей Авениром Иннокентий усвоил главное: «Почему любовь к родине надо распространять и на всякое ее правительство? Пособлять ему и дальше губить народ?» [88, с. 462]. Впоследствии эта мысль наполнит его уверенностью в правильности своего решения, станет

своеобразной точкой опоры. Озаренный богатством культуры предреволюционной России, удрученный убогим видом советской деревни, Иннокентий отказывается от благ, данных ему сталинским режимом, и искупает грех своего отца.

Индивидуальное своеобразие художественного времени и пространства не исключает существования общих, типологических моделей, в которых опредмечивается культурный опыт человечества. Такие модели представляют собой особого рода содержательные формы, которыми Солженицын воспользовался как готовыми, индивидуализируя их содержание, но и сохраняя заложенный в них общий широкий смысл. К таковым относятся мотивы дороги и открытого пространства. Блестящий дипломат совершает загородную поездку и узнает неизвестную ему Россию. Выйдя на полустанке, герои попадают в поле. Перед ними открывается необъятный простор. «Так это – Россия? Вот это и есть Россия? – счастливо спрашивал Иннокентий и жмурился, разглядывая простор, останавливался, смотрел на Клару» [88, с. 314]. Автор описывает красоту русской природы, необъятные просторы родины и искаленную, жалкую деревню.

Образ растерзанной и обезображенной колхозной деревни дан в идейно-смысловом и композиционном обрамлении прекрасного среднерусского простора. Примечательно, что слово «простор» на протяжении лишь четырех кульминационных страниц автор употребляет одиннадцать раз, причем в последнем случае с прописной буквы, также вбирает в себя разные значения – и прямые и переносные. Такой прием позволяет автору придать этому слову символический смысл. В явное противоречие вступают простор и идеологическая косность. Володин отмечает закованность людей в броню идеологии. Прозрачности, ясности не хватает герою. Простор становится символом вольной жизни, к которой стремится народ, изнывающий под большевистским гнетом. Этот простор всячески пытается уничтожить сталинская власть.

Простор персонифицирован, ощутив его, Иннокентий объясняет Кларе, что каждый человек живет в малом круге (дом, семья), вписанном в большой (родина), который, в свою очередь вписан в глобальный (человечество). Ни один из этих кругов не должен исключать все остальные, а тот, что доступен зрению, – это и есть наш личный горизонт. Символично, в данном случае,

использование Солженицыным слова «окоем» [88, с. 315]. «Окоем – пространство, которое можно окинуть взглядом, горизонт» [62, с. 196]. И в этом пространстве герой видит «покосившиеся хилые двери, как в курятниках, а не домах» [88, с. 319], «убогие тряпки» [88, с. 319], старуху с мертвым цыпленком в руке. Создается впечатление, что деревня вымерла. «Не было жизни ни на улице, ни во дворах» [88, с. 319]. Именно познание этого мира и обусловило поступок Иннокентия.

На фоне картин разоренной деревни стремление Сталина получить атомную бомбу приобретает особое сатирическое звучание. Иннокентий понимает, что это смертоносное оружие нужно только Сталину, но не России. Простым людям нужны хорошие условия жизни, а не страшное оружие. «Им нужны дороги, ткани, доски, стекла, им верните молоко, хлеб, еще, может быть, колокольный звон – но зачем им атомная бомба?» [88, с. 640]. Он понимает, что люди хотят жить, а атомная бомба несет смерть. Подобный конфликт интересов отделяет власть от народа и вскрывает антинародность и лицемерие власти. Солженицын не только стремится сказать правду о той или иной стороне советской жизни, но и научить людей читать «не по лжи». Наглядным примером тому является эпизод с чтением советских газет. Володин отмечает, что явной лжи в газетах нет, но присутствует недосказанность. По мнению Иннокентия, «все это – свобода от информации» [88, с. 312]. Герой произносит это, еще не увидев разоренной советской деревни, но по пути в российскую глубинку. Подобное умозаключение является свидетельством произошедших перемен, стремления героя сквозь наносную мишуру пропаганды увидеть реальную жизнь страны, которую он представлял на международной арене в качестве дипломата. «Слушай, я ведь *представляю* Россию, но я ведь ее не-пред-став-ляю!» [88, с. 314] Слово «представлять» в словаре В.И. Даля имеет, наряду с прочими, и такие значения: «донести; доложить, обращая внимание на дело и на потребности, прося распоряжений, разрешения; изобразить, изъяснить словами, описанием» [34, с. 389]. Подобная экспликация не только разъясняет скрытое значение слова, но и вносит дополнительное разъяснение произведения на всех его уровнях, вплоть до глобального осмысления всего романа.

Только после происшедших перемен была возможна поездка героя в российскую глубинку. Разоблачение коммунистической

пропаганды заканчивается вопросом Клары. «– Значит, у них там – хорошо? <...> «Лучше?» [88, с. 313]. «– Лучше, – кивнул Иннокентий. – Но не хорошо. Это разные вещи» [88, с. 313]. Нельзя не согласиться с А.С. Немзером, который говорит, «как может быть хорошо, когда где-то все еще плохо. Чужая печаль – не чужая, а чужая беда всегда станет твоей бедой» [67, с. 32]. В романе лейтмотивно проходит мысль о невозможности изолированного существования, о взаимосвязи и взаимообусловленности всех событий и судеб. В сущности, эти три эпизода (чтение дневников и писем матери, загородная поездка, разговор с Авениром) стали для него своеобразными ступенями открытия подлинной истории своей страны и постигшей ее трагической судьбы.

В своих действиях Володин начинает руководствоваться материнским заветом. «Что дороже всего в мире? Оказывается: сознать, что ты не участвуешь в несправедливостях. Они сильнее тебя, они были и будут, но пусть – не через тебя» [88, с. 452]. В статье «Жить не по лжи!» Солженицын пишет, что это «самый простой, самый доступный ключ к нашему освобождению: личное неучастие во лжи! Пусть ложь все покрыла, пусть ложь всем владеет, но в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!» [93, с. 189] В связи с этим, следующее высказывание А.С. Немзера представляется не совсем верным: «...вся володинская линия романа есть неспешное обоснование тому необратимому и, видимо, бессмысленному поступку, который совершает он в первой главе» [67, с. 33]. По нашему мнению, уместнее было бы говорить не столько о необратимости, сколько о неотвратимости, неизбежности поступка героя. Говоря о бессмысленности поступка Иннокентия, А.С. Немзер имел в виду его влияние на ход истории, но, следует отметить, что Солженицына прежде всего интересует роль этого поступка в нравственном формировании героя. Достаточно четко подобная мысль выражена в «Архипелаге ГУЛАГ». Солженицын полагает, что «смысл земного существования – не в благоденствии, как мы все привыкли считать, а в развитии души...» [92, с. 383].

Солженицын считает, что драма человека XX века состоит в слабости и искажении его мирозерцания антропологическими идеями Ренессанса и Просвещения. Гуманистическому пониманию смысла жизни он противопоставляет религиозное понимание, осознающего существование Высших Сил, оказывающих влияние на судьбу человека. В Темплтоновской лекции Солженицын

определил главное мировоззренческое и бытийное заблуждение современного человека: «человек пытается не выявить Божий замысел, но заменить собою Бога» [93, с. 453]. Подобная мысль достаточно четко сформулирована в книге Солженицына «Бодался теленок с дубом»: «я в своей жизни эту направляющую руку, этот очень светлый, не от меня зависящий, смысл привык с тюремных лет ощущать... Много в жизни я делал противоположно моей же главной поставленной цели, не понимая верного пути, – и всегда меня поправляло Нечто. Это стало для меня так привычно, так надежно, что только и оставалось задачи: правильной и быстрее понять каждое крупное событие моей жизни» [87, с. 126]. Данное замечание относится и к солженицынским персонажам, их часто направляет Нечто. Его миропонимание восходит к «предопределению судьбы», приведшему Раскольникову к совершению убийства. «Он вошел к себе, как приговоренный к смерти. Ни о чем он не рассуждал и совершенно не мог рассуждать; но всем существом своим вдруг почувствовал, что нет у него более ни свободы рассудка, ни воли и что все вдруг решено окончательно» [39, с. 81]. Володин сам понимает, что у него нет выбора. «Опасно, не опасно другого решения быть не может» [88, с. 13].

Однако А.В. Урманов не признает поступок Иннокентия «рыцарским» и «жертвенным», так как в его основе – предательство. «И речь здесь не только о предательстве по отношению к политическому строю, власти – то есть об измене абстрактным принципам идеологии, обветшавшим догмам, но и о поступке, жертвами которого могут стать вполне реальные люди – те, кто в силу своих политических убеждений или моральных принципов пытаются лишить США монополии на обладание атомной бомбой» [98, с. 179-180]. С нашей точки зрения, идеология, которая губит народ, не может рассматриваться просто как абстрактная догма. Фактически, герой предает антинародный режим и, тем самым, защищает интересы не только русского народа, но и всего человечества.

Предположение А.В. Урманова о том, что Володин «печется» [98, с. 180] о военно-стратегическом доминировании США, представляется не совсем верным. В тексте романа содержится опровержение подобного высказывания. Иннокентий стремится предотвратить попадание атомной бомбы в руки сталинского

режима. Тоталитарное правительство, не сдерживаемое общественным мнением, сможет применить смертоносное оружие. Общепринятая практика советских властей все замалчивать и не говорить правду об истинных масштабах происшествия, привело бы к общечеловеческой, вселенской катастрофе, что и беспокоило Володина. Урманов упрекает Володина в том, что тот не думает о последствиях его поступка для окружающих. Однако власть имущие способствовали укреплению строя, предавшего интересы людей, поэтому их судьба воспринималась как кара Божия за злодеяния. Говорить о предательстве, в данном случае, представляется не совсем верным. Для писателя поступок Иннокентия продиктован любовью к России, ненавистью к сталинскому режиму и пониманием того, что этот режим представляет смертельную угрозу всему миру, человеческой цивилизации.

Выбор имени героя также играет символическую роль. В переводе с латыни Иннокентий означает «невинный», что свидетельствует о его невиновности перед русским народом и всем человечеством.

Нельзя давать бомбу в руки сумасшедшему правительству, рассуждает Иннокентий. Размышления о предательстве и о поступке Володина, заставляет задуматься о сущности патриотизма. Солженицын воскрешает здесь проблему, восходящую еще к античности. Обязан ли патриот подчиняться тирану? Поступок Иннокентия – это бунт против большевистского правления. Писатель говорит, что истинные патриоты не служат режиму, разрушающему страну и способному уничтожить всю планету ради прихоти тирана. Иннокентия будут обвинять именно в измене Родине, хотя он совершил поступок, стремясь принести пользу России. Понятие патриотизма, служения родине и народу, подменялось преданностью режиму и партии. Подобная подмена понятий, широко распропагандированная большевиками, не давала возможности людям правильно осознать не только поступок Иннокентия, но и действия правительства. «А мы понимаем патриотизм как цельное и настойчивое чувство любви к своей нации со служением ей не угодливым, не поддержкою несправедливых ее притязаний, а откровенным в оценке пороков, грехов и в раскаянии за них» [93, с. 64]. Подлинное величие народа выражается не в показательных мероприятиях, а в уровне

внутреннего развития каждого отдельно взятого индивида и всего общества в целом.

Володин осознает катастрофизм своего поступка, но готов даже умереть, если бы людям сообщили о нем. Однако он идет дальше в осмыслении советской действительности и понимает, что простое сообщение о его звонке в американское посольство не принесет желаемого результата. Автор использует внутреннюю речь героя, чтобы вскрыть истинное состояние советского общества: «мы уже в той темноте, что не отличаем изменников от друзей» [88, с. 640]. Привыкшие к единогласным решениям, которые провозглашаются вождями, люди не захотят обдумать происшедшего.

Неверие в разум, отчаяние, вызванное «глупостью» народа, имевшее место в творчестве большинства сатириков-просветителей, нашло свое отражение в романе Солженицына. «Еще недавно, – по мнению М. Эпштейна, – в духе классических традиций, русская советская литература была озабочена трагедией лишних людей, чуждых миру полезной социальной однородности, – такова магистральная тема лучших писателей, от Юрия Олеши до Андрея Битова. Но Кавалеровы и Одоевцевы, эти обедневшие потомки Онегиных и Печориных, совсем уже вывелись в советском мире. Не потому, что он их освоил и употребил на пользу себе, как еще недавно можно было опасаться, нет, сам окружающий мир сделался настолько лишним, что лишность из личной черты стала уже чертой всеобщего безразличия» [110, с. 219]. Основная масса людей не могла и не хотела анализировать происходящие события, а те, кто был в состоянии отличить правду от лжи были скованы страхом и молчали.

Примечательно, что начинается роман в пять минут пятого. Раздумья Иннокентия заканчиваются без пяти четыре. Таким образом Солженицын соотносит начало романа, начало размышлений и страданий героя до и после совершения поступка. Круг замкнулся, цикл размышлений и раздумий закончился и начался цикл расплаты за совершенный поступок. И вслед за этим следует арест. Арест Иннокентия, развязывающий главную сюжетную линию, происходит в привычной служебной машине, которая везет его из роскошной московской квартиры в тюрьму – из одного мира в другой. Центральная сюжетная линия романа, таким образом, соединяет два хронотопа и показывает легкость

падения с вершин элитарного благополучия в бездну ГУЛага. Уже арестованного Володина провозят по Лубянской площади, «словно делая прощальный круг и давая Иннокентию возможность увидеть в последний раз этот мир и пятиэтажную высоту слившихся здесь Старой и Новой Лубянок, где предстояло ему окончить жизнь» [88, с. 692]. Так герой перешел из одного круга в другой. К душевным страданиям прибавились еще и физические. После ареста в стенах Лубянки Иннокентий пережил различные ощущения – «извечный животный ужас» [88, с. 698], безразличие к собственной судьбе, унижение, «радость крохи бытия» [88, с. 699] и «дрожь счастья» [88, с. 728].

Для того чтобы превратить социальную проблему в объект сатиры, необходимо показать не только несправедливость, но и глупость, нелепость существующих отношений. Солженицын подчеркивает неразумный, алогичный характер подобных взаимоотношений. При описании тюремных работников Солженицын широко использует метонимию – вместо людей фигурируют предметы одежды и части человеческого тела: «бесстрастно сказал серый халат» [88, с. 701], «надзиратель с фиолетовым носом» [88, с. 707]. Сгущение деталей создает атмосферу обреченности арестанта, который не может вырваться из этого мира. Володин не мог добиться объяснений и оказался опутанным сетями арестных процедур. Крупный план и текстовое выделение используется Солженицыным для концентрации внимания читателя и создания эффекта обреченности «ХРАНИТЬ ВЕЧНО!» [88, с. 713]. Посягательство на вечность отделяет большевиков от русской религиозной традиции и от всего человеческого. Солженицын подчеркивает неизбежность вынесения Володину приговора. «В самом деле, докажут или не докажут, что по телефону говорил именно он, – но, раз арестовав, его отсюда уже не выпустят» [88, с. 714].

В первую тюремную ночь, охваченный бесконечными процедурами и лишенный сна, Иннокентий вознесся на некую «высоту борьбы и страдания» [88, с. 729]. От мыслей о необдуманности и бесцельности своего поступка, герой приходит к осознанию его неизбежности. Минуты духовного счастья и катарсис героя – это также прорыв из монологической замкнутости в сферу личного участия в судьбе других людей. Володин только в тюрьме обретает способность четко формулировать свои мысли.

Иннокентий понимает, что у него «никогда не было самого бесценного блага: свободы говорить, что думаешь, свободы явного общения с равными по уму людьми» [88, с. 715]. В начале герой был озабочен исключительно материальной стороной своего существования, затем, он стал сомневающимся, но не решающимся сформулировать собственные мысли. Именно в тюрьме, пройдя через сомнения и страдания, герой очищается от страха и четко осознает, чего именно ему не хватало в жизни. Не о потерянных материальных благах он сожалеет, не о положении в обществе, а о том, что не имел возможности высказать свои самые сокровенные мысли и встретить собеседника, который смог бы его понять.

Постоянно находясь в коллективе, человек, тем не менее, был одинок, не имел преданных друзей, которые смогли бы его понять. Было чувство коллективизма, но не дружбы и преданности. В любой момент, коллектив мог отречься от одного из своего членов, если того требовала идеология. В тюрьме герой думает о том, как поведут себя его родные и близкие, узнав о его аресте. «Все, кто знал советника Володина, верноподданно вычеркнут его из памяти» [88, с. 716]. Это была общепринятая модель поведения в Советском Союзе. Людей заставляли отречься от родных и близких, осужденных по политическим статьям. В. Амлинский отмечает, что «людей уничтожали не только в тюрьмах и лагерях. Была еще и другая форма уничтожения, та глубокая психологическая, нравственная деформация, дух которой не изжит и сейчас. Павлик Морозов, ставший героем; образ пионера-доносчика, которым воспитывали не одно поколение – это не символ стойкости, классовой сознательности, а символ узаконенного и романтизированного предательства» [2, с. 53]. Ожесточалось человеческое сознание. Не классовый гуманизм объявлялся чужеродным, вредным, мелкобуржуазным. Противящимся создавали невыносимые условия жизни.

Из всех близких людей Иннокентию приятнее всего было вспомнить дядю Авенира. Володин был уверен, что тверской дядюшка сможет правильно понять его поступок, и не осудит за этот звонок. Герой вспоминает многих людей, с которыми ему довелось общаться, но никто не оставил такой глубокий след в душе героя, как дядя. «Изо всей жизни – главный человек» [88, с. 728]. Именно дядюшка оказался настоящим родственником Иннокентия, не только по крови, но и по духу. Володин понимает,

что встреча с дядей стала поворотным моментом в его жизни. Если бы не поездка в Тверь, он никогда бы не нашел родственную душу и умного собеседника, не поддавшегося идеологической обработке и способного трезво смотреть на жизнь. К дяде Иннокентий приехал, терзаемый сомнениями и предчувствиями, а уехал с вполне определенными мыслями и с окончательно сформировавшимся отношением к сталинскому режиму.

Трагическая ирония солженицынского романа заключается в том, что обретение истины и собственного лица не приносит герою счастья, а напротив, низвергает его в бездну. Путь Володина – это своеобразное двустороннее движение. От вершины материального благополучия, от обладания всеми материальными благами, до полного лишения всех, даже личных вещей. Тем не менее, видимое, внешнее падение сопровождалось духовным возрождением героя. Он вырвал свою душу из преисподней и вознес ее на вершину. В терминах философского метаязыка, восходящего к Просвещению XVIII века, это отношение человека и среды. Пока герой однотипен окружающей его среде он не имеет своего пути. Передвигаясь внутри своей среды, он художественно неподвижен. Иной становится картина, когда герой разрывает со средой. Тогда его движение составляет некоторую линейную траекторию, внутренне непрерывную, каждый из моментов которой находится в своем особом отношении к окружающему пространству. Появляется путь как особое индивидуальное пространство данного персонажа. Путь, который пространственно может быть представлен в виде линии, – это непрерывная последовательность состояний, причем каждое состояние предсказывает последующее. Только избрав этот путь, спустившись на низшую ступень социальной иерархии, Володин смог занять высшую ступень и стать центром этого социума.

3.3. Жертвы страха

Путь в обратном направлении, из тюрьмы во власть, совершил другой герой романа – Яконов. Иностранность персонажа подчеркнута его статусом: полковник МГБ был беспартийным. Даже портретная характеристика героя отличает его от советских руководителей. Солженицын отмечает, что Яконов выглядел не как

советский чиновник, а как барин девятнадцатого века. Высокий интеллектуальный уровень позволил персонажу выбрать верную линию поведения для сохранения собственного благополучия. Он не хотел включаться в гонку за показателями, которой были охвачены все сферы советского общества.

Герой ведет двойную жизнь: внешне – он полковник МГБ, служит режиму; внутренне – не желает принимать активного участия в жизни советской страны. Владая двумя иностранными языками, герой мог сопоставлять пропаганду с реальностью, учитывая сообщения зарубежных средств массовой информации. Душой он был за Запад. «Но он верно знал победителя и не ставил ни фишки против него: победителем будет Советский Союз» [88, с. 594]. Яконов понял это еще в 1927 году после поездки в Европу. Он понимал, что сытая жизнь Запада породила беспечность, которой не применит воспользоваться СССР. Герой понял суть советской пропаганды: у большевиков слова и лозунги не соответствовали реальности. Не нужно приносить никаких жертв ради общества, ибо каждый человек живет только для себя. «И все это очень давно и очень просто выражено самим народом: “своя рубашка ближе к телу”» [88, с. 594]. Руководствуясь именно этим принципом, по мнению Яконова, и следовало жить. Герой осознает, что коммунистические идеалы являются отличным прикрытием для устройства личных дел и продвижения по карьерной лестнице. Он не верит в отвлеченные истины и готов пойти на какие угодно уступки лишь бы выжить и сохранить все возможные материальные блага. Все разговоры об убеждениях превращаются в декорации, которыми удобно прикрывать свой эгоизм.

Яконов достаточно умен и видит ничтожество сталинских чиновников, но вынужден перед ними выслуживаться. Герой «знал себя остро-талантливым» [88, с. 97], с одной стороны, с другой – «просительно, почти по-собачьи, смотрел на Абакумова» [88, с. 98], а потом идет, куда глаза глядят – «как пес убегает умирать в одиночестве, так Яконов должен был уйти куда-то, не в семью» [88, с. 167]. Сравнение с животными в романе может также характеризовать ситуацию, в которой находится герой. Подобный контраст служит сатирической характеристике персонажа и обличению системы. Яконов подчинил свой интеллект ничтожным властителям и тем самым уподобился им.

Способность трезво проанализировать происходящие события помогают Яконову понять, что нельзя достигать слишком высокого положения и только безопасное отдаление от вождя может спасти его. С другой стороны, обладая достаточно высоким уровнем интеллекта, герой, тем не менее, не может понять, что никто не застрахован от произвола тирана. Страх настолько завладел им, что он даже не пытается облегчить жизнь заключенным, а наоборот, отправляет их на этап, понимая, чем это для них может закончиться. Обладание материальными благами и сохранение внешнего благополучия требует сделки с совестью, на которую герой готов. Яконов хотел безопасности и уверенности в завтрашнем дне, покоя для себя, и своей семьи, судьба которой также зависела от власти, что повлекло за собой стремление быть хозяином собственной судьбы и обладать чем-то личным, недоступным чуждому влиянию и государству. Отсюда согласие с принципом «Мой дом – моя крепость!» [88, с. 593] и желание героя уйти во внутренний мир обусловлено нестабильностью внешней жизни.

О чуждости Яконова миру палачей свидетельствует то, что в переломный момент своей жизни он пришел к церкви Никиты Мученика. Показательно, что и Володин, и Яконов в переломный момент своей жизни обращаются именно к наследию старой Руси, уничтожаемой большевиками. Господствовавшая в реальной жизни разруха не создала духовной основы человеческой жизни и, оказавшись в сложной ситуации, человек обращался к миру духовных идеалов и находил те же церковные ценности, на которых базировалось сознание предшествующих поколений. Солженицын использует пространственно-временную композицию как особый художественный прием. Его смысл состоит в том, чтобы, сопоставляя разные времена и пространства, выявить как характерные свойства «здесь» и «теперь», так и универсальные законы бытия, осмыслить мир в его единстве, продемонстрировать необходимость преемственности поколений. Яконов имел многое, но не хватало ему душевной чистоты, ушедшей из его жизни. Добро – всегда сохранение или возвращение к данному природой. Зло – уход от него. Любое зло – искажение прекрасной сущности, которая таит в себе возможность обращения к добру. Приведя героя к церкви, автор показал, что Яконов способен воспринимать

прекрасное и, возможно, при более благоприятных условиях, его душевные качества получили бы дальнейшее развитие.

Трактовка этого персонажа, с такой точки зрения, сходна с трактовкой образа Наделашина. Катастрофическое влияние на героев оказала враждебная им среда. Примечательно, что герои обладают достаточно высоким уровнем интеллекта и понимают больше, чем говорят. Это, так называемые, осколки старого мира, которые вынуждены были приспособливаться, причем, сохраняют свое благополучие, пользуясь подлостью. Оба пользуются своей должностью, чтобы упрочить собственное положение за счет заключенных. Однако писатель не оправдывает поступки героев, он понимает, что тоталитарное государство ломало людей. Разрушенная церковь, в данном случае, становится символом разбитой жизни героя и гибели прежних основ жизни. В то же время, она символизирует стремление героя подняться на определенную душевную высоту. Однако это ему не удастся. Помимо красоты церкви, которую вспоминает Яконов, автор описывает красоту зимнего утра, являющимся своеобразным символическим мостиком, соединяющим воспоминания и реальность. Однако, эта красота доступна людям только с чистой душой.

Герой не может выйти из темного царства и приобщиться к свету. «Не тянуло его оглянуться на красоту утра» [88, с. 180]. Эта фраза свидетельствует не только об отчаянии героя, но и о его падении. Его достаточно высокое воинское звание и должность вступают в контраст с невозможностью распоряжаться собственной судьбой. Е.В. Белопольская полагает, что «вместо мученичества (страдания во имя духа) герой испытывал мучения от сознания собственной моральной капитуляции» [12, с. 145]. С нашей точки зрения, нельзя полностью согласиться с подобным утверждением. Размышления героя о собственной духовной деградации находятся на заднем плане, они вытесняются желанием благополучной жизни. Яконов не согласен жить в нищете и жертвовать собой и собственным благополучием ради неучастия в несправедливостях. Он исправно платит дань тоталитарному режиму, совершая неприглядные поступки. О душе, о моральной капитуляции герой думает меньше всего. Во главе угла для него стоит стремление к спокойной, благополучной жизни, нетревожимой никакими воздействиями извне. Он потому и держался за свою должность,

что она обеспечивала ему безбедное существование. Свои интеллектуальные способности Яконов использовал для того, чтобы сохранить безопасное отдаление от вождя и, соответственно, благополучие.

Персонаж испытывает душевные муки из-за опасности утратить благополучие и оказаться в бездне лагеря. Тем не менее, эта бездна влияет на всю его жизнь. Именно страх оказаться в тюрьме является причиной его душевных переживаний. Слова позволяют завуалировать сокровенные чувства, однако взгляд раскрывает сущность человека. В поединке взглядов сходятся Сологдин, только что уничтоживший проект абсолютного шифратора, и Яконов, чья жизнь зависит от этого чертежа. «Я уничтожу тебя!» – налились глаза полковника. «Хомутай третий срок!» – кричали глаза арестанта» [88, с. 598]. В этот момент герои не произносят ни слова, говорят глаза. «Инженер-инженер! Как ты мог?!» – пытал его взгляд. Но и глаза Сологдина слепили блеском: «Арестант-арестант! Ты все забыл!» Взглядом ненавистным и зачарованным, взглядом, видящим себя самого, каким не стал, они смотрели друг на друга и не могли расцепиться» [88, с. 598]. Разработкой шифратора занимались заключенные, поэтому судьба инженер – полковника зависела от них. Заключенные зависели от Яконова, но в большей мере, он зависел от них.

В.С. Абакумов

Абакумов предстает перед читателем цельным субъектом сознания, у которого нет тайной половины души. Используя детализацию, автор подробно описывает подобострастное поведение министра. Дверь герой открыл не так, чтобы ему было удобно пройти, а протиснулся в полуоткрытую дверь. Однако подобное унижение служит карой за унижение Абакумовым других людей и за ревностное служение режиму. «Абакумов просительно перегнулся и ждал» [88, с. 143]. «Перегнувшись, стоял и ждал дюжий министр» [88, с. 143]. Сатирический эффект создается за счет контрастного употребления слов «перегнувшись» и «дюжий» в одной фразе. Повтор является фактором связанности и в то же время выполняет в тексте усилительно-выделительную функцию, усиливает эмоциональную

нагрузку на читателя и способствует созданию униженно-подобострастной картины. О масштабах репрессий, писатель так же говорит опосредованно. «Без такой обезвреженной (каждый раз новой) группы Абакумов на доклады не приходил» [88, с. 144].

Автор изобразил триединую картину приема. Сначала Сталин, используя методы работы внутренних органов, создавал у Абакумова соответствующее настроение, заставляя последнего мучаться от страха. После этого начинается собственно доклад. Далее, инструкции диктатора по ужесточению репрессий. Просьба же Абакумова о возврате смертной казни в перечень наказаний, позволила автору опосредованно разоблачить систему тайных расстрелов. Абакумов услышал угрозу расстрела и, фактически, прошел над пропастью. Подобным образом Солженицын выявил двойственность персонажа. С одной стороны – всесильный министр госбезопасности, с другой – дрожащий от страха исполнитель воли диктатора, не властный распоряжаться собственной судьбой. В любой момент он сам мог оказаться жертвой репрессивной машины. Но духовно герой погиб уже давно. Он служит темному царству и автор, подчеркивая это, окружает министра предметами, относящими его к слугам Сатаны.

Пятиметровый портрет в абакумовском кабинете воспринимается как аллюзия на дантовского сатану, который был огромен. Портреты выполняют, так называемую, характерологическую функцию, способствуя выявлению особенностей не только Абакумова, но и среды в целом. Изображения Сталина воспринимаются как иконы, наличие которых свидетельствовало о правильном мировоззрении персонажа.

Наряду с использованием нарративного принципа при характеристике героя, Солженицын использует воссоздание событий от третьего лица. Показателен в этом отношении эпизод доставки Пряничкова в кабинет Абакумова. Глава воссоздает точку зрения «Валентули», который даже не понял, что беседует с министром государственной безопасности. В зрительные восприятия Абакумова и Пряничкова вторгается авторское определение: «Он вырвал лист из чистого блокнота на столе министра, схватил его ручку цвета красного мяса и стал торопливо коряво рисовать сложение синусоид» [88, с. 102]. Находясь под впечатлением от поездки по ночной Москве, восторженный

Валентуля вряд ли мог определить таким образом цвет ручки министра. Автором подобного определения является сам писатель.

Внедрение в акториальное повествование выразительной предметной детали напоминает о специфике работы Абакумова и опосредованным способом позволяет выразить авторское отношение к персонажу. Упоминание о ноже «из рубинового плексиглаза» [88, с. 92] является своеобразным подготовительным штрихом намекающим на род деятельности министра. Помимо портрета Сталина на стене, на столе у министра был «барельеф Сталина на стоячей родонитовой плите» [88, с. 91]. «Цвет родонита алый, малиновый, розовый, иногда с сероватым оттенком» [49, с. 218]. Упоминание об абакумовской ненависти к зеленому является явной аллюзией на дантовский эпос. В зеленые мантии облачены ангелы надежды, что и могло послужить причиной ненависти Абакумова к этому цвету. Таким образом, Солженицын подчеркивает, что у людей, попавших в МГБ, нет надежды. Причем не только у заключенных, но и у служащих. Ни те, ни другие не имели возможности вернуться в нормальную жизнь, оказываясь под влиянием темного царства. Сатирическую направленность характеристике Абакумова придает метонимия «пара золотых погонов в конце зала» [88, с. 100]. Цветовая гамма является явной аллюзией на три сатанинских лица, что несомненно относит его к

кадр из фильма "В круге первом"

служителям темного царства.

Солженицын вновь использует прием сгущения деталей. В кабинете Абакумова три портрета: два – Сталина и один – Берии. Сталин довлеет над всем пространством кабинета, в котором никогда не открываются окна, балконная дверь наглухо забита. Круг замыкается, и в него

не могут попасть обычные люди. Показательно, что глава, в которой описывается прием министром Абакумовым своих подчиненных, имеет название «Тройка лгунов». Такое заглавие является аллюзией на главный христианский символ Святой Троицы. Рассматриваемое в подобном контексте заглавие приобретает сатирическую окраску, расширяет границы восприятия и имеет отношение не только к Селивановскому, Осколупову и

Яконову. Подобным образом можно охарактеризовать еще одну триаду: Сталин, Берия, Абакумов. Эти тройки относятся к разным кругам преисподней. Если же человек попадает в этот круг, то назад хода нет. Подобная трактовка специфики работы МГБ ассоциируется с надписью на входных воротах Ада: «Входящие, оставьте упования» [36, с. 595]. Явной аллюзией на дантовский эпос представляется название 91-й главы, посвященной аресту Володина: «Да оставит надежду входящий» [88, с. 765]. Достаточно наглядным завершением этого ассоциативно – образного ряда служит название последней главы: «Мясо». Подобная повторяемость цвета позволяет отнести героя к служителям темного царства.

Тоталитарный режим характеризуется всеобъемлющим деспотическим вмешательством авторитарно-бюрократического государства во все проявления жизни общества и отдельных людей. Сама технология государственного управления, по мнению Н.Л. Лейдермана, при тираническом режиме «приобретает чудовищно иррациональный характер и держится, прежде всего на лжи. Точнее, так: ложь в этой государственной системе – едва ли не самое главное средство самосохранения как государственного режима, так и его властителей и их приспешников» [55, с. 196]. Эту ложь принимали все, кто ради собственного благополучия соглашался служить Злу. Бюрократическое общество, построенное на надуманных достоинствах чина и денег, не имеющих реальной человеческой деятельности, способствует обезличенности, вымороченности, духовной деградации служителей режима. Абакумов вынужден был изворачиваться, чтобы удержаться на посту министра. Нужно было создавать видимость усиленного служения режиму, но, на самом деле, работать не в полную силу. Отсутствие традиций в государственной культуре создавало в определенных бюрократических сферах представление о вседозволенности и безграничности возможностей. А мнимый характер государственно-бюрократической деятельности легко позволял заменить реальную деятельность ложью.

3.4. Скрытое разнообразие советского общества

Об отношении советской власти к образованию и образованным людям свидетельствует тот факт, что для занятия поста министра госбезопасности Абакумову хватило четырехклассного образования. Герой отмечает, что «вся его карьера складывалась так, что от думанья он проигрывал, а от служебного рвения выигрывал. И Абакумов старался меньше напрягать голову» [88, с. 98]. Абакумов – герой пространственной и этической неподвижности, который озабочен исключительно сохранением собственного благополучия, не гнушаясь для этого никакими методами.

Для формирования таких граждан нужна была соответствующая система воспитания и образования. Солженицын знал советскую систему образования не понаслышке, так как сам долгое время проработал школьным учителем. Он вскрывает недостатки этой системы, используя внутреннюю речь персонажей. Клара Макарыгина, после окончания школы, испытывала трудности с определением дальнейшего пути. Писатель подчеркивает, что это явление повсеместное, дети из школы выходили, не имея хороших знаний и не испытывая любви ни к одной из наук. «Впрочем, среди однокурсниц (мальчиков было мало) не одна она оказалась случайная, век такой начинался: ловили синюю птицу высшего образования, и не попавшие в авиационный институт переносили документы в ветеринарный, забракованные в химико-технологическом становились палеонтологами» [88, с. 306]. Получив образование по нелюбимой специальности, выпускники, по словам Клары, собирались работать «как придется» [88, с. 306], что не способствовало качественному выполнению работы. Саморазоблачение персонажа позволяет автору высказать негативное отношение к советской действительности и развеять миф о монолитности советского общества.

Используя форму воспоминаний Клары, писатель раскрывает реалии войны, замалчивавшиеся официальной пропагандой. Героиня, попав в эвакуацию, столкнулась с массовой трусостью. Люди, которые должны были воевать, использовали любую возможность, чтобы остаться в тылу. Ощущения Клары от

соприкосновения с эвакуированными свидетельствуют о ее способности отличать правду от лжи, и умении анализировать происходящие события. Девушке дали имя в честь Клары Цеткин, предполагая тем самым ее преданность коммунистической идеологии. Но именно она чувствует, что не все так идеально, как преподносилось в речах идеологов. Ее латинское имя означает «ясная», что является достаточно символичным, так как определяет поведение героини, ее стремление к ясности в жизни. Героиня некрасива внешне, но обладает духовными качествами, возвышающими ее над окружением. Проработав на шарашке, пообщавшись с заключенными, Клара поняла, что на самом деле жизнь не укладывается в рамки «Передового» Учения. Восприятие жизни героиней кардинально расходится с отношением к происходящим событиям, свойственным людям ее окружения. Служители режима боялись людей, способных проанализировать происходящие события и увидеть самоуправство власти и бесправие граждан. Показательной в этом смысле является история Ивана-стеклодува. Его рассказ посеял в душе Клары сомнения и заставил предположить, что среди заключенных могут быть и другие невинные люди и, что ее отец, возможно, осудил невиновных. Подобное восприятие этого рассказа и выводы из него свидетельствуют о способности героини к духовному развитию, невзирая на влияние окружающих ее людей. Автор исподволь подводит нас к подобному мнению.

Еще до поступления на работу в Марфино, в 1949 году, во время осмотра новой квартиры, Кларино восприятие поломойки на лестнице кардинально отличалось от восприятия ее родителей. Они просто не обратили внимания, а Клару поразило интеллигентное лицо этой женщины, «опалил жгучий презирующий взгляд» [88, с. 307]. Хронотоп лестницы, сочетающийся с мотивом встречи, позволяет Солженицыну вывести наружу мир заключенных. Именно героиня, с ее способностью к духовному развитию, способна была заметить женщину, моющую пол и ощутить неловкость. Клару считает странной даже ее отец, которого раздражают мысли дочери. Но, она нашла родственную душу в Иннокентии, который становится странным для жены, «много вопросов набралось у Клары, на которые вот Иннокентий мог бы ответить!» [88, с. 509]. Она духовно развивается, но не доводит процесс до конца. Героиня одарена сильным чувством справедливости, но никем не

направляемая, не может завершить духовное развитие. Нежелание Володина объяснить свои мысли Кларе, помочь ей в осознании бесчеловечности сталинского режима, сыграло свою роль в капитуляции героини. Если Иннокентий находит понимание и поддержку у дяди Авенира, то Клара оказалась абсолютно одинокой перед необходимостью выбора. Ее душевное развитие еще не достигло той меры, когда она была бы способна на подвиг. Она пытается поделиться своими сомнениями с Эрнстом Головановым. В душе героини происходит своеобразная борьба: духовно ей близок Доронин, по социальному же положению – Голованов. Ростислав открывает Кларе глаза на советскую действительность. Эрнст Голованов предлагает Кларе объяснение ошибок любого характера, которое дает ей возможность вести привычную обеспеченную жизнь и не терзаться муками совести. Именно беседа с Головановым стала своеобразным началом конца. Ее духовное развитие прекратилось, она приняла объяснение, кажущееся ей разумным. Клара не решилась выйти из группы палачей и соединиться с людьми, обреченными сталинской властью на страдания. Душевное опустошение героини выразилось в глазах: «какой-то безжизненный туск наплыл на них» [88, с. 633].

Несколькими легкими штрихами автор передает внутренний мир, стремления и желания еще одной героини, оказавшейся и палачом и жертвой сталинской системы. Глазами Серафимы Витальевны мы видим пугающий инструктаж майора Шикина, во время которого было посеяно недоверие между вновь прибывшими выпускницами института связи, а доносительство преподносилось как «товарищеская помощь» [88, с. 40]. Симу прямо не вербовали и не заставляли заниматься доносительством, но ее работа предполагала слежку за заключенными и уведомление оперуполномоченного обо всем происходящем. Несмотря на все это, работа в Марфино ее полностью устраивала, так как от нее «требовали только преданности и бдения, лишь потом – грамоты и навыков» [88, с. 39]. Такому отношению к работе способствовала система образования, сложившаяся в СССР. Солженицын демонстрирует все ступени, формирующие человека и специалиста.

Говоря об образовании, автор начинает со школы. Писатель приводит в пример преподавание литературы, так как понимает, что через приобщение к мировой сокровищнице художественного слова воспитываются духовные качества детей. Концепция

изучения литературы, сложившаяся в советское время, рассматривала творчество писателей, в первую очередь, с точки зрения его идеологической благонадежности. Подобное только отвращало детей от чтения. Да этого и не нужно было делать, достаточно было пересказать критические статьи о том или ином авторе, помещенные в учебнике. Таким образом, с раннего возраста закладывалась мысль, что нет необходимости знать предмет, о котором говоришь, главное высказать официальную точку зрения. Превращение контроля и административного вторжения в систему, создание планомерно проводимой политики, имеющей целью отнять у учебных заведений их научную самостоятельность, имело место в СССР.

Автор отмечает, что подобное отношение к обучению было присуще не только литературе, но распространялось и на другие дисциплины. Серафима Витальевна вспоминает, что из школы учащиеся выходили «ни математики, ни физики не зная» [88, с. 39]. Дети поняли, что директор ругает учителей на педсовете за двойки и что, хоть совсем не учишься, аттестат все равно получишь. Школа, подобно остальным сферам жизни, была вовлечена в гонку за показателями. Стремясь превратить учителей в чиновников, акцент переносился с качества обучения на его соответствие требованиям власти. Самым главным считался не высокий уровень знаний, а хорошие статистические показатели. Поэтому администрация стремилась не к повышению требований к уровню знаний учащихся, а к тому, чтобы результаты успеваемости были хорошими. Солженицын прослеживает результаты подобного обучения, переводя героиню на более высокий уровень, в высшую школу.

Система высшего образования в СССР эпохи сталинизма не способствовала тому, чтобы студенты хорошо знали и любили свою профессию. Сима вспоминает, что каждую осень на месяц студенты ездили в колхоз убирать картофель, а потом весь год по семь – десять часов в день слушали лекции, а разбирать конспекты было некогда. «А по понедельникам была политучеба; еще в неделю раз какое-нибудь собрание обязательно; а когда-то надо было и общественную работу, выпускать стенгазеты, давать шефские концерты...» [88, с. 39]. Подобный недельный распорядок вводил студентов в общий авральный темп работы, не оставляя времени на спокойные размышления и духовное развитие. С самого

начала молодые люди вступали в гонку за показателями, не обращая внимания на качество выполнения задания. Солженицын раскрывает общий принцип организации обучения в школе и в вузе. Порядок в учебном заведении состоял в том, чтобы соблюдались все внешние атрибуты обучения, а самого обучения не было бы. Обучение должно отсутствовать, но это отсутствие должно быть незаметно.

Противопоставляя хрупкую фигуру девушки и ее официальное звание – лейтенант МГБ, Солженицын выявляет двойственность персонажа: внешне – она офицер МГБ, обязанная служить режиму, в душе – человек, которому совесть не позволяет выполнять свои прямые служебные обязанности. В главе «Женское сердце» несобственно прямая речь Симочки заканчивается образной сентенцией, осложненной библейским намеком: «Так змеемудро скованная стальная цепь развалилась в том звене, которое сработали из женского сердца» [88, с. 43]. Использование несобственно прямой речи, воспоминаний героини и сгущение деталей способствует созданию достоверности и усиливает сатирический эффект.

Парность образов Клары и Симы создается за счет того, что они постоянно находятся на пересечении двух хронотопов. Пересекаясь с социумом узников, героини вступают в конфликт с окружающей их микросредой. Автор объединяет героинь и портретной характеристикой, подчеркивая их внешнюю некрасивость, но способность к внутренней рефлексии.

Автор, следуя своему принципу не описывать черты лица персонажа, сравнивает Симу с птичкой, подчеркивая хрупкость, незащищенность девушки. Этому служит не только сравнение с птичкой, но и то, что писатель называет ее Симочкой. Практически при каждом упоминании о героине, автор использует какую-нибудь деталь, соотносящую ее с птицей, что опосредованно свидетельствует о преобладании у Симы чувственно-инстинктивного восприятия жизни над рационалистическим. Именно инстинкт самосохранения заставляет ее не выражать открыто свое несогласие с основными постулатами государства. Однако противоречие внутреннего мира человека и окружающей его реальности не менее страшно.

Героиня не относится к ярым служителям режима и, пользуясь малейшей возможностью, действует согласно своим внутренним

убеждениям. Восприятие Симой заключенных противоречит официальной пропаганде. «Люди эти возбуждали в ней только безусловное уважение – своими разнообразными познаниями, своей стойкостью в перенесении горя» [88, с. 41]. Серафима Витальевна вошла в конфликт с системой, которая ее воспитала. Это противоречие не имеет выхода наружу, оно выражается в тщательно скрываемой любви к заключенному, в неприятии доноительства, как основы ее работы. Героиня руководствовалась исключительно чувствами, не анализировала происходящих событий. Сима «легко допускала, что заключенные, работающие во всех остальных комнатах, – кровавые злодеи» [88, с. 41]. Героиня не хотела осмыслить и понять, что другие заключенные подобны тем, которые работают в «акустической» и не соответствуют образу врага, создаваемого официальной пропагандой.

Инстинкт, чувства подсказывают ей, что, работающие с ней заключенные, намного выше по духовному и интеллектуальному развитию многих вольных. Она могла найти взаимопонимание среди людей, привыкших оценивать человека не по внешним данным, а по душевным качествам. Примечательно, что Сима работает в мире заключенных, а живет в мире вольных. Это также способствует созданию двойственности героини. Внешние обстоятельства пагубно сказываются на чувствах Симы. Ее любовь к заключенному чревата катастрофическими последствиями. Она не понимает этого до конца, собираясь ждать возвращения Глеба. Она не в тюрьме, но не свободна в выражении собственных чувств. Сима не в заключении, но она жертва той системы, которая привела ее к душевному противоречию. Создается впечатление, что автор сожалеет, что чувства героини оказались невостребованными. Сима не подверглась сатирическому обличению, автор говорит о ней с долей иронии.

Если героиня живет чувствами и совершает нелогичные поступки, то Щагов, напротив, отличается прагматичностью. Он не является ревностным служителем режима, но стремится не просто приспособиться, а примкнуть к новым господам жизни. Ради достижения благополучия он согласен отказаться от справедливости и не высказывать своих впечатлений от увиденного по возвращении с войны. «Он понял, что все идет как идет, остановить этого нельзя – можно только вскочить или не вскочить на подножку» [88, с. 387]. Используя прием остранения автор

показал послевоенную жизнь в СССР. «Воротясь с войны, Щагов, как и многие фронтовики, не узнал той страны, которую четыре года защищал: в ней рассеялись последние клубы розового тумана равенства, сохраненного памятью молодежи. Страна стала ожесточена, совершенно бессовестна, с пропастями между хилой нищетой и нахально жиреющим богатством» [88, с. 387].

Дополнительные штрихи усиливают безрадостную картину послевоенных лет. К рассказу о том, что даже у бывших самоотверженных фронтовиков проснулась жажда пристроиться поближе к пирогу, вслед за словами – мыслями Щагова: «Стоило взяться за голову и подумать: за что же дрались?» [88, с. 387], – добавлены такие строки: «Этот вопрос многие и задавали – но быстро попадали в тюрьму» [88, с. 387]. Бесспорно, герой ожидал, что все его заслуги будут учтены, и он сможет вести достойную жизнь. «А он имеет справедливое право на свой кусок (он взял бы его иначе, если б талантливых людей у нас не загрызали на полпути)» [88, с. 389]. Ироническое отношение к герою перерастает в сатирическое разоблачение ненависти идеологов к талантливым людям. Щагов не хочет тратить жизнь на борьбу с системой, полагая, что заслуживает достойной жизни. Обладая достаточно высоким интеллектуальным уровнем, герой способен проанализировать окружающую его действительность и понять, как нужно себя вести, чтобы достичь благополучия.

В образе Щагова Солженицын показал процесс духовной деградации человека под воздействием внешних обстоятельств. Персонаж неуютно чувствует себя на границе двух хронотопов, один из которых чужд ему. Не случайно, именно через Голованова, Щагову удалось получить приглашение на вечер к Макарыгиным. Оба героя, обладая достаточно высоким уровнем интеллекта, смогли приспособиться к существующей жизни и даже найти какое-то объяснение происходящим событиям. Голованов выступает своеобразным проводником Щагова в мир богатства. Пересечение порога макарыгинской квартиры вводит героя в мир богатства и изобилия. Порог в данном случае имеет двойное значение: реальное значение порога квартиры сочетается с символическим значением границы отделяющей хронотоп макарыгинской квартиры от хронотопа советской действительности.

Ради благополучной жизни, ради материального благополучия герой готов пожертвовать душой. Подчеркивая в портретном описании героя твердость и правильность черт лица, автор, тем самым, отмечает способность героя скрывать свои истинные чувства и твердо идти к намеченной цели.

Специфика выделенной нами особой группы образов обусловлена тем, что она состоит из персонажей различно социально детерминированных и ощущающих нестабильность своего положения. Володин, благодаря своему рефлектирующему сознанию, становится центральной фигурой данной группы. Именно володинская линия романа соединяет два хронотопа и показывает легкость перехода из элитарного социума в мир узников.

Глава 4

«Жертвы и творцы»

4.1. Крестьянство и интеллигенция в сталинском обществе

Ценностные ориентации представителей данного социума существенно отличаются от представителей других групп.

Работящим, хозяйственным мужиком, словно вышедшим из царской России, является Спиридон. Его сказочная по форме история жизни куда достовернее, чем написанная номенклатурным языком сталинская биография. Судьба ровесника века Спиридона Егорова концентрированно вбирает в себя судьбу целого поколения. Принцип предельного уплотнения – стремление в рамках одной человеческой судьбы вместить то, что пережили во второй половине XX века миллионы русских людей, весь народ в целом – обусловил насыщенность биографии персонажа знаковыми событиями нашей эпохи.

Сосредоточенность на семье как наивысшей ценности для Егорова свидетельствует не об ограниченности, а об органичности героя, о его тесной взаимосвязи с истоками и, в то же время, направленности в будущее через тесную связь со своими детьми и потомками вообще. Частная жизнь, основанная на любви, становится вершиной ценностной системы для Спиридона. Еще Адам Смит в 1759 году в своей первой книге «Теория нравственных чувств» определял естественную иерархию интересов человека как концентрические круги, где преданность зависит от дистанции: каждому ближе свои дети, чем чужие; дети ближе, чем дальние родственники; родственники и друзья – ближе, чем посторонние; соотечественники ближе, чем чужаки и так далее [86, с. 216-224]. Таковы же концентрические круги у Солженицына в романе «В круге первом»: семья – нация – человечество. Солженицын отмечает, что человеку естественно защищать интересы ближайших кругов по сравнению с более отдаленными,

но общество, то есть вся совокупность людей, заинтересовано в подходе, балансирующем интересы всех этих кругов.

Частная жизнь является своеобразным звеном, объединяющим героев различных социумов. Страх за дочь объединяет Егорова с вальяжным Яконовым. «Сквозь всю мировую войну отец пронес ее и выхранил. Ручной гранатой он спас ее в минских лесах от злых людей, добивавшихся ее, пятнадцатилетнюю, изнасилить. Но что он мог сделать теперь из тюрьмы?» [88, с. 522]. Яконов на приеме у Абакумова вспоминал о жене и двух дочках, ради которых он «извивался, боролся и тиранил остальные часы бодрствования» [88, с. 168]. Приверженность к дому, живучесть выражена и в описании внешности Спиридона: «В своем малахае со смешно спадающими набок ушами, как у дворняжки, Спиридон пошел в сторону вахты, куда зэков кроме него не пускали» [88, с. 185]. В данном случае сравнение персонажа с животным основано на внешнем сходстве. Подобную же функцию выполняет сравнение с лошадью при описании внешности Потапова. «Несмотря на хромоту, он шел быстро, шею держал напряженно выгнутой сперва вперед, а потом назад, глаза щурил и смотрел не под ноги, а куда-то вдаль, как бы спеша головой и взглядом опередить свои немолодые ноги» [88, с. 744]. Подобное описание персонажа свидетельствует о его способности трудиться без отдыха, о его преданности и надежности.

Жизненная позиция существенно отличает Егорова от массы советских людей, формируемых коммунистической идеологией. Природный скептицизм, четкое понимание справедливости и правды позволили Спиридону сохранить душу, невзирая на все перипетии судьбы. Тесно связанный с истоками, впитавший в себя вековую народную мудрость, герой смог разрешить нержинские сомнения, ответив на вопросы: «кто прав? кто виноват?» [88, с. 523]. Фраза дворника «Волкодав – прав, а людоед – нет!» [88, с. 523] является своеобразным кульминационным моментом нержинских размышлений.

Герои произведения А.И. Солженицына, а вместе с ними и автор, отстаивают право личности на нравственное сопротивление злу, как решающей цели человеческой истории. Если же это право не реализуется, происходит духовная и социальная деградация личности и общества. Реализация этих ценностей придает истории человеческий и творческий смысл.

Солженицын подробно описывает историю мытарств семьи Герасимович для того, чтобы показать духовную эволюцию героя. Илларион Павлович, будучи не похожим на всех остальных, получил срок, после которого не мог устроиться на работу, соответствующую уровню его образования. Жизненные трудности ожесточили героя, и он стал жить по принципу: «сограждане нас не жалели – не будем жалеть и мы!» [88, с. 291]. Пребывание в Марфино, произошедшая духовная эволюция, привели к осознанию невозможности жить по такому принципу. Герасимович отказывается сотрудничать с МГБ и помогать арестовывать невиновных людей. «Я – не ловец человеков! Довольно, что нас посадили...» [88, с. 648]. Слова эти являются явной аллюзией на Евангелие. Вспомним слова Иисуса Христа, обращенные к рыбакам: «идите за Мною и Я сделаю вас ловцами человеков» [14, с. 4]. Однако Осколупов, в данном случае, выступает не как представитель добрых сил, а как искуситель, склоняющий людей служить злу. Герой выдержал испытание и не поддался искушению. Произошло столкновение Добра и Зла.

Герасимович становится типичным представителем борцов с темными силами. По мнению Ю.В. Манна, «типология предполагает не только “горизонтальное”, но и “вертикальное” рассмотрение, ибо любое художественное новшество имеет свои предпосылки и историю» [63, с. 67]. При анализе солженицынских образов особое внимание следует обратить именно на «вертикаль». Лейтмотивно проходит характеристика героя, подчеркивающая его маленький рост, неприметность. Все эти детали подготавливают главное сравнение, к которому прибегает автор: «Герасимович ежился от ветра, держал руки в боковых карманах – и, щуплый, походил на воробья. На того из народной пословицы воробья, у которого сердце с кошку» [88, с. 612]. Внешняя неприметность героя противопоставляется его поразительному мужеству.

Готовность Герасимовича к жертвоприношению сродни готовности Авраама принести в жертву Богу сына Исаака. Господь не позволил совершить убийство во имя доказательства истинности веры. «Ангел сказал: не поднимай руки твоей на отрока и не делай над ним ничего: ибо теперь я знаю, что боишься ты Бога и не пожалел сына твоего, единственного твоего, для Меня» [14, с. 21]. Но в условиях тоталитарного государства, ломающего душу

человека, иного выхода не было. Это акт самоотверженного противления беззаконию и принесения в жертву самого близкого человека ради спасения народа, всего человечества и собственной души, ибо Солженицын ратует за духовное благополучие, а не материальное. Его мировоззрение сформировалось на основе христианской религиозной традиции и переосмысления исторического развития России. Именно поэтому возвращение Герасимовича к истокам, осознание своей причастности к народу, привело к смене тональности в описании героя. Явные сатирические нотки при описании блокадной жизни героя сменяются восхищением его поведением перед Осколуповым.

Солженицын строит повествование таким образом, чтобы борьба между Добром и Злом из области личностных отношений переходила во вселенское и воспринималась как борьба мирового Добра с мировым Злом. Показательно в этом смысле высказывание Спиридона, который призывает атомную бомбу на себя, свою семью и на других людей, но вместе со Сталиным. Поражает степень отчаяния, до которого довели Егорова. «“Вечность”, – по мнению И.П. Золотусского, – как бы перестала существовать, она из философского понятия, окрашенного в розовые тона, превратилась в черную дыру, из которой идет ядерный смрад» [45, с. 60]. Однако вызывает сомнение, что если бы это было во власти Спиридона, он действительно смог бы применить такое оружие. Но от того, что бунт вершится на словах, он не менее страшен. Солженицын полагает, что народное сопротивление большевистскому режиму не прекращалось никогда, приобретая различные формы. Принимая во внимание христианское мировосприятие, любое вооруженное свержение режима было неприемлемо для Солженицына, а тем более, атомное. Разрушение и смерть не должны лежать в основе будущего. Перед лицом такой опасности существует единственный способ вернуть человечеству бессмертие – стать, наконец, человечеством, с общими проблемами и свершениями, а не классами, государствами, системами и режимами.

Вера в абсолютную нравственность, постигаемую лично и интуитивно, проходит через многие произведения писателя, в том числе и через роман «В круге первом». В этой связи уместно вспомнить одну из проповедей о. Александра Шмемана: «Вынося крест, поклоняясь ему, целуя его, вспомним... о кресте как о

выборе. О выборе, от которого все зависит в мире и без которого все в мире – торжество тьмы и зла» [107, с. 171]. Солженицын открывает нам такое восприятие жизни, где каждый человек постоянно находится в ситуации выбора между добром и злом и по собственной воле увеличивает долю того или иного в своей душе. Исходя из этого, Нержин, а через него и Солженицын, не может принять атомного проклятия. Он надеется найти другие способы борьбы со злом.

Хождение Нержина «в народ», его общение с заключенным дворником Спиридоном, равно как и более ранние наблюдения в лагере, привели его к твердому убеждению, что не существует заведомого превосходства простых людей перед образованными в нравственной стойкости, мужестве и терпении. Объективные обстоятельства позволили Нержину преодолеть грань, отделяющую барина XIX века, пришедшего в народ, от простого мужика. Наблюдения героя, сделанные изнутри, из гущи народной, привели его к убеждению, что представления о каких-либо преимуществах простых людей не соответствуют действительности.

Нержинские попытки подражательства не увенчались успехом. Колебания из одной крайности в другую: от стремления принадлежать к кругу высокообразованных людей, до попытки опроститься и примкнуть к мужикам, не дали результата. «Оставалось – быть самим собой» [88, с. 509]. Равно как и попытки Спиридона «приноровляясь к Нержину» [88, с. 511] употреблять «(чаще – некстати) такие слова, как “период” и “аналогично”» [88, с. 511]. Мягкая ирония звучит в этих словах, наглядно демонстрирующих нелепость слепого подражания. По логике романа у крестьянства и интеллигенции, хотя и разный понятийный аппарат, – общая судьба, общий враг, общий критерий добра и зла. Примечательно, что Нержин – интеллигент, обладающий высоким уровнем интеллекта, получает урок жизни от мужика. Подобное толкование взаимосвязи интеллигенции и крестьянства восходит к биографическим фактам жизни самого писателя, имеющего крестьянские корни. Комплекс неполноценности, свойственный русской интеллигенции XIX века и порождавший поклонение перед «народом – богоносцем», чужд Солженицыну. «Не сверху вниз и не снизу вверх смотрел на этого мужика, пристигнутого событиями, – а касаясь плечом плеча и глазами вровень» [88, с. 521]. Важность связи Нержин–Егоров подчеркнута следующей

деталью: томик Есенина Глеб дарит Спиридону. Это своеобразное признание единства всех людей, живущих на одной территории, и сохранивших душу вопреки внешним обстоятельствам.

Разговор Нержина со Спиридоном дает ключ ко многим явлениям послереволюционной истории нашей страны, напоминая об ответственности каждого за все происходящее. Каждый персонаж предоставлен самому себе и вынужден поступать по собственному усмотрению; каждый становится действующим лицом истории. Судьба всего человечества зависит от действий каждого отдельного человека, неотъемлемую часть личностного существования составляет вовлеченность во внешний мир. Солженицын разрушает традиционную точку зрения, утверждающую, что советскую власть устанавливали в 1917-1919 годах. Вопрос Спиридона: «А ты – не устанавливал?» [88, с. 515] – заставляет Нержина осознать собственную причастность к установлению большевистского режима.

Солженицын призывает людей к духовному совершенствованию и постижению Бога, но не через внешние атрибуты, а через внутреннее осознание необходимости жить по христианским заповедям и уменьшать долю зла в своем сердце.

Авенир знает, что такое национальные традиции, и понимает, что без них невозможно разумное движение вперед. Подобная взаимосвязь прослеживается в рассказах персонажа. В его доме, когда закрыли ставни, ощущалось «успокоительное отделение от мира, потерянное нашим веком» [88, с. 463]. Ю.М. Лотман отмечает: «Среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление Дома (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства) Антидому, «лесному дому» (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир)» [60, с. 748]. Подобное восприятие дома характерно для солженицынских героев. Иннокентий, живущий в прекрасной квартире, только в убогом жилище дяди Авенира ощутил отгороженность от внешнего мира и почувствовал себя дома. Квартира Володина – атрибут его общественного положения, не имеющая ничего общего с домом. Дом дяди – островок культурной традиции, истории, гуманности и личностной самостоятельности. Он сродни Ноеву ковчегу, спасающему душу.

Пространство, отгороженное щелястым забором, имеет еще одно свойство: оно «свое», в отличие от лежащего за его пределами. Детализация, акцентирование внимания на мельчайших деталях дома и двора свидетельствует об их близости не только дяде, но и племяннику. В отличие от душевного уюта и безопасности внутреннего мира, внешний – полон опасностей и вызывает у героя настороженность и тревогу. «Снаружи входит только вредное – или радио, или повестка о налоге, или распоряжение о повинностях» [88, с. 461].

Тверской дядюшка своей скромной жизнью, памятью, способностью трезво и просто смотреть на мир и ясно понимать происходящие события, является хранителем лучших традиций русского народа. Его образ мыслей, его судьба – это судьба типичного русского интеллигента, мечтавшего о свободе и поэтому вышедшего на демонстрацию в поддержку Учредительного собрания. Только убогое существование и постоянная настороженность позволяют ему уберечься от тюрьмы. Образ жизни дяди доказывает возможность и необходимость жить «по совести» [88, с. 461]. Будучи представителем старого мира, дядя не может найти себе применение в советском обществе, где все окутано ложью и полуправдой.

Полагая в качестве основной идеи романа судьбу народа, важнейшим постулатом произведения является вопрос дяди Авенира о границах патриотизма. Под патриотизмом, по мнению героя, следует понимать, прежде всего, нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины. Солженицын настаивает на необходимости национального самосохранения, сбережения народа. Несомненно сходство в мировоззрении Авенира и Нержина. «Всю землю нам баррикадами перегородили! – сердился Нержин. – Вот в этом и ужас! Ты хочешь быть гражданином вселенной, ангелом поднебесья – так нет же, за ноги дергают: кто не с нами, тот против нас! Оставьте мне простору! Оставьте простору!» [88, с. 353]. Истинным патриотизмом, любовью к родине, продиктован страх дяди перед атомной бомбой в руках большевистского правительства. Тверской дядюшка отлично понимает двойственность победы в Великой Отечественной войне. «Мы родину отстояли – и мы ее потеряли» [88, с. 465].

Солженицын сурово обличает отход от истоков, поэтому сравнение Авенира со Сталиным явно не в пользу последнего. Черпающий силу от земли, помнящий прошлое, дядя сохранил ясность мысли и менее подвержен процессу старения, чем Сталин. «Он не только худ, он был конечно, со многими немочами и недомогами, но сколько видно было за солнцем, глаза дядины не покрылись старческим туском и отрешенностью» [88, с. 457].

А.Э. Краснов-Левитин полагает, что история тверского дядюшки не вызывает доверия. «Что старую интеллигенцию зверски истребляли по тюрьмам и лагерям, совершенно верно. Но если интеллигент оставался на воле (как дядюшка Иннокентия), он обычно всегда мог пристроиться на какую-нибудь «беспартийную» должность: учителем, библиотекарем, «делопутом», а если он имел специальность – и говорить нечего: юристы, инженеры, врачи без дела никогда не сидели. Это не ахти что, но все-таки от жен-уборщиц они не зависели и в лачугах не жили» [51, с. 79]. Статья Краснова-Левитина посвящена роману в 87 главах, поэтому рассуждение о работах в СССР в романе из 96 глав представляется своеобразным ответом критику. «Вот на службах – на службах так не поживешь. Там надо гнуться, подличать. Я отовсюду отступал. Не говорю учителем – библиотекарем и то не мог.

– А что так трудно библиотекарем?

– Пойди попробуй. Хорошие книги надо ругать, дурные хвалить. Незрелые мозги обманывать. А какую ты назовешь работу по совести?» [88, с. 461]. В СССР любой вид деятельности предполагал проведение в жизнь линии партии, тем более, те, о которых упоминает критик.

Историю дяди Авенира следует рассматривать как своеобразный бунт против советской действительности. Несмотря на негативное отношение к большевистскому правительству, тверской дядюшка выполняет внешние ритуальные действия, которые позволяют ему выжить в советском государстве. Дядин протест против советской действительности заключается в нежелании «гнуться, подличать» [88, с. 461]. Он предпочел убогое существование, тяжелый труд на земле «всеобщей огрызливой ожесточенной жизни» [88, с. 466]. «Так устроен мир, что он свершается и в добре и зле через нас и только через нас» [66, с. 2]. Солженицын призывает оценивать жизнь общества, нации и человечества руководствуясь общечеловеческими нормами морали.

Слова А.Н. Латыниной: «Представление о том, что общечеловеческой морали нам не нужно, а нужна классовая, что оправдано то, что на пользу победившему классу, вело к страшному извращению нравственных понятий» [54, с. 119], – находят подтверждение в эпизоде восприятия Иннокентием писем и дневников матери.

Один из персонажей романа, художник Кондрашев-Иванов, горячо спорит с Нержиным о духовном совершенствовании и постижении Бога, говоря, что никакие внешние условия не должны сломать внутренней сущности человека. Именно XX век, по его мнению, – это век злодейства. «Да только в нашем веке оно и проявилось впервые, при Шекспире были телячьи забавы!» [88, с. 344-345]. Художник акцентирует внимание на произошедшем в наше время размывании границ между добром и злом. Люди перестали чувствовать разницу между этими двумя понятиями. Кондрашев стремится раскрыть всю неприглядность зла и поэтому в его картинах отражаются крайние свойства людей и предметов. Художник стремится вернуть людям ясное понимание добра и зла. «Не только большие, но пятиэтажные буквы надо над Злом и Добром, и чтоб мигали как Маяки!» [88, с. 345]. Люди должны не только четко осознавать, где добро, а где зло, но и не проходить равнодушно мимо проявлений последнего.

В одной из проповедей о. Александра Шмемана, посвященной Крестопоклонной неделе, говорится: «Мы знаем, что мучили, распинали, ненавидели Христа не какие-то изверги, специально, особо злом одержимые люди. Нет, в сущности, это были люди “как все”... Но разве не совершается то же самое и в окружающей нас жизни? Разве не присутствует Пилат в каждом из нас все время? Разве, когда приходит час сказать решительное, бесповоротное *нет* неправде, несправедливости, злу и ненависти – мы не сдаемся на этот соблазн “умыть руки”?» [107, с. 169-170]. Именно в связи с этим Кондрашев озабочен поисками Совершенства. Он верит, что в человека «от рождения вложена некоторая Сущность!» [88, с. 345] и что «каждый человек носит в себе Образ Совершенства, который иногда затемнен, а иногда так явно выступает!» [88, с. 345], поэтому никакие внешние условия не должны сломать человека. Кондрашев, а вместе с ним и автор, связывает сталинские лагеря с самым большим проявлением зла, оказывающим существенное влияние на внутреннюю сущность человека.

В описании внешности героя заложена утонченность, устремленность ввысь. «Высокий, прямой Кондрашев...» [88, с. 561], «...вылезавший руками и ногами из своего недостаточного комбинезона, неподвижно стоял, длинный, негнувшийся...» [88, с. 338]. Сходная роль – демонстрация духовного потенциала человека – отведена автором ученому Челнову. Писатель наделил его не только незаурядным талантом математика, энциклопедической образованностью, но и высокими душевными качествами. Необычная внешность Челнова оказывается значимой, та или иная деталь неожиданно его преображает. Плед, накинутый на плечи, напоминает античную тогу, кресло «с прямой высокой спинкой» [88, с. 232] – трон, «длинный отточенный карандаш» [88, с. 232] – копье.

Воплотив бинарную систему в рассуждениях Кондрашева, Солженицын вбирает все достижения предшествовавших периодов. «Русская культура, – по свидетельству Ю.М. Лотмана, – самоосмысляется, с некоторой точки зрения, как резко распадающаяся на две возможные подгруппы. Бинарная структура самоописания, подразумевающая деление всего в мире на положительное и отрицательное, на греховное и святое, на национальное и искусственно привнесенное или на ряд других возможных противопоставлений, характерна для русской культуры на всем ее протяжении» [60, с. 596]. Исходя из подобного мироосмысления путь к добру может проходить через предельную степень зла. «Такой путь мыслится как переход от зла к добру, но движение это, осуществляемое человеком, требует достижения предельной степени зла, определенного преломления в душе человека и последующего восхождения к добру. Сюжет этого типа, известный в средние века и связанный с разнообразными вариантами истории о великом грешнике, особенно явно реализовавшийся в апокрифах, получает продолжение в романтической литературе и достигает своего наибольшего выражения в творчестве Гоголя и Достоевского» [60, с. 596], имеет, с нашей точки зрения, продолжение в романе Солженицына.

Нержин же более привержен тернарной модели, включающей мир зла, мир добра и мир, который не имеет однозначной моральной оценки и характеризуется признаком существования. Он оправдан самим фактом своего бытия. Герой полагает, что лагерь ломает человека, поставленного в невыносимые условия

существования и опустившегося до уровня «людоеда» ради сохранения физической жизни, абсолютно не заботясь о духовности. Он не осуждает огульно людей, не выдержавших лагерных мучений, пытается их понять, ибо их поведение оправдано самой жизнью.

Однозначного взгляда на эту проблему нет. На двойственность этой проблемы также обратил внимание и И. Золотусский. «Да, страдания дают знание жизни и знание людей, они помогают понять других и понять себя. Но они и калечат. Они ожесточают и уродуют душу» [45, с. 61]. С. Залыгин согласен с Кондрашевым, а значит и с Солженицыным, что Россия в XX веке прошла страшную и страдальческую историю. Но тут же добавляет, примыкая к художнику-идеалисту, что «страдания не только убивают и калечат, страдания возвышают...» [43, с. 24]. В.Т. Шаламов, сам много страдавший, не согласен с подобным утверждением. Автор «Колымских рассказов» считает лагерь «отрицательным опытом для человека – с первого до последнего часа. Человек не должен знать, не должен даже слышать о нем. Ни один человек не становится ни лучше, ни сильнее после лагеря. Лагерь – отрицательный опыт, отрицательная школа, растление для всех – для начальников и заключенных, конвоиров и зрителей, прохожих и читателей беллетристики» [103, с. 106].

Однако Солженицын, сам прошедший сталинские лагеря, все-таки верит, как и Кондрашев, в существование людей с внутренним стержнем, с «Богом в душе». В данном случае речь идет о катарсисе, которого способен достичь человек, несмотря ни на какие страдания. Аристотель говорил, что именно в процессе переживания человеком сострадания и страха наступает очищение от страстей и человек приближается к совершенству [8].

Уместно, с нашей точки зрения, упомянуть о сходстве Кондрашева-Иванова с художником А.А. Ивановым. Картина «Замок Святого Грааля» является явной аллюзией на картину Иванова «Явление мессии народу». Трагедия земной жизни преодолевается путем приобщения к неземному, сверхчеловеческому: религии, неземной чистоте и красоте. Замок Грааля накладывается на злое, концентрационное место. Пространство и человек разгибаются, перестают подчиняться лагерной горизонтали. «Картина задумана была по высоте в два раза больше, чем по горизонтали. Это была клиновидная щель

между двумя сдвинутыми горными обрывами. На обоих обрывах, справа и слева, чуть выступали в картину крайние деревья леса – дремучего, первозданного» [88, с. 347]. Знаковыми, безусловно, здесь является сочетание слов высота и горизонталь. Картину создал заключенный художник, создается впечатление, что над ним не властен лагерь. Он призывает не просто к преодолению горизонтали и достижению вертикали, но к духовному восхождению к вершине Совершенства, к обретению Бога.

Социальное положение человека, его место в общественно-государственной иерархии в художественном мире романа оказывается обратно пропорционально степени личной свободы, доступной ему. Идею свободной личности в обстоятельствах, которые, казалось бы, лишают человека всяческой свободы, высказывает заключенный Бобынин в беседе с министром Абакумовым. Свобода, о которой говорит персонаж – это свобода духа, которая доступна людям, наделенным даром интенсивной внутренней жизни. Кондрашев-Иванов со своим мировосприятием не вписывается в советскую идеологическую систему. Потомок декабриста не может смириться с разрушением России и рассказывает о картине П.Д. Корина «Русь уходящая». Сюжет этой картины – это Русь, все то лучшее, что было, но все оно уходит, уничтоженное большевистским режимом. «Лица, которые еще можно встретить на семейных фотографиях, но которых уже нет вокруг нас. Это светящиеся старорусские лица мужиков, окладистые бороды, до восьмого десятка свежесть кожи, взора и мыслей» [88, с. 561]. Размеренная жизнь и занятие любимым трудом без аврального темпа работы и постоянного страха способствовали тому, что люди долгое время сохраняли работоспособность и ясность мысли. Мало людей показано на этой картине. Веет от них степенностью и чистотой. Эти люди никак не сгруппированы. «Распалась связь времен!» [88, с. 562]. «Они – идут; и не по этому конкретному большаку, а вообще! Они уходят...последний раз мы их видим...» [88, с. 562]. Лучшее из того, что было в России безвозвратно уходит.

Художник-идеалист с болью душевной переживает падение народной нравственности, уничтожение Руси, ее традиций и самобытности. Примечательно, что в ходе работы Иванова над картинами, созданию каждой фигуры, каждого портрета предшествовало большое количество эскизов, поисков

психологически выразительных типов. Стиль работы Кондрашева соответствовал данному методу, с его стремлением изобразить не только внешность человека, но и его внутренний мир. У Корина портреты героев изображены в традициях древнерусской живописи: лица и фигуры удлинены, как бы тянутся к небу. Таковы и наиболее одухотворенные герои Солженицына, личности необыкновенные, преодолевшие нечеловеческие условия.

Б.Г. Реизов полагает, что «основная задача литературы, смысл ее существования в том, чтобы помогать человеку изменять действительность в самом широком смысле этого слова» [79, с. 13]. Подобное утверждение очень близко Солженицыну. Он обращается к читателю, пытается оказать на него влияние, заронить сомнение, заставить задуматься и через это духовно развиваться. Позволим себе расширить это высказывание и предположить, что Солженицын видел в этом не только задачу литературы, но и задачу всего искусства в любом его проявлении, будь то изобразительное искусство, музыка или театр. С этой точки зрения, трудно согласиться с мнением М. Лифшица о Кондрашеве. «Он представлен с некоторым уважением, между тем (за исключением верной мысли о том, что Левитан не исчерпал русскую природу) он несет обыкновенную интеллигентскую чушь, не имеющую отношения к изобразительному искусству» [58, с. 83]. Думается, что основная роль Кондрашева в романе состояла в разрушении советских стереотипов и обращении к духовной природе человека, а не рассуждения об искусстве. Своими картинами Кондрашев пытался показать вырождение человека в сталинском государстве.

4.2. Советская действительность

Роман пронизан болью, которую вызвал в душе писателя трагический разрыв с исконными национальными ценностями, возникший при советской власти. Для Солженицына понятия «русский» и «советский» не только противоположны, но и враждебны. По мнению Ю. Цурганова [99], события октября 1917 года – обрыв русской традиции, а не ее продолжение в видоизмененной форме. Один из персонажей романа, вспоминая о жизни при царе, говорит о расцвете торговли и об обилии товаров,

что свидетельствует о высоком уровне развития промышленного производства. Доброта и беззлобная улыбка – основные характеристики Земели, относящие его к людям старого времени. Он разительно отличался от вечно настороженных, замкнутых, озлобленных советских людей. Исходя из воспоминаний персонажа, можно сделать вывод, что он не принадлежал к дворянскому сословию, не жил в роскоши, но своим примером подтверждает, что работая, человек мог обеспечить себе достойный образ жизни. Показав людей разных сословий, их восприятие жизни при двух режимах, Солженицын разоблачил ложь большевиков.

Достаточно наглядно автор показал изменение отношения к трудящимся со стороны власти. При царе, а позже и при НЭПе, по утверждению Земели, существовала монета в полкопейки и ни у кого не вызывало сомнений, что ее нужно заплатить или дать сдачу в размере полкопейки. В СССР установилась практика не выплачивать мелких денег. Перед нашими глазами проходит история исчезновения мелких денег в Советском Союзе и формирование соответствующей психологии людей. Если человек хочет, чтобы ему заплатили все заработанное им, его считают мелочным. «Полкопейки – это уважение к человеку...» [88, с. 416]. «За полкопейки не постояли – вот полжизни и потеряли» [88, с. 416]. Люди были лишены элементарных удобств и не имели никаких прав в своей стране. Они не могли свободно передвигаться, железнодорожные поездки были сопряжены со множеством трудностей. Для того, чтобы купить билет людям приходилось неделю стоять в очереди «или совать пугливую взятку у задних дверей кассы» [88, с. 270].

В царской же России людям не приходилось ожидать поезда по несколько суток и не было проблем с билетами. «Приходи за минуту, покупай, садись, всегда вагоны свободные. Поезда гоняли – не сэкономили» [88, с. 329]. Кульминационной точкой сравнения двух стилей жизни, является заявление Земели: «это до советской власти было, значит, – мирное время» [88, с. 415]. Ретроспективная точка зрения позволяет отобрать необходимый материал для воплощения авторской концепции и в концентрированном виде представить две эпохи.

Именно из-за «зрячей» любви Солженицын стремится рассмотреть советскую систему со всех сторон, вскрыть все ее

недостатки и разрушить миф о возможности построения социализма с человеческим лицом.

Венгерка Эржика, борющаяся у себя на родине за установление социалистического строя, в СССР узнала много удивительных вещей: «то инженер отказался ехать на увлекательное сибирское строительство, а остался в Москве продавать пиво; то кто-то защитил диссертацию и вообще не работает. («Разве в Советском Союзе бывают безработные?») То, будто, чтобы прописаться в Москве, надо дать большую взятку в милицию» [88, с. 363]. Прием острашения позволил Солженицыну вскрыть факты, которые упорно скрывались служителями идеологии и уже стали привычными для советских людей. Эржика полагала, что это временные явления, но, в то же время, ее беспокоили события, происходящие на ее родине. До нее доходили слухи, что арестованы многие бывшие подпольщики. Образ Эржики сродни образу Рубина, который также не желал менять своего мировоззрения, несмотря на то, что сам оказался в тюрьме. Думается, что Эржика в аналогичной ситуации повела бы себя так же, ибо она смотрела, удивлялась, но не видела, не хотела анализировать происходящие события.

По мнению Ж. Нива [70], тайну женщины лучше всех выражает Агния. Ее греческое имя обозначает чистоту, и она символизирует любовь, отрекающуюся от плоти. Образ Агнии силен своей необычностью, чем-то мистическим в нем. Она приводит Яконова в церковь Никиты Мученика и он приобщается к красоте канона Богородице. «Канон писал не бездушный церковный начетчик, а неизвестный большой поэт, полоненный монастырем, и был он движим не короткой мужской яростью к женскому телу, а тем высшим восхищением, какое способна извлечь из нас женщина» [88, с. 179]. Эта девушка совершенно не вписывалась в советскую действительность, не включалась во всеобщий авральный темп, предпочитала гулять по лесу, находя там спокойствие и уединение. Близость Агнии к истокам, экзистенциальная связь с природой и землей роднит ее с образом дяди Авенира. Их выпадение из советской действительности, стремление к уединению и отгороженности свидетельствует о принадлежности к старой Руси. Тихое исчезновение Агнии из жизни Яконова и со страниц романа сродни исчезновению старой России, ее одухотворенности и веры в Бога.

Именно Агния открывает декабристскую тематику в романе. Она без колебаний отпустила бы своего возлюбленного в декабристы и последовала бы за ним в ссылку. Солженицын сравнивает положение жен политических заключенных в сталинском государстве и спутниц декабристов при царизме. Последние были окружены всеобщим восхищением, как героини следовали за мужьями в ссылку. Жен политических заключенных в СССР ожидал бойкот, увольнение с работы и полное бесправие. Все тяготы жены политического заключенного испытала на себе Наталья Павловна Герасимович. «Ты живешь среди друзей! Ты занимаешься своей любимой работой! Тебя не водят в комнаты за черной кожей! А я – уволена! Мне не на что больше жить! Меня никуда не примут! Я не могу! Я больше не в силах! Я больше не проживу одного месяца! Месяца! Мне лучше – умереть! Соседи меня притесняют как хотят, мой сундук выбросили, мою полку со стены сорвали – они знают, что я слова не смею... что меня можно выселить из Москвы! Я перестала ходить к сестрам, к тете Жене, все они надо мной издеваются, говорят, что таких дур больше нет на свете. Они все меня толкают с тобой развестись и выйти замуж» [88, с. 293-294]. МГБ прилагало все усилия, чтобы о женах врагов народа становилось известно всем соседям и «вокруг них было бы создано здоровое общественное мнение» [88, с. 208]. Люди сами помогали власти уничтожать себя, если не физически, то духовно. Факт отречения от родственников не считался предательством, он не карался, а, наоборот, приветствовался. Происходил процесс духовного разложения, сострадание и стремление помочь ближнему не приветствовалось.

Жертвенность, присущая русскому народу и воспетая в образах Бориса и Глеба, перестала быть добродетелью. Христианские заповеди, ограничивавшие проявление зла в человеке, были отвергнуты большевиками, а вместо них насаждалась коммунистическая идеология. По мнению В. Евсюкова, это «философия жизни, подрывающая в корне нравственность. Но человек, лишенный нравственности, – это потенциальный убийца, насильник и грабитель. Он – животное, которое не аморально, но имморально, ибо оно не умеет отличать добро от зла, не знает их» [40, с. 148]. Н.А. Бердяев полагает, что марксизм считает зло путем к добру. «Новое общество, новый человек рождается от нарастания зла и тьмы, душа нового человека

образуется от отрицательных аффектов, из ненависти, мести, насильничества» [13, с. 149]. Среди пустых слов и трескучих фраз о гражданских добродетелях, о революциях, о социальной справедливости, среди интриг начальства, соперничества и зависти выступает как антитеза не только скромная и как будто бессильная честность и жертвенность отдельных лиц, но и весь русский народ как нечто цельное и в «темноте» своей инстинктивно ведущее свою собственную линию.

Солженицын противопоставляет слова и дела, подчеркивая отсутствие заботы о простых гражданах со стороны сталинского государства. Более полное представление о жизни простых людей в Советском Союзе можно составить по письмам жены заключенного Дырзина. Сам внешний вид письма свидетельствует об усталости и безысходности женщины. Она говорит, что денег не хватает на самое необходимое. Многие товары и услуги были недоступны простым гражданам. «Угля на складе не добьешься, только начальству или по благу» [88, с. 619]. Подтверждают это и слова Н.А. Бердяева. «Простой рабочий сплошь и рядом получает 75 рублей в месяц, советский же чиновник, специалист – 1500 рублей в месяц. И это чудовищное неравенство существует в коммунистическом государстве. Советская Россия есть страна государственного капитализма, который может эксплуатировать не менее частного капитализма» [13, с. 105]. На фоне этого заявление Рубина о стремлении большевиков к равенству не имеют ничего общего с действительностью. Прием контраста позволяет автору разоблачить лицемерие большевиков.

4.3. Творцы

Художественный мир, созданный Солженицыным, опирается на отечественную и мировую этико-философскую и эстетическую мысль. «Художественный опыт русской классики, – по мнению А.В. Урманова, – органично входит в художественное сознание современного писателя, о чем свидетельствует постоянное и целенаправленное использование тем, мотивов и образов,

разработанных классическими реалистами, а также опора на их этические идеи» [98, с. 181]. В противостоянии палачей и жертв духовное превосходство последних настолько очевидно, что говорить о равном идеологическом диалоге между ними даже не приходится. Солженицын переводит действие во внесобытийный ряд. Внутреннее действие романа развивается в диалогах и ожесточенных спорах героев. Однако спор идет не только между угнетателями и угнетенными, но и внутри самого социума узников. В этом специфическом пространстве пересекаются различные точки зрения, в том числе и диаметрально противоположные. Такой художественный прием позволяет Солженицыну создать эффект пространственной и временной открытости картины бытия, дает читателю возможность воспринимать изображаемые в романе события как часть глобального сверхисторического и вневременного этико-философского диалога.

кадр из фильма "В круге первом"

Центральное место в интеллектуальном поле романа занимает спор между различными версиями исторической судьбы России. Выразителями этих взглядов выступают Нержин, Рубин, Сологдин. Эти герои живут одновременно как

бы в двух мирах: в реальном мире спецтюрьмы МГБ и в мире вечных этико-философских идей. Спор героев-идеологов образует интеллектуальное ядро романа, к которому стягиваются все сюжетные коллизии. Действительность познается не только через конкретно-чувственное восприятие персонажей, но и посредством выработанных мировой художественной и философской мыслью универсальных идей и образов. В изображении Солженицына, Марфинская шарашка предстает областью духовной свободы, а ее узники – носителями культуры. Герои-идеологи часто демонстрируют свою эрудицию, цитируя философов и писателей. А.В. Урманов отмечает: «Сама реальная действительность в этом случае несколько смещается на второй план, “покрывается философской мыслью”, “оплетается” заимствованной мудростью,

не только показывается, изображается, но и интерпретируется, оценивается сквозь призму мировых философских учений» [98, с. 182].

Среди других обитателей шарашки Рубин, Нержин и Сологдин воспринимаются как своеобразная тройка, как три рыцаря идейно-нравственной борьбы. Рубин характеризуется как человек предпочитающий не видеть действительности и старающийся ее оправдать. Столкнувшись с людьми, осужденными по явно сфабрикованным делам, Рубин не перестает верить в коммунистические идеалы. Общаясь с пленными немцами, герой не мог сказать то, что реально происходило, но должен был излагать события с партийной точки зрения. «А поэтому следовало отбирать для них, как и для Истории (как бессознательно отбирал он и для себя) – только те из происходящих событий, которые подтверждали предсказанную столбовую дорожку, и пренебрегать теми, которые заворачивали как бы не в болото» [88, с. 26]. Уместно сравнить Рубина с Дон-Кихотом, с его неспособностью отличить действительность от художественного вымысла. В образе Дон-Кихота проявляются две наиболее характерные особенности: вызывающая насмешку неспособность понять жизнь и адекватно ее воспринять и, одновременно, возвышение над нею. Герой предстает одновременно в комическом и трагическом облике. Ю.М. Лотман отметил, что такой «подход позволяет писателям, в зависимости от разнообразия их позиций, показать в двойном освещении мечтателя-романтика, идеалиста-революционера, носителя идеалов будущего или же донкихотствующего борца против реальности во имя недостижимых химер» [60, с. 744]. Отсюда и достаточно неоднозначное восприятие фигуры Рубина, представленное в работе М.А. Лифшица: «Трудно решить, кто он – трагическое лицо, коммунист, продолжающий верить в свою идею несмотря на все, что обрушила на него реальность сталинской эпохи, или это смешной и претенциозный болтун» [58, с. 76].

Персонаж стоит перед тройным конфликтом. Во-первых, Рубин, пройдя войну и лагеря, продолжает верить в правильность того, что делает партия или делается во имя социализма. В душе героя общечеловеческое «добро» подменено полезностью социализму. «Как можно сравнивать людей, вредящих социализму, и людей, служащих ему?» [88, с. 351]. Во-вторых, так называемый конфликт мировоззрений, неосознаваемый персонажем, друзьями

которого в тюрьме были люди, не разделявшие коммунистического мировоззрения, а «услышав откровенности своего как будто единомышленника и почитав его стихи, Рубин откинулся от такой находки, стал избегать Мамурина» [88, с. 68].

Рубинское выступление в качестве прокурора «по следственному делу номер пять миллионов дробь три миллиона шестьсот пятьдесят одна тысяча девятьсот семьдесят четыре по обвинению Ольговича Игоря Святославича» [88, с. 401] служит сатирическому обличению советской практики фальсификации дел. Русский князь обвиняется в том, что «он совершил гнусную измену Родине, соединенную с диверсией, шпионажем и многолетним преступным сотрудничеством с половецким ханством, то есть в преступлениях, предусмотренных статьями 58-1-б, 58-6, 58-9 и 58-11 УК РСФСР» [88, с. 403]. В качестве доказательства Рубин блестяще использует многочисленные цитаты из «Слова о полку Игореве»: «Самому преступнику удалось ускользнуть от следствия и суда, но свидетель Бородин Александр Порфирьевич, а также свидетель, пожелавший остаться неизвестным, в дальнейшем именуемый как автор Слова, неопровержимыми показаниями изобличают гнусную роль князя И.С. Ольговича не только в момент проведения самой битвы, принятой в невыгодных для русского командования условиях

метеорологических:

«Веют ветры, уж наносят стрелы,
На полки на Игоревы сыплют...»,

и тактических:

«Ото всех сторон враги подходят,
Обступают наших отовсюду»,

(там же, том 1, листы 123, 124,
показания Автора Слова),

но еще более гнусное поведение его и его княжеского отпрыска в плену» [88, с. 402]. Пародия на правосудие вызывает безудержный смех всех заключенных, потому что каждый из них обнаруживает свое собственное «дело» в процессе князя Игоря. Эта инсценировка представляет собой освободительное шутовство, катарсис мира заключенных посредством насмешки. Оценка действий православного князя с точки зрения советского Уголовного кодекса позволяет сделать вывод, что XX век явно отстает в морально-этическом отношении от века XII. Рубин «хотел, чтоб его ирония

коснулась только несправедливых судов, люди же не знали, где остановиться, и насмехались над самым дорогим – над социализмом» [88, с. 409].

Достаточно умный и образованный человек настолько подчинен идеологической абстракции, что не может объективно воспринимать существующую реальность. Все, что не укладывается в строгие рамки идеи, считается несуществующим или ошибочным. А.С. Немзер полагает: «Абстракция – идеал Рубина, кристаллическая структура понятнее и дороже ему неоднородной, аморфной истории бытия» [67, с. 34]. Герой испытывает отвращение к новым господам жизни, однако он готов презреть свои чувства, стать их союзником и прозреть идеалы своей молодости сквозь столь непривлекательную оболочку. «Но так сложилось, что объективно на данном перекрестке истории они представляют собою ее положительные силы, олицетворяют диктатуру пролетариата и его отечество» [88, с. 257].

Третий конфликт – между партией и совестью – внутренне осознается героем, но он боится в нем признаться. Был в молодости Рубина эпизод, когда партия, надев личину совести, заставила его выдать двоюродного брата. Герой не может связать свое раскаяние (воспоминание о первой слабости перед ГПУ и еще более страшные – уничтожение людей во время коллективизации) и день сегодняшней. Он мысленно осознает свое одиночество, не только в том смысле, что остается без медицинской помощи, но и среди других заключенных. Символично в этом смысле название 71 главы «Будем считать, что этого не было». Если бы Рубин смог все забыть и без зазрения совести провозглашать идеологические клише, он утратил бы человеческий облик и сравнялся с другими служителями режима. Но герой, в отличие от Макарыгина, раскаивается в содеянном. «А сейчас вжато в голову. Врезано каленой печатью. Жжет. И чудится иногда: раны тебе – за это! Тюрьма тебе – за это! Болезни тебе – за это!» [88, с. 544]. Последняя фраза внутреннего монолога звучит как обращение к Богу в надежде на чудо: «Сделай так, чтоб этого не было!..» [88, с. 544]. Этот бессознательный порыв свидетельствует о том, что душа Рубина живая, искусственно втиснутая им в идеологические рамки.

Принимая во внимание внутренний и внешний мир, следует обратить внимание на двойственность Рубина. Внешне он

отстаивает коммунистические идеалы, произнося определенный набор клише, внутренне – осознает, что не все происходит так как предполагалось. С одной стороны, жизнь осуждается как нечто низменное, неспособное подняться до своих же собственных идеалов; с другой – сами эти идеалы подвергаются сомнению как лишённые корней, связывающих их с подлинной реальностью. Убежденность в правильности социалистической доктрины и стремление быть честным в сочетании дают теоретические поиски «гуманного социализма». Теория «гуманного социализма» излагалась Солженицыным неоднократно. В «Раковом корпусе» ее придерживается Шулубин [90]. Позицию героя нельзя отождествлять с авторской. Писатель понимал, что соединить гуманизм с идеей классовой борьбы невозможно.

У Володина процесс «пробуждения совести» переходит в совершение поступка для спасения человечества, у Рубина же – остается предметом тайных мучений, не приводящих к осознанию истинной сущности большевистского режима. Ночные мытарства персонажа заканчиваются приобщением к природе. На взбудораженного воспоминаниями Рубина падают «детски-невинные» [88, с. 548] снежинки. Использование подобного символа, Солженицын подчеркнул, что герой хотел забыть не только о зле содеянном им, но и об окружающем его, не случайно и паровозный гудок напомнил ему детство. «Его пронзило наслаждение покоя, тем более острое, чем оно было кратче, – вся сила бытия, все счастье никуда не идти, ничего не просить, ничего не хотеть – только стоять так ночь напролет, замерев – блаженно, благословенно, как стоят деревья, ловить, ловить на себя снежинки» [88, с. 548]. Мешает очищению не только надзиратель, но и сам Рубин.

В персонаже борются два начала: идеологическое и человеческое. Отсюда противоречие, достаточно ярко выраженное в портретном описании героя. «Когда глаза его не были искажены страстью спора, они были почти женственно мягки» [88, с. 54]. «Когда Рубин так устремленно смотрел, его лицо стягивалось и становилось жестоким. Нельзя было вымолить пощады у человека с таким лицом» [88, с. 256]. С одной стороны – мягкость и заботливость, с другой – жестокость и безжалостность, даже беспощадность. Подобное превращение происходит под влиянием

огненного колеса. Колесо идеологии давит на героя, подавляя человеческие чувства.

Объективизированное акториальное повествование дает возможность показать психологический портрет персонажа, характеризующий его состояние, обусловленное происходящими событиями и подготавливает читателя к субъективизации повествования. «Рубин курил, жуя и сдавливая мундштук папиросы. Его переполняло, разрывало. Разжалованный, обещанный – вот понадобился и он! Вот и ему сейчас доведется посильно поработать на старуху-Историю. Он снова в строю! Он снова – на защите Мировой Революции!» [88, с. 256]. Здесь достаточно нагляден переход от портретного описания к несобственно-прямой речи. Подобным образом думает Рубин, но не писатель, придерживающийся диаметрально противоположных взглядов на мировую революцию. В данном эпизоде воззрения автора и персонажа распадаются, однако писатель не вступает в непосредственную полемику с героем. В обрисовке характера Рубина писатель стремится добиться предельной психологической убедительности. Характер персонажа не является цельным, однозначным. За твердостью идейной позиции скрыт душевный надлом.

Определенная доля сомнений, зародившаяся после разговора «три нуля», уступила место в душе Рубина обиде и отчаянию. В споре с Сологдиным герой ясно почувствовал слабость и недостаточность своих аргументов в защиту «Передового» Учения; шаблонные фразы классиков марксизма не смогли переубедить оппонента. Язвительное предложение Сологдина: «Раз Шишкин-Мышкин вершат правое дело – почему им не помочь, не постучать, скажи?.. И Шикин напишет тебе хорошую характеристику! И твое дело пересмотрят...» [88, с. 532] – вызывает негодование со стороны Рубина. Оперуполномоченный Мышин пытался склонить Рубина к осведомительству, однако получил отказ: «Так вот я свою преданность советской власти уже кровью доказал, а чернилами доказывать – не нуждаюсь» [88, с. 198]. Несмотря на столь решительный протест, герой с готовностью идет на сотрудничество с МГБ и выполняет задание тех, кому подчинены Шикин и Мышин. Персонаж, по-человечески привлекательный, поставлен автором в ситуацию безысходности, так как смысл жизни он видит в борьбе за коммунистические идеалы.

Признавая справедливыми многие замечания Сологодина, но считая невозможным отступить от своих убеждений, поняв серьезность идейных расхождений с товарищем, он приходит к опасной мысли: «Ничем другим их не пробьешь, меднолобых! Никакими фактическими доводами и историческими оправданиями потом не будешь перед ними прав! Атомную бомбу! – вот это одно они поймут. Перемочь болезнь, слабость, нежелание – и завтра с раннего утра припасть, принюхаться к следу этого анонима-негодяя, спасти атомную бомбу для Революции» [88, с. 534]. Таким образом, Рубин оказывается сторонником насилия как универсального средства переустройства мира.

Рубин, подобно Сологдину, живет под закрытым забралом. Идеологические клише и установки, столь рьяно им отстаиваемые, служат броней, скрывающей страх персонажа перед крушением иллюзий. Рубин, вообще, главный спорщик. Он спорит со всеми и обо всем. Конфликты, пронизывающие всю ткань повествования, выражаются посредством речи: диалогической, монологической, внутренней, обращенной. Если сравнивать диалоги героев Солженицына и Достоевского, то наблюдается следующее различие: герои Достоевского зачастую ведут идеологические споры сами с собой или со своими двойниками. Подобный характер носят разговоры Ивана Карамазова с чертом или со Смердяковым («Братья Карамазовы»), между Раскольниковым и Свидригайловым («Преступление и наказание»). Не менее характерна для диалогов героев Достоевского форма исповеди: таковы, например, многочисленные исповеди разных героев перед Алешей Карамазовым. Противоположные мнения в романе Солженицына высказывают герои-оппоненты. Столкновение разных, а порой и диаметрально противоположных мнений позволяет героям Солженицына осмыслить окружающую действительность, наполненную противоречиями и абсурдом. «Герой Достоевского старается разобраться в самом себе, герою же Солженицына некогда заниматься такой «роскошью»: на него давит внешняя действительность, которая требует ясности, а это не легко» [47, с. 118]. С нашей точки зрения, с подобным утверждением Л. Клейман нельзя полностью согласиться. Внутренние конфликты персонажей находят свое отражение не только в поведении, но и в высказываниях героя. Безусловно, животрепещущей является тема социального устройства страны, но не менее важно восприятие

героями советской действительности, что обусловило разнополярность взглядов на происходящее.

Свое понимание жизни у Дмитрия Сологдина, героя сложного и во многом противоречивого. «Он был искренне набожен и захваченно тщеславен. Он был жертвенен, но и сребролюбив» [88, с. 233]. Знатное происхождение и высокий интеллектуальный уровень породили у него ощущение собственной неординарности. Дмитрий Сологдин находится в оппозиции к существующему режиму. Все, что началось в России после 1917 года герой считает «Новым смутным временем» [88, с. 189]. Талантливый инженер и оригинальный мыслитель, он не поддавался идеологической обработке, сохранил веру, личное достоинство и силу духа.

Согласно логике персонажа, целеустремленность, отвага и высота помыслов ведут к успеху. В споре с Рубиным Сологдин произносит: «С вами разговаривать! Тридцать лет вы живете и дышите этим девизом... «цель оправдывает средства». А спросить вас в лоб – признаете его? – я уверен, что отречетесь! Отречетесь!» [88, с. 527]. Девиз, являющийся основой морали иезуитов, не должен применяться, по мнению Сологдина, ни в личных, ни в общественных отношениях: «чем выше цель, тем выше должны быть и средства! Вероломные средства уничтожают и самую цель!» [88, с. 527]. Посредством бесчеловечной морали, оправдывающей ради достижения цели все средства, вплоть до убийства, Сологдин объединяет казуистику иезуитов и марксистское мировоззрение: «Да разве у вас – революция? У вас – одно злодейство, кровь с топора! Кто бы взялся составить только список убитых и расстрелянных? Мир бы ужаснулся!» [88, с. 528]. Подобным же образом Сологдин оценивает и комсомол: «Мефистофельское начало! – всякого, кто коснется его... Маргарита! – потеря чести! смерть брата! смерть ребенка! безумие! гибель!» [88, с. 529].

Тем не менее, персонаж, ради сохранения собственной жизни, идет на сотрудничество со сталинским режимом, создав проект абсолютного шифратора, понимая для чего будет использоваться его изобретение. Сологдин, будучи героем интеллектуального склада, ищет теоретическое обоснование своему поступку. «Можно ли любить столь дурную страну? Этот обезбоженный народ, наделавший столько преступлений, и безо всякого раскаяния – этот народ рабов достоин ли жертв, светлых голов, анонимно

лежащих под топор? Еще сто и еще двести лет этот народ будет доволен своим корытом – для кого же жертвовать факелом мысли?

Не важней ли сохранить факел? Позже нанесешь удар сильней» [88, с. 578].

Сологдин предает не только Россию, но и Запад, которому тоже вынес приговор: «И никогда уже Франция не поднимется! Разве только с помощью римской церкви» [88, с. 500]. Невзирая на твердость и решительность в разговоре с Яконовым, на кажущуюся победу над инженер-полковником, очевидна моральная капитуляция героя. Об этом свидетельствует и текстовая аналогия между суждениями персонажа о себе и авторским замечанием о предстоящем арестантском этапе. «Дмитрий Сологдин, с незаурядными способностями ума и тела, имел право на свою жатву, на свой отстой молочных благ» [88, с. 577]. «Четыре человека из двадцати пяти – это была необычная, обильная жатва жертв» [88, с. 732].

Солженицын неоднократно упоминает о внешнем сходстве персонажа с Александром Невским, причисленным православной церковью к лику святых. «Лицо Сологдина, собранное, худощавое, со светлой курчавящейся бородкой и короткими светлыми усами чем-то напоминало лик Александра Невского» [88, с. 192]. Портретное описание Сологдина восходит к традициям русских классиков. «С белокурой бородкой, ясными глазами, высоким лбом, прямыми чертами древнерусского витязя, Сологдин был неестественно, до неприличия хорош собой» [88, с. 419]. Портрет Сологдина изображен по тем же принципам, что и описание внешности Ставрогина в романе Достоевского «Бесы»: «Волосы его были что-то уж очень черны, светлые глаза его что-то уж очень спокойны и ясны, цвет лица что-то уж очень нежен и бел, румянец что-то уж слишком ярк и чист, зубы как жемчужины, губы как коралловые, – казалось бы писанный красавец, а в то же время как будто и отвратителен» [37, с. 53]. Описания обоих героев объединяет один характерный признак – чрезмерность красоты, делающей ее неестественной. Близость портретов позволяет сделать вывод о сходстве персонажей: раздвоенный Ставрогин и состоящий из «девяти ошарий» Сологдин. «Не забывай, что мы живем под закрытым забралом. Всю жизнь – под закрытым забралом! Нас вынудили. А люди и вообще, и без этого – сложней, чем нам рисуют в романах. Писатели стараются объяснить нам

людей до конца – а в жизни мы никогда до конца не узнаем. Вот за что люблю Достоевского: Ставрогин! Свидригайлов! Кириллов! – что за люди? Чем ближе с ними знакомишься, тем меньше понимаешь» [88, с. 186].

Думается, здесь Солженицын не только выявил природу психологизма Достоевского, считавшего, что человек принципиально необъясним и содержит нечто непонятное ни ему самому, ни окружающим, но и опосредовано охарактеризовал героя. Эта фраза воспринимается как самохарактеристика персонажа, намекающего на свою неоднозначность. К нему нельзя применить формулу тождества: X есть X. Исходя из подобной концепции, подлинная жизнь личности совершается как бы в точке несовпадения человека с самим собою, в точке выхода его за пределы всего, что он есть как вещное бытие, которое можно определить и предсказать помимо его воли. Осознание человеком несовпадения и стремление к нему является движущей силой жизнедеятельности. Стремление сохранить собственное «я» побудило Сологдина выработать особую тактику поведения и скрывать внутренний мир от всех и даже от друзей. Лишь в минуту крайнего раздражения герой признался: «Иг-ра, господа! Игра!! Упражнение под закрытым забралом! Ведь надо же упражняться! Мы обязаны преодолевать сопротивление. Мы – в постоянной тюрьме и надо казаться как можно дальше от своих истинных взглядов» [88, с. 531]. Подобные высказывания свидетельствуют о близости персонажу католицизма с его культом воли, что в сочетании с верой героя в собственную исключительность, обусловили его индивидуализм.

Солженицын часто подчеркивает аристократизм Сологдина: выработанную самодисциплину, умение контролировать свои мысли и чувства, чувство собственного достоинства. Однако аристократизм персонажа порой переходит границы, что отражается в снисходительном высокомерном отношении к Спиридону, пристрастии к картинным позам, чрезмерной настойчивости в освобождении русского языка от иностранных слов и подвергается автором ироническому осмеянию. Сологдин считает себя стоящим над толпой, чем и обусловлено его пренебрежительное отношение к народу.

«– Ты как на шарашку попал, а, Спиридон? – приглядываясь к дворнику, спросил Сологдин.

Просто нечего было делать. За много лагерных лет Сологдин водился лишь с образованными, не предполагая почерпнуть что-либо ценное у людей низкого развития» [88, с. 184]. Пренебрежительно-снисходительное отношение к дружбе Нержина со Спиридоном присуще и Рубину и Сологдину. Сходство персонажей проявляется не только в манере спора, в стремлении навязать собственные взгляды, считая себя носителями истины, но и в отношении к народу. Дружбу Нержина со Спиридоном они называли «”хождением в народ” и поисками ... сермяжной правды» [88, с. 506]. «Сами же Рубин и Сологдин не искали этой сермяжной правды, ибо обладали Абсолютной прозрачной истиной» [88, с. 506].

Именно этих двух героев Солженицын сталкивает в споре, из которого никто из них не вышел победителем. Ироническое отношение к Рубину и Сологдину Солженицын выразил с помощью диалектики, вокруг которой разворачивается спор персонажей. Сологдин блестяще доказал, что большевики не понимают законов диалектики, на которые опираются. Тем не менее, отношения Сологдина и Рубина Солженицын подчиняет законам диалектики. Ибо под противоположностями диалектический материализм понимает такие моменты, «стороны», которые находятся в неразрывном единстве; взаимоисключают друг друга, причем не только в разных, но и в одном и том же отношении, то есть взаимопроникают. Сологдин и Рубин – противоположности, но они объединены не только местом рождения – Россией, но и отношением к коммунистическому строю. Один рьяно готов служить большевикам, другой их люто ненавидит. Но ни один не хочет проанализировать свои взгляды, оставить рациональное и отбросить наносное.

Процесс развития осуществляется через столкновение противоположностей. Аккумуляция этих противоположностей, их анализ и синтез позволили Нержину духовно развиваться, искать собственную систему взглядов. По мере накопления философского опыта предыдущих поколений, нержинские искания выходят на качественно иной уровень. Герой начинает преломлять накопленные знания и пытаться применить их для понимания особенностей развития нашей страны. Примечательно, что совершенно иное качество приобретает накопленное количество знаний Рубиным и Сологдиным. Нержин пришел к отрицанию

отрицания, то есть к более глубокому осмыслению на новом этапе развития теории уже достигнутых моментов истины. Рубин и Сологдин отбрасывали то, что казалось им неприемлемым, не поднимаясь на качественно иной уровень. Идеи, озвученные оппонентом, не оказывают на них никакого воздействия, они не слышат друг друга, не взаимодействуют. Они просто сталкиваются с противоположными идеями, полагая основной целью отстаивание собственной правоты, но не поиск наиболее оптимальных путей развития страны и народа. Эти идеи проходят сквозь них, почти не подвергаясь никаким изменениям и не изменяя идеи оппонента.

Героем, несущим в романе большую нравственно-психологическую нагрузку и занимающим верхнюю ступень в иерархии марфинского социума, является Глеб Нержин. Его суждения основываются, прежде всего, на личном опыте, но он с готовностью обращается к наследию мировой философской мысли. «Счастье непрерывных побед, счастье триумфального исполнения желаний, счастье полного насыщения – есть страдание! Это душевная гибель, это некая непрерывная моральная изжога! Не философы Веданты или там Санкья, а я, я лично, арестант пятого года упряжки Глеб Нержин поднялся на ту ступень развития, когда плохое уже начинает рассматриваться и как хорошее, – и я придерживаюсь той точки зрения, что люди сами не знают, к чему стремиться. Они исходят в пустой колотьебе за горстку материальных благ и умирают, не узнав своего собственного душевного богатства. Когда Лев Толстой мечтал, чтоб его посадили в тюрьму – он рассуждал как настоящий зрячий человек со здоровой духовной жизнью» [88, с. 50]. Отказ от культа материальных благ приводит героя к признанию абсолютного значения нравственных ценностей. «Справедливость – это глава угла, это основа мироздания!» [88, с. 352].

Духовный опыт Толстого имеет огромное значение для героя Солженицына при решении экзистенциальных проблем. Взгляд на жизнь под подобным углом зрения позволяет Нержину сохранить внутреннюю независимость, заставляет его быть честным с самим собой и с окружающими, дает силы не согласиться на сотрудничество с МГБ. Яконов, Рубин и Сологдин поочередно предлагали Нержину принять участие в выполнении заданий МГБ, что сулило явные материальные выгоды, однако требовало от героя

определенных нравственных жертв. Отсюда, неприятие Нержиным идей ни Сологодина, ни Рубина.

Рассматривая образы, Ж. Нива отметил, что Солженицын использует трехфигурную схему, позаимствованную из романа В. Гюго «93 год» [33]. Последний в своем романе прославляет «...Три чистые и неукротимые души, разведенные политическим выбором, но соединенные вновь честью и смертью» [70, с. 100]. Нива полагает, что «в каком-то смысле Сологдин – это маркиз де Лантенак, душа вандейского бунта, Рубин – Симурдэн, душа плебейской борьбы, а Нержин – Ровэн, связанный с тем и с другим, приемный сын одного, поверенный помощник другого» [70, с. 100]. Однако солженицынские герои разошлись не только и не столько по политическим мотивам, ибо антагонисты Рубин и Сологдин остаются в спецтюрьме, а Нержин не может остаться в Марфино ценой служения большевистскому режиму. Развело героев именно понятие о чести и моральности совершаемого поступка. Нержин дошел до понимания важности духовного развития, поэтому не приемлет тех путей, которые ему предлагают, чтобы избежать отправки в лагерь. Для него подобное спасение бессмысленно. «Эффект бессмысленности, – как отмечает Ю.М. Лотман, – возникает при взгляде “из другого мира”, с точки зрения наблюдателя, не понимающего или не принимающего мотивировок, целей и логики того мира, в который он врывается или который он наблюдает» [60, с. 727]. Подобный эффект характеризует отношения этих персонажей. Не только Рубин и Сологдин не понимают друг друга, но и Нержин не воспринимает мотивировок их поступков. Отсюда нержинское восприятие предложений Рубина и Сологодина как сатанинских искушений. Героя искушали трижды, что является явной аллюзией на Библию.

Солженицын, следуя традициям Толстого, описывая душевное состояние персонажей, прибегает к помощи природы. Тесная взаимосвязь натуралистической точности с условностью придает образу обобщенно-символическое значение. Вот как описывается состояние Нержина, вынужденного принимать решение – то ли согласиться работать на МГБ и тем самым остаться в Марфино, то ли обречь себя на возвращение в лагерь. «За спиной Нержина, за отуманенными стеклами, не было видно самого снега, но мелькало много черных хлопьев – теней от снежинок, отбрасываемых на

тюрьму фонарями и прожекторами зоны» [88, с. 425]. В образе черных снежинок ощущается трагическая экспрессия.

Не только философские размышления, но и раздумья над романом В. Гюго «Девяносто третий» [33] в известной степени привели Нержина к осознанию главного дела своей жизни. Герой Солженицына сравнивает себя с Лантенаком, который, сидя на дюне, «видит несколько колоколен сразу, и на всех на них – смятение, все колокола гудят в набат, но ураганный ветер относит звуки, и слышит он – безмолвие. Так каким-то странным слухом еще с отрочества слышал Нержин этот немой набат – все живые звоны, стоны, крики, клики, вопли погибающих, отнесенные постоянным настойчивым ветром от людских ушей» [88, с. 265]. Во время войны Нержин всюду собирал запрещенные и сжигаемые в Советском Союзе книги. «От их тлеющих листов к читателю восходил непобедимый немой набат» [88, с. 265]. Голос этого набата, не дающий ему покоя, утвердил в нем желание: «узнать и понять! откопать и напомнить!» [88, с. 267]. Поиски истины побуждают Нержина жадно слушать и критически оценивать мнение собеседников: от друзей-антагонистов Рубина и Сологодина до дворника Спиридона. Пребывание в тюрьме способствовало самопознанию солженицынского героя, пережитые испытания углубили его понимание многих нравственно-философских проблем. «Когда раньше, на воле, я читал в книгах, что мудрецы думали о смысле жизни или о том, что такое счастье, – я мало понимал эти места. Я отдавал им должное: мудрецам и по штату положено думать. Но смысл жизни? Мы живем – и в этом смысл? Счастье? Когда очень-очень хорошо – вот это и есть счастье, общеизвестно... Благословение тюрьме!! Она дала мне задуматься» [88, с. 48-49].

Пытаясь осознать настоящее, Нержин оценивает его с исторической высоты – «...от того холма, где волчица кормила близнецов, от той долины олив, где чудесный мечтатель проезжал на ослике...» [88, с. 685]. Именно поэтому Нержин пишет роман о революции, видя в ней ту точку отсчета, от которой надо следовать, чтобы объяснить причину появления лагерей и вырождения народа. Вслед за Достоевским, Солженицын связывал будущее русской литературы с самоотверженной деятельностью тех, кто припоминая и записывая, противопоставит свой труд нравственной энтропии, разрушению культуры. Нержин отвергает все рассуждения о

равенстве, сытости и прогрессе в материальной сфере человеческой жизни. Он ратует за духовный прогресс человечества, за общество, построенное на соблюдении принципов морали.

Литература развивается по своим внутренним законам, но и она не может не зависеть от общественно-политической обстановки. На страницах литературных произведений нашли отражение вопросы государственного устройства. Многие писатели вскрывали недостатки современного им общественного устройства. Этой теме касались А. Радищев [148], Н. Чернышевский [101], Е. Замятин [44], М. Булгаков [17], В. Гроссман [29], [30], Б. Пастернак [74] и многие другие. Аккумулировав наследие философской и литературной мысли, Солженицын избрал для себя приоритетным, в определении общественного устройства, духовный рост человечества. Показательна в этом смысле фраза Нержина: «Вы нам – нравственное общество дайте!» [88, с. 351]. Именно поэтому герой отвергает возможность вооруженного переустройства общества, базирующегося на техно-элите.

Ставя нравственность во главу угла, Нержин обращается к христианскому вероучению. «...Ведь помните: в Начале было Слово. Значит, Слово – исконней бетона? Значит, Слово – не пустяк?» [88, с. 687]. Именно слово может привести человека к внутренне осознанной необходимости придерживаться принципов морали и строить свою жизнь, руководствуясь нравственными устоями. Нержинская вера в силу слова созвучна с первыми строками Евангелия от Иоанна. «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» [14, с. 100]. В слове сливаются знания прошлого, настоящего и будущего. Солженицын призывает нас к терпимости в той же мере, что и к принципиальности. Осознавая природу заблуждений и предрассудков, он понимает и способы борьбы с ними, более действенные и радикальные, чем прямое насилие. Фразеологическая, психологическая и идеологическая точки зрения персонажа и автора совпадают: писатель говорит не только от лица героя, но и от своего собственного лица.

В главе «Немой набат» говорится о желании Нержина раскрыть тайну «Большой и самой Главной тюрьмы страны» [88, с. 267], хотя он и не знал, что «тюрьма эта называется Большая Лубянка» [88, с. 267]. В символическом поле лубянского хронотопа пересекаются судьбы Володина и Нержина, подчеркивается их

идейная близость друг другу и автору. Именно на Лубянку пошел «торпедой» Володин, а Нержин, после оглашения тюремным начальством новой инструкции о доносах на родственников, клянется отомстить: «И за все, за все, за все, за пыточные следствия, за умирающих в лагере доходяг и за сегодняшнее утреннее объявление – четыре гвоздя их памяти! Четыре гвоздя их вранью, в ладони и в голени – и пусть висит и смердит, пока Солнце погаснет, пока жизнь окоченеет на планете Земля» [88, с. 567]. Высказывание в форме несобственно прямой речи строится на контрастном переосмыслении известного библейского символа.

Воззрения персонажа и автора уподобляются в стремлении уничтожить ложь, на которой базируется насилие. В статье «Жить не по лжи!» Солженицын изложил диалектику насилия и лжи: «Когда насилие врывается в мирную людскую жизнь – его лицо пылает от самоуверенности, оно так и на флаге несет и кричит: «Я – Насилие! – Разойдись, расступись – раздавлю!» Но насилие быстро стареет, немного лет – оно уже не уверено в себе, и, чтобы держаться, чтобы выглядеть прилично, – непременно вызывает себе в союзники Ложь. Ибо: насилию нечем прикрыться, кроме лжи, а ложь может держаться только насилием» [93, с. 188-189]. Автор объясняет силу Слова: правда способна победить насилие, уничтожив ложь.

Несмотря на различие во взглядах героев, они схожи тем, что их внутренний мир находится в постоянной конфронтации с внешними проявлениями. И в конце романа Рубин и Сологдин предают интересы народа, в широком понимании этого слова, и соглашаются сотрудничать с МГБ. Оба героя считают, что народ необходимо исправлять, а не возрождать. Примечательно отношение героев к религии. Сологдин считает православие не спасением, а проклятием русского народа, не понимая, что именно православие наиболее созвучно русской душе. Рубин же пытался заменить христианство дистиллированной религией коллективизма, работая над проектом Гражданских храмов. Оба героя видят только ритуальную сторону религии, не задумываясь о том, что важность религии состоит не в наличии того или иного Бога, а в четком разграничении добра и зла, в тех заповедях, согласно которым следует жить. Нержин же не хочет буквализировать Бога, он признает его как Образ Совершенства, к которому следует стремиться. Герой, не принявший безоговорочно ни одну из

позиций, стремится понять, почему именно так сложилась судьба России. Нержин находится между Рубиным и Сологдиным не только в горизонтальном, но и в вертикальном измерении. Осознание своего места в мире происходит у Нержина посредством приобщения к мировой философской и этической мысли. Он стремится найти тот срединный путь, который позволит объективно оценивать реальность и не отдалиться от народа, воспарив в область абстрактных идей. Символичной, в данном случае, является липа с раздвоенным стволом. «Одна из лип, в которые упиралась тропка, имела ствол, раздвоенный с высоты груди. На этот раз Нержин не пошел от ствола назад, а прислонился к нему спиной и откинулся затылком точно в раздвоение» [88, с. 349].

Персонажи, представленные нами в этой группе, подтверждают антропологические воззрения Солженицына, основывающиеся на представлении о социальном как о вторжении созданного человеком зла в благородную сущность человеческой личности.

Заключение

Предпринятые отечественными и зарубежными исследователями попытки классификации персонажей романа Солженицына «В круге первом» отличались некоторой односторонностью и схематичностью. Нами предложен принципиально иной подход к классификации образов. Учитывая особенности мировоззрения писателя, мы отказались от резкой поляризации героев по принципу их служения добру или злу и выделили особую группу («Служители поневоле»), находящуюся на пересечении этих полюсов. Размещение этих персонажей в главе, посвященной новым хозяевам жизни, свидетельствует о неоднородности социума угнетателей.

Главное в авторской концепции, по нашему мнению, это идея самостояния личности в борьбе с тоталитарной системой и те духовные ценности, которые позволяют сохранить человеческое достоинство. Однако Солженицын не занимает прокурорскую позицию по отношению к людям, не выдержавшим страданий и вставшим на путь служения системе. Это обусловило выделение нами особой «промежуточной» группы персонажей. Все же, думается, в романе аккумулировались экзистенциальные переживания человека, вынужденного принять трагическую эпоху. Потому концептуальным положением нашего исследования является мысль о невозможности четкой градации персонажей, о подвижности границы между группами и об общей трагичности судеб всех персонажей.

Продолжая лучшие нравственные традиции русской и мировой культуры, писатель руководствовался императивом персональной ответственности человека за все, что происходит. Учитывая специфику солженицынского повествования, а именно: отсутствие главного героя, – рассмотрение персонажей произведения в их совокупности и взаимодействии является необходимым условием для понимания как творческого замысла, так и мировоззренческой позиции писателя. Отсутствие доминирующего мировоззрения обусловило возможность сосуществования различных точек зрения, что позволяет сделать вывод о полифоничности романа Солженицына. Говоря о

персонажах, важно отметить, что наиболее полно авторская позиция раскрывается не в словах одного героя, а в сложной системе их взаимоотношений, и авторское видение мира может быть определено лишь при анализе всей этой системы.

В романе Солженицына можно выделить несколько хронотопов, каждый из которых имеет свою иерархию и формирует особый мир со своей системой ценностей, представлениями о смысле жизни и спецификой поведения. Положение человека в социальной иерархии оказывается обратно пропорциональным степени личной свободы, доступной ему. Так, особенность марфинского хронотопа состоит в том, что внутреннее действие романа переводится во внесобытийный ряд и развивается в диалогах героев.

Предпринятая нами попытка всестороннего анализа образа Сталина в романе, сопоставление его с другими историческими деятелями позволила не только выявить сущность вождизма, но и понять психологические особенности этого персонажа. Создавая его образ, Солженицын писал не портрет исторического деятеля, а стремился сформировать у читателя соответствующее отношение к герою. Этим обусловлено символическое выведение персонажа за пределы конкретного времени и пространства.

Особый принцип организации авторского повествования дает Солженицыну возможность охарактеризовать внутренний мир героя, используя для этого различные формы выражения авторской позиции: совмещение писательской оценки с высказываниями героя, повествование от третьего лица, переход внутренней речи персонажа в высказывание мыслей вслух, пародирование склада мышления героя, стиля его говорения и думания. В ходе анализа нами выявлено противоречие между безграничной властью персонажа и постоянным страхом. Очевиден и двойственный характер страха – это и страх Сталина за собственную жизнь и власть, и страх его окружения, формирующий обстоятельства жизни у внешне благополучных героев романа.

Солженицын прибегает к традиционным для романного жанра средствам создания образов и выражения авторской позиции: портрету, речевой характеристике, прямой характеристике психологического состояния героя, его предыстории, внутренним монологам и несобственно прямой речи. Отказ писателя от прямых форм выражения собственной позиции приводит к поиску иных

форм ее воплощения. Важнейшим из них оказывается выражение авторской точки зрения через соотнесение позиции героя с общей романной ситуацией. Подобным образом создается композиционное единство системы персонажей.

В романе «В круге первом» писатель использовал различные средства выразительности: литературные и философские реминисценции, а также символику заглавий, экспрессивно окрашенную лексику, метонимию, «вывернутую» иронию, так называемый «крупный план», сгущение деталей и другие художественные средства создания образов. Для создания экспрессивности Солженицын прибегает к повторам, которые являются не только связующим элементом повествования, но и выполняют усилительно-выделительную функцию, способствуют более глубокому пониманию психологического состояния персонажа. Использование автором воспоминаний и писем способствует созданию эффекта достоверности и совмещению категорий прошедшего и настоящего времени. Солженицын избегает длинных описаний, стремясь передать лицо героя каким-либо метким сравнением, существенно расширяет функцию портрета, представляя персонаж через восприятие стороннего наблюдателя.

Сближение социального и философского, вечного и временного, фактического материала и художественного вымысла является отличительной особенностью романа. Действительность познается как через конкретно-чувственное восприятие персонажей, так и сквозь призму выработанных мировой художественной и философской мыслью универсальных идей. Такое «двойное» зрение позволяет Солженицыну видеть и показывать явления действительности и в конкретно-исторической плоскости, и во вневременной перспективе. В этом смысле роман «В круге первом» представляет собой открытый надвременной диалог, который, в создаваемом с этой целью особом диалогическом пространстве опосредованно ведут сотни напрямую не представленных в произведении участников.

Воплощение концепции мира и личности в романе Солженицына соединяется с постановкой ряда онтологических и экзистенциальных проблем: проблемы добра и зла, патриотизма, воспитания и образования, гармонии и дисгармонии, смысла жизни и других, что делает произведение концептуально значимым,

придает ему особую глубину и многомерность. Особенность солженицынского повествования состоит также в том, что темы, которыми насыщен роман, также представлены в системе: говоря о патриотизме, нельзя не упомянуть о добре и зле, размышления о смысле жизни и воспитании вложены в уста многих героев и пронизывают всю ткань произведения. Нам представляется, что патриотизм писатель понимает как служение народу, стране, а не правительству, что подчас вызвало неоднозначность трактовки персонажей романа критиками.

Солженицын строит повествование таким образом, чтобы борьба между Добром и Злом из области личностных отношений переходила во вселенское и воспринималась как борьба мирового Добра с мировым Злом. Мировоззрение писателя сформировалось на основе христианской религиозной традиции и переосмысления исторического развития России. Солженицын исходит из понимания об изначальной упорядоченности бытия, подвергнутого агрессии деструктивных начал, полагая, что Добро первично, а Зло – вторично. Понимание того, что духовная неустойчивость, нечеткость в разграничении категорий добра и зла приводит к снижению, изменению и перерождению духовной основы человека, опирающегося на некие неопределенные в своей реальной сущности абстрактные идеи, находит воплощение в романе «В круге первом». Вера в абсолютную нравственность, постигаемую лично и интуитивно, проходит через весь роман.

С точки зрения Солженицына, народу нужно национальное опамятование, самопознание и общественно-культурная актуализация ценностей православия. Особая роль в этом принадлежит слову, так как только оно, по мнению писателя, способно привести человека к внутренне осознанной необходимости придерживаться принципов морали и строить свою жизнь, руководствуясь нравственными устоями. В слове сливаются знания прошлого, настоящего, будущего, которые могут быть противопоставлены нравственной энтропии и разрушению культуры.

С нашей точки зрения, писатель воспринимает христианство не как религиозный догмат, а как опыт предыдущих поколений, концентрированно воплотившийся в заповедях и служащий нравственным критерием жизни людей. Солженицын призывает людей к духовному совершенствованию и постижению Бога не

через внешние атрибуты, а через внутреннее осознание необходимости жить по христианским заповедям и этим уменьшать долю зла в своем сердце. Система антропологических взглядов писателя базируется на представлении об изначальной одухотворенности человеческого рода и о последующем его падении. Он отвергает детерминизм, признавая человека свободным в следовании хорошим и злым побуждениям и возлагая ответственность на каждого индивида в выборе того или иного пути. Солженицын не только изображает так называемые «критические точки» как на пути к Добру, так и на пути к Злу, но и метания людей, зачастую вынужденных делать выбор в пользу последнего.

Трагическая ирония романа заключается в том, что обретение истины и собственного лица не приносит героям счастья, а, напротив, низвергает их в бездну. Солженицын убежден, что смысл земного существования не в материальном благополучии, а в духовном развитии. Обывательски-приспособленческое отношение к жизни нового правящего класса, видящего смысл жизни в материальном благополучии, автор противопоставляет жертвенности персонажей, которых объединяет христианский подход к решению вопроса. В тесной связи с этой проблемой находится вопрос о судьбе страны, о том социальном устройстве, которое формирует соответствующее отношение к жизни. Обобщив достижения философской и литературной мысли, Солженицын в определении общественного устройства избрал для себя важнейшим духовный рост человечества. Этот выбор со всей очевидностью продемонстрирован и его творчеством, и самой жизнью писателя.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абрамов Ф. А. Собрание сочинений : в 6 т. / Ф. А. Абрамов. – Л. : Худож. лит : Ленингр. отд-ние, 1990 – . – Т.1 : Братья и сестры : Роман в 4 кн. : Кн. 1–2; Две зимы и три лета : [роман] / [Подгот. текста, послесл., примеч. Л. Крутиковой-Абрамовой] . – Л. : Худож. лит : Ленингр. отд-ние , 1990 – 637, [2] с.
2. Амлинский В. И. «На заброшенных гробницах» / В. И. Амлинский // Юность. – 1988. – № 3. – С. 50–61.
3. Андреева-Карлайл О. В. Солженицын. В круге тайном (Воспоминания) / О. В. Андреева-Карлайл // Вопросы литературы. – 1991. – № 1. – С. 192–225.
4. Андреева-Карлайл О. В. Солженицын. В круге тайном (Воспоминания) / О. В. Андреева-Карлайл // Вопросы литературы. – 1991. – № 2. – С. 185–204.
5. Андреева-Карлайл О. В. Солженицын. В круге тайном (Воспоминания) / О. В. Андреева-Карлайл // Вопросы литературы. – 1991. – № 3. – С. 89–127.
6. Андреева-Карлайл О. В. Солженицын. В круге тайном (Воспоминания) / О. В. Андреева-Карлайл // Вопросы литературы. – 1991. – № 4. – С. 188–224.
7. Андреева-Карлайл О. В. Солженицын. В круге тайном (Воспоминания) / О. В. Андреева-Карлайл // Вопросы литературы. – 1991. – № 5. – С. 171–210.
8. Аристотель. Поэтика. Риторика / Аристотель ; [пер. с греч. В. Аппельрота, Н. Платоновой]. – СПб. : Азбука, 2000. – 346, [2] с.
9. Афанасьев А. Н. Древо жизни: Избранные статьи / А. Н. Афанасьев. – М. : Современник, 1983. – 464 с.
10. Басенко Ю. Н. Судьба интеллигенции в контексте эпохи в творчестве А. И. Солженицына : дис. ... канд. ист. Наук : 07.00.02 / Басенко Юрий Николаевич. – Курск, 2006. – 239 с.
11. Белинков А. В. Сталин у Солженицына. Из незавершенной книги «Судьба и книги Александра Солженицына» / А. В. Белинков // Новый колокол. –

1972. – № 1. – С. 429–430.
12. Белопольская Е. В. Роман А. И. Солженицына «В круге первом»: Проблематика и поэтика: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.02 / Белопольская Елена Вадимовна. – Ростов н/Д., 1996. – 180 с.
 13. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – Репринтное воспроизведение издания УМСА-PRESS, 1955 г. – М. : Наука, 1990. – 220, [2] с.
 14. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. [Перепечатано с Синоидального издания]. – Chicago, USA. – 1990. – 1226 с.
 15. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука : в 2 кн. // А. А. Богданов. – М. : Экономика, 1989. – .– (ЭН : Экон. наследие / редкол.: Л. И. Абалкин (пред.) [и др.]). Кн. 1. – 303, [1] с.
 16. Богданов А. А. Тектология. Всеобщая организационная наука : в 2 кн. // А. А. Богданов. – М. : Экономика, 1989. – .– (ЭН : Экон. наследие / редкол.: Л. И. Абалкин (пред.) [и др.]). Кн. 2. – 305, [1] с.
 17. Булгаков М. А. Мастер и Маргарита : [роман] / М. А. Булгаков. – Б. : Азернешр, 1988. – 320 с. – (Текст).
 18. Бунин И. А. Окаянные дни : Неизвестный Бунин / И. А. Бунин. – М. : Молодая гвардия, 1991. – 335, [1] с.
 19. Бунин И. А. Легкое дыхание: [Повести. Рассказы] / Иван Бунин – М. : ЭКСМО-Пресс, 1998. – 82 с.
 20. Вождь. Хозяин. Диктатор : [Публ. газ. и журн. за 1987-1989 гг., посвящ. развенчанию культа личности Сталина и сталинщины / сост. А. М. Разумихин]. – М. : Патриот, 1990. – 573, [2] с.
 21. Воронов Ф. В поисках истины: К публикации прозы А. Солженицына / Ф. Воронов // Литературная Россия. – 1989. – 7 июля. – № 24. – С. 16–17.
 22. Геллер М. Я. Александр Солженицын (К 70-летию со дня рождения) / М.Я. Геллер. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1989. – 117 с.
 23. Гете И. В. Фауст : [Трагедия] / И.В Гете ; [пер. с нем. Н. А. Холодковского]. – Киев : Дніпро, 1983. – 299 с.
 24. Гоголь Н. В. Избранные произведения / Н. В. Гоголь. – Запорожье : Премьер, 2003. – 287 с.

25. Гоголь Н. В. Мертвые души : [Поэма] / Н. В. Гоголь. – Х. : Книжный мир, 2006. – 446 с.
26. Голубков М. М. Александр Солженицын : В помощь преподавателям, старшеклассникам и абитуриентам / М. М. Голубков. – [2-е изд.]. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 111, [1] с.
27. Голубков М. М. Русская литература XX в. После раскола : учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению "Филология", специальностям "Филология" и "Литературоведение" / М. М. Голубков. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 267 с.
28. Гофман Э. Т. А. Новеллы ; [пер. с нем.] / Э. Т. А. Гофман. – М. : Правда, 1991. – 477, [2] с.
29. Гроссман В. С. Жизнь и судьба : [роман] / В. С. Гроссман. – Томск : Кн. изд-во, 1991. – .– Т. 1 : Ч. 1. – 1991. – 348, [2] с.
30. Гроссман В. С. Жизнь и судьба : [роман] / В. С. Гроссман. – Томск : Кн. изд-во, 1991. – .– Т. 2 : Ч. 2, 3. – 1991. – 522, [1] с.
31. Гуковский Г. А. Реализм Гоголя / Г. А. Гуковский – М.-Л. : Гослитиздат, 1959. – 531 с.
32. Гумилев Л. Н. Чтоб свеча не погасла: Диалог / Л. Н. Гумилев, А. М. Панченко. – Л. : Сов. писатель, 1990. – 128 с.
33. Гюго В. Девяносто третий год : [роман] / Виктор Гюго; [пер. с фр. Н. М. Жарковой]. – М. : Худож. лит., 1988. – 396, [2] с.
34. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – .– Т. 3. – 1955. – 556 с.
35. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – .– Т. 4. – 1955. – 685 с.
36. Данте Алигьери. Божественная комедия: [эпическая поэма] / Данте Алигьери ; [пер. с итал. М. Лозинского]. – Пермь : Пермская книга, 1994. – 479 с.

37. Достоевский Ф. М. Бесы : [роман] / Ф. М. Достоевский. – Тула : Приок. кн. изд-во, 1991. – 653 с.
38. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы : Роман в четырех частях с эпилогом / Ф. М. Достоевский. – М. : Художественная литература, – 1973. – 815 с.
39. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание : [роман] / Ф. М. Достоевский. – М. : Правда, 1988. – 464 с.
40. Евсюков В. Люди бездны / В. Евсюков // Дальний Восток. – 1990. – № 12. – С. 144–151.
41. Зазубрин В. Я. Бледная правда : [сборник] / Владимир Зазубрин : [сост. и авт. послесл. А. В. Горшенин]. – М. : Русская книга (Сов. Россия), 1992. – 446, [2] с.
42. Залыгин С. П. Год Солженицына / С. П. Залыгин // Новый мир. – 1990. – № 1. – С. 233–240.
43. Залыгин С. П. К вопросу о бессмертии. Из заметок минувшего года / С. П. Залыгин // Новый мир. – 1989. – № 1. – С. 3–50.
44. Замятин Е. И. Мы : [сборник] / Е. И. Замятин. – М. : Мол. гвардия, 1990. – 365, [2] с.
45. Золотусский И. П. Куда ж нам плыть? Полемиические заметки / И. П. Золотусский // Юность. – 1989. – № 11. – С. 59–61.
46. Келер Л. Торжество духа (О романе А. Солженицына «В круге первом») / Л. Келер // Возрождение. – 1969. – № 206. – С. 71–86.
47. Клейман Л. Человек и природа в произведениях А. Солженицына (Некоторые аспекты темы) / Л. Клейман // Грани. – 1972. – № 86. – С. 117–137.
48. Коган Э. Соляной столп : Политическая психология А. Солженицына / Э. Коган. – Париж : Поиски, 1982. – 228 с.
49. Корнилов Н. И. Ювелирные камни / Н. И. Корнилов, Ю. П. Солодова. – [2-е изд., перераб. и доп.]. – М. : Недра, 1987. – 282 с.
50. Краснов В. Г. Многоголосость героев в романе Солженицына «В круге первом» / В. Г. Краснов // Грани. – 1977. – № 103. – С. 155–175.

51. Краснов-Левитин А. Э. Два писателя [А. Солженицын, В. Максимов] / А. Э. Краснов-Левитин. – Париж : Поиски, 1983. – 294 с.
52. Крылов И. А. Басни. Сатирические произведения. Воспоминания современников / И. А. Крылов. – М. : Правда, 1988. – 479 с.
53. Кузин Н. Возвращение домой / Н. Кузин // Литературная Россия. – 1994. – 26 августа. – С. 10.
54. Латынина А. Н. За открытым шлагбаумом : Литературная ситуация конца 80-х : [сборник статей] / А. Н. Латынина. – М. : Советский писатель, 1991. – 336 с.
55. Лейдерман Н. Л. По принципу антисхемы: О романе А. Солженицына «В круге первом» / Н. Л. Лейдерман // Звезда. – 2001. – № 8. – С. 191–205.
56. Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений : в 2 т. / М. Ю. Лермонтов. – Л. : Сов. писатель, 1989. – Т. 2: Стихотворения и поэмы. – 1989. – 688 с.
57. Липовецкий М. Приветная песнь совка : О Солженицыне по канонам соцреализма / М. Липовецкий // Литературная газета. – 1994. – 5 октября. – № 40. – С. 4.
58. Лифшиц М. А. О повести А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича». О рукописи А. И. Солженицына «В круге первом» / М. А. Лифшиц // Вопросы литературы. – 1990. – № 7. – С. 74–83.
59. Лосев Л. В. Поэзия и правда у Солженицына / Л. В. Лосев // Литературное обозрение. – 1999. – №1. – С. 30–38.
60. Лотман Ю. М. О русской литературе : Статьи и исследования (1958–1993) : История рус. прозы. Теория лит. / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство – СПб, 1997. – 845 с.
61. Лурье Я. С. Александр Солженицын – эволюция его исторических взглядов / Я. С. Лурье // Звезда. – 1994. – № 6. – С. 117–125.
62. Макаров В. И. Словарь лексических трудностей художественной литературы / В. И. Макаров, Н. П. Матвеева – К. : Рад. шк., 1989. – 367 с.
63. Манн Ю. В. Диалектика художественного образа / Ю. В. Манн. – М. : Советский писатель, 1987. – 317, [2] с.

64. Мешков Ю. А. Александр Солженицын : личность, творчество, время / Ю. А. Мешков. – Екатеринбург : Диамант, 1993. – 98, [2] с.
65. Можаяев Б. А. Собрание сочинений : в 4 т. / Б. А. Можаяев. – М.: Худож. лит., 1989.– .– Т. 4. Мужики и бабы : [роман]. Кн. 2.; Очерк; Статья. – 1990. – 542, [1] с.
66. Народно-Трудовой Союз российских солидаристов, Содружество «Посев», Общественный комитет «Преемственность и возрождение России, Солженицынское общество. Честь и Совесть России // Посев. – 2003. – № 12. – С. 2.
67. Немзер А. С. Рождество и Воскресение. О романе Александра Солженицына «В круге первом» / А. С. Немзер // Литературное обозрение. – 1990. – № 6. – С. 31–37.
68. «Не приемлю роман в его неверии...» Вокруг жизни и творчества А. И. Солженицына // Известия ЦК КПСС. – 1990 – № 12. – С. 145–151.
69. Нива Ж. Возвращение в Европу : Статьи о русской литературе / Ж. Нива ; [пер. с фр. Е. Э. Ляминой]. – М. : Высш. шк, 1999. – 304 с.
70. Нива Ж. Солженицын / Ж. Нива ; [пер. с фр. Симона Маркиша в сотрудничестве с автором]. – М. : Худож. лит., 1992. – 189, [2] с.
71. Одабашьян П. С. Духовный мир героев А. И. Солженицына / П. С. Одабашьян // Грани. – 1973. – № 89–90. – С. 246–268.
72. Островский А. Н. Сочинения : в 3 т. / А. Н. Островский. – М. : Худож. лит., 1987. – .– Т. 3: Пьесы, 1873-1883. – 1987. – 525, [2] с.
73. Панин Д. М. Лубянка–Экибастуз : Лагерные записки / Д. М. Панин. – М. : Скифы, 1991. – 379, [1] с.
74. Пастернак Б. Л. Доктор Живаго : [роман] / Б. Л. Пастернак. – М. : Кн. палата, 1989. – 428, [2] с. – (Текст).
75. Паустовский К. Г. Золотая роза : Повести. Рассказы / К. Г. Паустовский. – К. : Рад. школа, 1984. – 385 с.
76. Померанцев К. Д. Добро и зло у Солженицына / К. Д. Померанцев // Новый журнал. – Нью-Йорк. – 1969. –

- № 95. – С. 149–158.
77. Радзинский Э. С. Сталин / Э. С. Радзинский. – М. : Вагриус, 2004. – 639 с.
78. Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву / А. Н. Радищев. – СПб. : Азбука-классика, 2009. – 284, [2] с.
79. Реизов Б. Г. Историко-литературные исследования : [сборник статей] / Б. Г. Реизов. – Л. : Издательство ЛГУ, 1991. – 247, [2] с.
80. Ржевский Л. Д. Творец и подвиг : Очерки по творчеству Александра Солженицына / Л. Д. Ржевский. – Frankfurt а/М. : Посев, 1972. – 165, [2] с.
81. Рокотян Ю. В. Христианские корни публицистики Солженицына / Ю. В. Рокотян // Москва. – 2005. – № 12. – С. 154–159.
82. Русланов С. Эпигон Великого Инквизитора. К портрету Сталина в романе А. И. Солженицына «В круге первом» / С. Русланов // Грани. – 1974. – № 92–93. – С. 279–294.
83. Рутыч Н. Сталин в современной литературе / Н. Рутыч // Посев. – 1980. – № 2. – С. 48–54.
84. Салтыков-Щедрин М. Е. История одного города / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Горький : Волго-Вятское кн. изд-во, 1986. – 206, [2] с.
85. Свифт Д. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера, сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей : [роман] / Джонатан Свифт ; [пер. с англ. под ред. А. Франковского]. – М. : Вагриус, 2002 – 301, [2] с.
86. Смит А. Теория нравственных чувств / А. Смит ; [перевод]. – М. : Республика, 1997. – 350, [1] с.
87. Солженицын А. И. Бодался теленок с дубом : Очерки литературной жизни / А. И. Солженицын. – [2-е изд., испр. и доп.]. – М. : Согласие, 1996. – 687, [1] с.
88. Солженицын А. И. В круге первом : [роман] / А. И. Солженицын. – М. : Художественная литература, 1990. – 765, [1] с. – (Текст).
89. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений : в 7 т. / А. И. Солженицын. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – . – Т. 3: Рассказы. – 1991. – 288 с.

90. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений : в 7 т. / А. И. Солженицын. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – .– Т. 4: Раковый корпус. – 1991. – 416 с. – (Текст).
91. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений : в 7 т. / А. И. Солженицын. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – .– Т. 5: Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956 : Опыт художественного исследования, т. 1. – 1991. – 432 с. – (Текст)
92. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений : в 7 т. / А. И. Солженицын. – М. : ИНКОМ НВ, 1991. – .– Т. 6: Архипелаг ГУЛАГ, 1918-1956: Опыт художественного исследования, т.2. – 1991. – 432 с. – (Текст).
93. Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. / А. И. Солженицын. – Ярославль : Верхне-Волжское кн. издательство, 1995. – .– Т. 1: Статьи и речи. – 1995. – 720 с.
94. Солженицын А. И. Публицистика : в 3 т. / А. И. Солженицын. – Ярославль : Верх.- Волж. кн. изд-во, 1996. – .– Т. 2: Общественные заявления, письма, интервью. – 1996. – 624 с.
95. Стреляный А. «Не верь, не бойся, не проси!» Мировоззрение Александра Солженицына (по «Архипелагу Гулагу» и «Гарвардской речи») / А. Стреляный // Звезда. – 1989. – № 11. – С. 193–202.
96. Темпест Р. Герой как свидетель. Мифопоэтика Александра Солженицына / Р. Темпест // Звезда. – 1993. – № 10. – С. 181–191.
97. Толстой Л. Н. Война и мир : Роман в 4 т. / Л. Н. Толстой. – Мн. : Маст. літ, 1987. – .– Т. 1–2, кн. 1. – 1987. – 719 с. – (Текст).
98. Урманов А. В. Творчество Александра Солженицына : учебное пособие для студентов и преподавателей филологов / А. В. Урманов. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 380 с.
99. Цурганов Ю. Без прикрас и умолчаний : 25 лет серии «Исследования новейшей русской истории» / Ю. Цурганов // Посев. – 2003. – № 12. – С. 8–12.
100. Чалмаев В. А. Александр Солженицын. Жизнь и творчество : [кн. для учащихся] / В. А. Чалмаев. – М. : Просвещение, 1994. – 285, [2] с.

101. Чернышевский Н. Г. Что делать? Из рассказов о новых людях : [роман] / Н. Г. Чернышевский. – Львов : Каменяр, 1988. – 398 с. – (Текст).
102. Чехов А. П. Рассказы / А. П. Чехов. – М. : Худож. лит., 1978. – 384 с.
103. Шаламов В. Т. Проза, стихи / В. Т. Шаламов // Новый мир. – 1988. – № 6. – С. 106–151.
104. Швець Г. А. «В круге первом»: конфликт антропологий / Г. А. Швець // Наукові записки ХНПУ ім. Г. С. Сковороди. Серія «Літературознавство» – Вип. 3 (43). – Харків, 2005. – С. 134–138.
105. Швець Г. О. Художній світ роману О. І. Солженіцина “У колі першому” [Текст] : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.01.06 “Теорія літератури” / Г. О. Швець. – Донецьк, 2008. – 16 с.
106. Шекспир В. Трагедии / В. Шекспир. – М.–Л. : Государственное издательство Детской Литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1951. – 720 с.
107. Шмеман А. Д. Воскресные беседы / Протопресвитер А. Шмеман. – М. : Паломник, 1993. – 247, [1] с.
108. Шнеерсон М. Александр Солженицын : очерки творчества / М. Шнеерсон. – Frankfurt am Main : Посев, 1984. – 297 с.
109. Шнеерсон М. «Правило последних вершков» (О романе А. Солженицына «В круге первом») / М. Шнеерсон // Грани. – 1983. – № 129. – С. 18–49.
110. Эпштейн М. После будущего. О новом сознании в литературе / М. Эпштейн // Знамя. – 1991. – № 1.
111. Юнг К. Г. Душа и миф : шесть архетипов / К. Г. Юнг ; [пер. с англ.]. – К. : Гос. Библиотека Украины для юношества, 1996. – 383 с.
112. Якобсон А. О романтической идеологии / А. Якобсон // Новый мир. – 1989. – № 4. – С. 231–243.
113. Grebenschikov V. I. The Infernal Circles of Dante and Solzhenitsyn / V. I. Grebenschikov // Transactions of the Association of Russian-American scholars in USA. – New York : Assoc. of Russ.–Amer. scholars in the U.S.A, 1972. – V. 6. – P. 7–20.

Содержание

Введение.....	3
Из истории изучения романа «В круге первом».....	4
Глава 1. Творческая история романа «В круге первом»	16
Глава 2.«Палачи».....	23
2.1. Образ И. В. Сталина.....	23
2.2. Правящая элита советского общества.....	43
2.3. Адепты «передового» учения.....	52
2.4. На страже режима.....	59
Глава 3. «Палачи и жертвы».....	81
3.1. Служители поневоле.....	81
3.2. Освобождение от догм.....	86
3.3. Жертвы страха.....	104
3.4. Скрытое разнообразие советского общества.....	112
Глава 4. «Жертвы и творцы».....	120
4.1. Крестьянство и интеллигенция в сталинском обществе..	120
4.2. Советская действительность.....	132
4.3. Творцы.....	136
Заключение.....	154
Библиография.....	159

Наталья Николаевна Ступницкая
кандидат филологических наук,
сфера научных интересов:
русская и мировая литература,
английский язык.